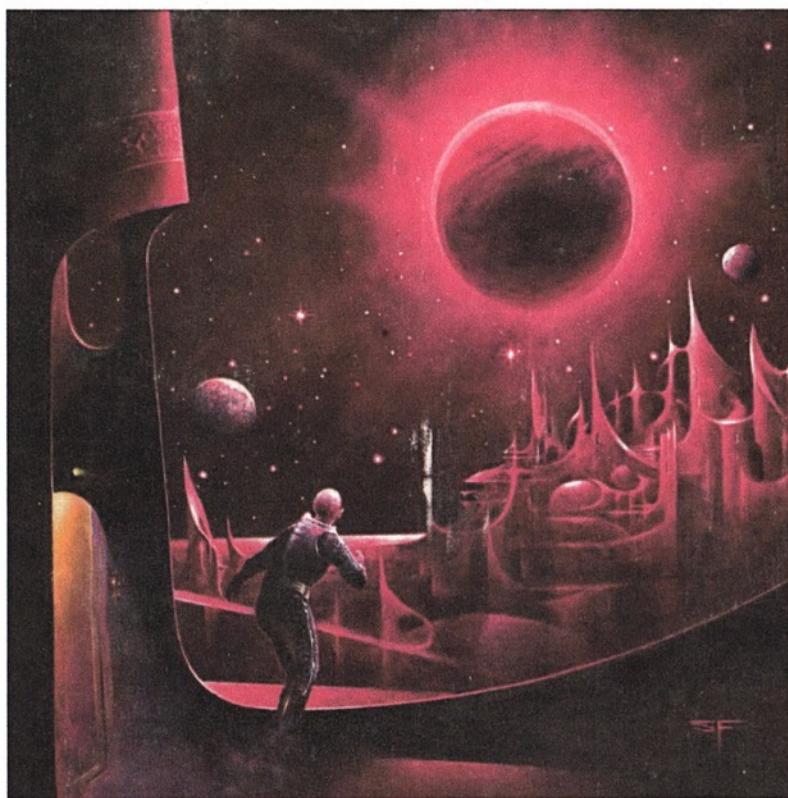

ЗМЕИНЫЕ ЗУБЫ

Приложение БЛАКФ

ФАНТАСТЫ ПОСЛЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

- ФАНТАСТЫ ПОСЛЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА -

ЗМЕИНЫЕ ЗУБЫ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2016

БААКФ-приложение 01 (2016)

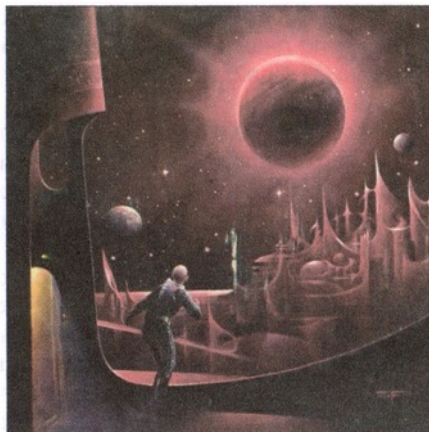
Клубное издание

ЗМЕИНЫЕ ЗУБЫ.
Сборник фантастики.
(а.л.: 11,32)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

ФАНТАСТЫ ПОСЛЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА

Золотым Веком англо-американской фантастики считается «кэмпбелловский» период, когда знаменитый редактор Джон Кэмпбелл стал выпускать журнал «Astounding», а потом и «Analog», и был это период с 1937 по 1971 год. За это время Кэмпбелл открыл практически всех самых известных фантастов и создал «лицо» англо-американской фантастики именно таким, каким мы его знаем по творчеству А. Азимова, К. Саймака, Р. Хайнлайна и ряда других, всемирно известных авторов.

Да, этот период был самый плодотворный в научной фантастике, но нельзя думать, что на нем все и кончилось. И до, и особенно после Золотого Века успешно работали перспективные, талантливые авторы. Одни у нас широко известны, такие, как Джин Вулф или Джон Варли, другие незаслуженно замалчиваются. Находились, разумеется, и такие фантасты, которые работали как раз в период Золотого Века, но находились как бы особняком от основного русла (мэйнстрима) фантастики. Одним из таких я считаю Пирса Энтони. Быть особняком – не значит, быть хуже. Это талантливейший автор, отдавший немало дани именно научной фантастике – хотя много трудившийся и на ниве фэнтези.

Да, начиная с 1980-90-х годов научная фантастика явно пошла «на спад». Это лично мое мнение, с которым многие могут не согласиться. Но все равно, незаслуженно забытых авторов и произведения нужно вспом-

нить и открыть нашим читателям. Таково мое твердое мнение. И этот сборник – одна из попыток изменить такое положение вещей.

Незаслуженно забыт такой интересный писатель, как Джек Данн, у которого на русском выходило лишь несколько рассказов. Мало известны у нас почему-то Робинсоны – Спайдер и Ким Стенли. И еще достаточно длинный ряд других фантастов.

Я выбрал шесть авторов, по два рассказа у каждого, чтобы продемонстрировать разнообразие форм, тематик и направлений фантастики после классического периода. Надеюсь, эти произведения будут интересны всем.

Общая же цель Приложений – как можно шире раздвигать рамки БААКФ. Здесь будут появляться современные писатели, и авторы периода, предшествующего Золотому Веку. Но главным образом, тут будут выходить как можно более полные собрания сочинений тех авторов, чьи произведения появлялись в томиках БААКФ. Полные в том смысле, что будут изданы, по возможности, все произведения какого-то автора, которые еще не переводились на русский. При этом будет полностью соблюден принцип не включать в книги произведения, которые уже где-то когда-то были изданы. Повторение с основными томами БААКФ тоже не будет. Это будут именно и только дополнения, чтобы показать все творчество талантливых фантастов.

Андрей Бурцев

02648

DECEMBER 1979

\$1.25

UK 70p

Isaac Asimov's

**SCIENCE
FICTION**
MAGAZINE

**FREDERIK
POHL**

**GENE
WOLFE**

**JACK C.
HALDEMAN II**

A DAVIS PUBLICATION

ALEX

ДЖИН ВУЛФ

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА КЕН- ТАВРА ФОЛА

Телефон Андерсона зазвенел, и, конечно, это была Джанет. Андерсон спустил ноги с кровати, прежде чем поднял трубку, а затем посмотрел на часы. Четыре двадцать утра. За окном лунный свет, падая на тающий снег, создавал ложное ощущение приближающегося рассвета.

Он включил ночник и на шарил ногами тапочки, но вскоре сбросил их снова. Уже было не до них. Водяная лошадка, – та, что подарил Дюмон, который наверняка тоже там будет, – заржала, высовывая из аквариума голову и покрытую пеной гриву, ржание ее было настолько пронзительным, что больше походило на чирикание птиц.

Каковы они были, из смертных никто

Не смог рассказать бы вовек.

Доспехи их, как серебро,

И кони, как девственный снег.

И нет кузнеца, в чьих умелых руках

Смогла б стать такую броня.

И нет родника, что живою водой

Напоил б неземного коня

Томас Булфинч. «Истории о богах и героях»

Кто это написал? Андерсон никак не мог вспомнить.

Перед тем, как лечь спать, Андерсон наполнил термос из нержавеющей стали обжигающе-горячим кофе, убедив себя, что он ему все равно не понадобится, просто, чтобы выпить за завтраком. Плотная шерстяная рубашка, теплые охотничьи штаны, толстые носки, охотничьи сапоги с резиновой подошвой, утепленный жилет, парка, армейская шапка. Перчатки и компас в карманах куртки? На месте. Плакат уже лежал в машине, и на колеса были надеты цепи. Двигатель завелся без проблем. Андерсон вырулил на дорогу и помчался по безмолвной улице. Еду, Джанет. Еду, Фол, или как там тебя. Черт!..

Когда зима только начиналась, он ходил в той же одежде, как и на территории студенческого городка, надевая те же самые куртку и шапку. Но затем ему пришлось пожалеть об этом, барахтаясь в снегу, когда пулеметные очереди разили незащитных и напуганных сирен, полуженщин-полуптиц, чьи разбросанные перья он помогал собирать Дюмону, когда солдаты ушли. Была одна фирма, которая продавала все виды зимней одежды.

Цены у них были высокими, но и качество было отличным. И нет кузнеца, чья умелая рука.... Как там было дальше? Как-то, как-то, как-то так.

*По зеленым, спокойным и тихим волнам
Амфитрита плывет в серебристой ладье,
И, играя, дельфины влекут ее в даль,
Ее голос ласкает им слух благородный.*

Томас Булфинч. «Истории о богах и героях»

Нет, это был не он, то был Дарвин, отец (или дедушка?) Дарвина Дюмона, того самого Дарвина с «Бигля»*. Андерсон свернул на магистраль. Километр за километром, задние огни машин перед ним выглядели как красные глаза неведомых зверей, рыскающих ночами по снегу.

Наконец, просто чтобы услышать голос, Андерсон сказал вслух:

– У них продается все, кроме воска, который использовал Одиссей, но мне он и не нужен.

Он думал о быке с головой человека – Нине из Ассирии, которого тоже убили, и чьи крылья снова напомнили ему о сиренах. Рация, словно почувствовав его одиночество, заговорила:

– Брейкер один-один. Это Сомбелин, вызываю Пирифоя. Прием, Пирифой.

– Вас слышу, Сомбелин, – Андерсон ответил. Он понятия не имел, откуда Джанет взяла это имя. Его не было ни в одном из тех источников, что он проверил.

– Проезжайте мимо указателя на Деллс, Пирифой. Спустия четыреста метров, сверните на неотмеченную знаками дорогу налево. Мы примерно в пяти километрах от съезда.

– Десять-четыре, конец связи, – сказал Андерсон.

Он ненавидел псевдонимы и был уверен, что армия все равно знала, кто они такие.

Словно подтвердив опасения Андерсона, раздался гул приближающегося вертолета. Он пролетел над машиной на скорости около ста пятидесяти километров в час, едва не касаясь верхушек деревьев, и вскоре скрылся за холмом.

– Брейкер один-один вызывает Сомбелин. К вам приближается вертолет.

– Десять-четыре, Пирифой.

Джанет знала, и знали те, кто был с ней. И, конечно, для военных в вертолете это тоже не было тайной.

*– Приветствуем, мои ненаглядные пташки,
– Моих океанских друзей.*

Фридрих Шиллер

* «Бигль» – корабль, на котором Чарльз Дарвин совершил кругосветное плавание (1831-1836)

Андерсон проехал мимо рекламного щита с изображением небольшого парохода «Аполлон 2» и свернул на другую дорогу. На снегу виднелись свежие следы от колес, и Андерсон начал машинально озираться по сторонам, хотя и знал, что ему вряд ли удастся разглядеть что-нибудь с дороги. Но некоторая возможность все же была.

*Ты выцедишь всё, Галилеянин?
Ведь нет тебе дела до них —*

До шествий в лаврах с пэанами,

до нимф веселых лесных,

Алджернон Чарльз Суинберн.

« Гимн Прозерпине», (пер. Ермаков Эдуард)

Солнце показалось из-за заснеженных холмов, и, по необъяснимой причине, Андерсон почувствовал душевный подъем. Он собирался биться, и биться он будет за то, за что, по его мнению, действительно стоит бороться. Впервые он забыл точные слова цитаты, но помнил ее смысл, причем не только рассудком, но и ногами и руками, животом, сердцем и мозгами. Драться ради победы стояло лишь вторым в его списке. Но вести бой, который стоит того, было для Андерсона превыше всего. Где еще его место, если не тут?

Андерсон перевалил через холм на скорости более чем сто двадцать километров в час и увидел автомобили, знаки и толпящихся людей. Вертолет сел на поле, неподалеку от березы, и там же были два армейских грузовика. Он ударил по тормозам и ушел в занос, работая рулем, подобно тому, как советуют гонщики по телевизору. Ему было абсолютно не страшно, но он почувствовал себя дурно. Автомобиль продолжал скользить боком до тех пор, пока не остановился в пяти метрах от ближайшего грузовика.

Андерсон выскочил из машины и вытащил плакат с заднего сиденья, как какой-нибудь древний Андерсон мог вытащить меч из ножен. Надпись на плакате гласила: «РАЗУМНАЯ ЖИЗНЬ СВЯЩЕННА». Несмотря на то, что камер еще нет, он поднял плакат над головой. Несколько солдат уставились на него. Они, в основном, были новобранцами, которым и двадцати не дашь.

Джанет подбежала к нему, расплескивая слякоть сапогами, и на фоне красной лыжной куртки ее светлые волосы были яркие, словно молнии.

– Энди, я так рада, что ты пришел! Они послали за бульдозером. Они собираются убрать машины с дороги.

– Тогда мы встанем живым щитом на пути бульдозера, – он сказал, – Нельзя же просить людей ложиться в эту слякоть.

Он смотрел на остальных демонстрантов, пока говорил эту фразу. Их было всего шесть, и пятеро из них – женщины среднего возраста. Хорошие люди, но без лидера они не выдержат значительного сопротивления.

Отправь меня, хотя бы, на войну,

Позволь возглавить храбрых мирмидонцев,

Пусть греки обретут хоть луч надежды.

Гомер. «Илиада»

Заметив Андерсона, Дюмон вышел из фургона и помахал ему рукой. Парку он носил такую же, как и у Андерсона, но лицо его было более узким, и он уже начинал лысеть.

– Мы пока не знаем, кто это. Наши сейчас разговаривают с фермером, который видел существо. Возможно, это был козлоногий.

– Отлично, – сказал Андерсон.

Сатир совсем не случайно выглядит так, как принято изображать дьявола – такое существо далеко не просто защищать перед общественностью, не то, что, например, маленького крылатого Эроса.

– Я вам тут нужен? – спросил Дюмон.

– Пока нет, – сказала ему Джанет, – оставайся у радио.

Офицер, выйдя из вертолета, с трудом пробирался по заснеженному полю. Андерсон смог разглядеть на его форме серебряных орлов. Римских орлов, отметил он. У греческой авиации орлы с закрученными крыльями. Могу поспорить, что военный не знал об этом. Или не придавал значения.

Бородатый мужчина, которого Андерсон прежде не видел, отошел от группы демонстрантов, чтобы спросить:

– Нам дадут взглянуть на это существо?

– Всегда используй «Он» или «Она», – сказал Андерсон. – Людям гораздо проще стрелять в «существо». Может быть, и дадут, но, скорее всего, нет.

Джанет улыбнулась бородатому.

– Вы увидите его... возможно, даже разрешат поговорить, но совсем недолго, если людей станет больше. Вероятно, нам сегодня повезет.

Бородач улыбнулся и заметно приободрился.

– Я слышал, что их тут больше одного.

Андерсон сказал:

– Мы на границе одного из самых больших лесных массивов Висконсина. Люди привозят их сюда. У меня один знакомый занимается статистикой, и он сказал мне, что людей тут становится меньше, о чем все предпочитают молчать. Так вот, существа чувствуют убыль, и их тянет в подобные места. В Миннесоте и верхнем Мичигане их тоже прилично.

– Они кишмя кишат в Грейт-Смоки-Маунтинс*. Доктор Дюмон собирается съездить туда летом, – добавила Джанет.

Подошел полковник.

– Профессор Андерсон?

– Боюсь, что так, – сказал Андерсон.

– Досье на вас было неполным, но я вас узнал. Что вы преподаете? Биологию? Биофизику?

– Классическую литературу

– Интересная вещь. Мне нравится Шерлок Холмс и Киплинг. Полагаю, биоинженерия для вас нечто вроде хобби.

Андерсон покачал головой.

Полковник огляделся, словно ожидая увидеть минотавра, выходящего из коровника.

* Грейт-Смоки-Маунтинс – национальный парк, расположенный на территории США.

– При определенных обстоятельствах, ваше содействие будет полезно. Думаю, дело дойдет до создания законодательной базы и осуществления надзора. Сейчас там полная неразбериха.

– Зависит от того, с какой стороны посмотреть.

– В чем-то вы правы. Слышали, что вчера убили в Филадельфии на Маркет-стрит? Кота с головой змеи. Он был размером с небольшую собаку.

– Котов такого размера полным полно, и большинство из них, как мне кажется, являются более умелыми охотниками, чем подобный мутант. Без сомнения, это чья-то первая попытка создать химеру.

Полковник, казалось, не слышал, что ему говорят.

– Они создают подобных чудовищ, но не могут их контролировать. И вместо того, чтобы уничтожить, они их отпускают. Не правда ли забавно, как все, что разрабатывается гениальными учеными, со временем превращается в то, что каждый может собрать у себя в подвале. Например, – можно купить специальный набор и смастерить телевизор, который будет ничем не хуже тех, что продаются в магазинах. Или взять авиацию – приятель, с которым я служил в Вест-Поинте*, строит самолет у себя в гараже.

– Если бы братья Райт не смогли собрать первый биплан в магазине велосипедов, то самолетов бы вообще не было, – ответил Андерсон.

– Возможно.

Андерсон, похоже, не сумел его убедить. Кажется, полковник считает Боинга изобретателем самолета.

– Перейдем к делу: мне приказано привести тут все в порядок. Вы и ваши последователи мешают этому.

– Они не мои последователи. Так получилось, что они верят в то же, что и я – хотя, скорее, я просто поддерживаю их в сложившейся ситуации.

– В вашем деле сказано, что вы один из лидеров, профессор Андерсон. Вы мужчина, а большинство из демонстрантов – женщины, вы отлично образованы и вы самый выдающийся среди них. Кого бы вы посчитали главным, будь вы на моем месте?

– Будь я на вашем месте, это была бы не единственная вещь, в которой я ошибся, – сказал Андерсон, теряя интерес к этой беседе.

Сначала ему показалось, что это армейский грузовик спускался с холма. Затем бородач и несколько женщин издали радостные возгласы, и он разглядел эмблему телекомпании на борту машины.

Полковник сказал капитану что-то неразборчивое, капитан передал сержанту, и сержант заорал на солдат, которые быстро построились в шеренги. Джанет и бородатый мужчина спешно пытались выстроить своих подопечных в линию, и Дюмон выскочил из фургона, чтобы присоединиться. Вдруг Андерсон понял, что сейчас произойдет именно то, чего все так долго ждали: армия покажет, что может действовать без применения силы, заодно давая миллионной аудитории возможность ощутить каково это – когда на тебя ведут охоту, а демонстранты, в свою очередь, раскроют

* Вест-Поинт – военная академия США

суть проблемы перед общественностью, пытаясь вызвать симпатию к жертвам травли.

Человек с микрофоном, а за ним и человек с камерой забрались в кузов грузовика. Движимые безошибочным инстинктом, они вызвали Джанет на импровизированную сцену. Андерсон хотел указать на это полковнику, но тот был занят муштрованием солдат. Человек с микрофоном вполголоса представил свой телеканал и объявил, что сюжет попадет в двенадцатичасовые новости, и лишь затем включил микрофон на полную громкость.

— Поймите же! Они будут убивать живое существо, — сказала Джанет без всяких предисловий. — Существо с душой и разумом ребенка.

— Вы тоже занимаетесь созданием новых форм жизни?

Дюмон наклонился к микрофону, глядя прямо в объектив камеры.

— Занимаюсь. Поймите, что это абсолютно законно и безупречно с точки зрения морали. Это далеко не то же самое, что проводить подобные исследования на бактериях — вывести какой-нибудь смертельный вирус невозможно при всем желании. Выходит так, что продукт нашей работы лишен всяческих прав, прав, которые есть даже у диких животных.

— Какова цель того, чем вы занимаетесь? — спросил ведущий.

Джанет положила руку на плечо Дюмона, и Андерсон почувствовал легкое волнение, залюбовавшись ее профилем.

— Мы навсегда утратили множество видов живых существ. Всех китов, горилл, два вида гепардов, и это за последние десять лет. Теперь человечество может создать то, что оно всегда обожало. Теперь у нас есть возможность увидеть друзей, о которых мечтали наши предки. Мир достаточно велик для всех, и некоторые из нас не согласны мириться с тем, что они единственные разумные существа на планете.

Армейские патрули стали выдвигаться, вероятно, надеясь тем самым отвлечь телевизионщиков. Андерсон отправил с каждым отрядом по паре демонстрантов, приказав им, если получится, закрыть своими телами от пуль объект преследования. Если осмелятся. Позади Андерсона, бородач говорил:

— Бог дал первому человеку право давать имена существам, и на языке Библии это означает создавать. «Вначале было слово...»

Андерсон шел за одним из патрулей. Несмотря на вес оружия и снаряжения, молодые солдаты двигались быстрее, чем он, и хотя их следы были отлично видны на снегу, Андерсон потерял вояк из виду, когда они вошли в березовый лес. Вертолет снова кружил над головами. Андерсон опирался на ручку плаката, словно на трость. Ветер, который шевелил кроны деревьев, пах весной и нес свежесть, и, как и прежде в машине, Андерсону снова скрутило живот. Спустя четверть часа или около того, он заметил солдат, но не мог с уверенностью определить, тот ли это патруль. Похоже, они остановились осмотреть чьи-то следы, которые тут же сами и затоптали. Вскоре они продолжили путь. Обрадовавшись тому, что не было слышно ни единого выстрела, Андерсон поспешил за солдатами.

Солнце поднялось над лесом. Вертолет дважды пронесся над лесом. Карманный компас, купленный пару месяцев назад, Андерсон потерял в снегу. Черную парку Дюмона было легко разглядеть благодаря тому, что тот двигался, и именно его Андерсон заметил первым. Вскоре, он увидел и Джанет в красном лыжном костюме.

*Если когда я, отец наш, тебе от бессмертных угодна
Словом была или делом, исполни одно мне моление!*

Гомер. «Илиада», перевод Н.И. Гнедич

Он позвал их, и они ответили тем же. Что-то в их неуверенных голосах подсказало ему, что они тоже заблудились и не могли решить, в какую же сторону все-таки идти.

Обледенелый ручеек пробивался на поверхность неподалеку от того места, где они стояли, там же были слегка припорошенные снегом камни. По сиявшему сквозь редкие облака солнцу, определить направление было трудновато, поскольку оно уже вошло слишком высоко.

— Вот и мы, — сказала Джанет и засмеялась. — Трое зачинщиков. Уверена, ты тоже не знаешь обратной дороги. Так, Энди?

Андерсон кивнул.

— Мы ее найдем.

— Надеюсь, у Пола дела обстоят лучше.

Андерсон решил, что Пол — это демонстрант с густой бородой.

— Нам стоит разделиться, — заявил Дюмон.

И в этот миг из заснеженных кустов, неуверенной походкой, вышло небольшое существо. Уши его были заострены, а лицом оно походило на умного, но больного ребенка, два маленьких рога торчали из копны черных кудрей. Сначала Андерсону показалось, что — чистейшее безумие — на нем была красная лента, перекинута через плечо. Джанет охнула и опустилась на колени подле существа, а лента теперь свободно повисла. На ее конце оказались пальцы, с которых капала кровь.

— Твоя рука, — прошептала Джанет. — О Боже, твоя бедная рука.

Дюмон и Джанет достали аптечки. До этого момента Андерсону даже и в голову не приходило, что именно ему может выпасть обязанность перевязывать раны от солдатских выстрелов. Вдобавок к потерянному компасу, это было уже слишком. Андерсон почувствовал презрение к себе такой же силы, как и эйфория, которую испытал прежде, тем не менее, он не мог отвести взгляда от искалеченной руки фавна, как будто у Андерсона тоже были бинты и пенициллин.

— Они стреляли в него! Только представьте себе, они стреляли в это хрупкое тельце, в бедного малыша, — причитала Джанет.

Дюмон затягивал жгут на руке фавна.

— Пойдешь с нами, дружок. Побудешь у нас, пока не поправишься.

— Это не огнестрельные ранения, — сказал Андерсон.

Джанет и Дюмон уставились на него, а существо отвело взгляд в сторону.

— Я служил в морской пехоте, и однажды солдат, добравшись до боевого оружия, застрелил лейтенанта. Здесь мне тоже приходилось видеть пулевые ранения, как, впрочем, и вам. Пуля, пробивая кожу, оставляет на ней синее пятно. Если скорость пули достаточно велика, она проходит на вылет, вырывая кусок мяса. Пули дробят кости, если попадают в них. Кости нашего маленького друга целы. Рука его по большей части разодрана. Что бы на него не напало, — оно его покусало, — могу поспорить, что это была собака.

Затем медленно, в перерывах между всхлипываниями, и, несмотря на наивные отговорки, все постепенно прояснилось: мертвый близнец, следы на снегу, похожие, но не совсем, на медвежьи, ужас в заснеженных лесах. Существо плохо выговаривало слова (Андерсон вспомнил шепелявого мальчишку, который, во времена его детства, жил в доме напротив), но вскоре все трое к этому привыкли и смогли вникнуть во все кошмары, которые пришлось пережить сатиру. Спустя некоторое время, они с трудом могли смотреть друг другу в глаза.

— Кто-то все же укусил его, — сказал, наконец, Дюмон. — По крайней мере, один раз, а, возможно, и больше. И я тут не причем.

— Мы и не думали, что это мог быть ты, — сказал ему Андерсон.

— Кентавр не мог бы так искушать... — неуверенно проговорил Дюмон, глядя то на Джанет, то на Андерсона. — Он может убить копытами или руками. Но его зубы не опаснее твоих или моих. Как насчет оборотней?

— Может быть, — сказал Андерсон. — Есть и другие варианты: Анубис, Сет, возможно, даже Нарасимха — человек-лев из древних индийских писаний. Кто бы это ни был, нам нужно направить солдат на его поиски, прежде чем они застрелят невинного.

Дюмон одобряюще кивнул, а глаза Джанет просто горели от негодования.

— Ты бы обрадовался, если бы его пристрелили! Не так ли?!

И вдруг она побежала. Андерсон погнался за ней. Дюмон не отставал. Не пробежав и двадцати метров, Андерсон услышал топот копыт.

Андерсону лишь однажды доводилось видеть его. Он запомнил его, как жеребца с человеческим торсом, руками и лицом европейца. Теперь Фол стал темнее и больше любой лошади, гигантом с огромными мускулами. Джанет, сидя на его спине и обхватив могучий торс своими изящными ручками, казалась маленькой девочкой.

Кентавр чуть не затоптал их, но в последний момент все же свернул в сторону, разбросав копытами грязь и талый снег, и напоследок окинул их пламенным взглядом. Андерсон заметил, как что-то краснело между деревьев. Возможно, Джанет помахала рукой. А может быть, и нет. Задышавшись, он остановился.

Дюмон продолжал медленно бежать. Слепо. Глупо.

Андерсону было все равно. На поляне он нашел фавна и взял его за руку. Дороги, автомобили и все остальные детища уходящего двадцатого века представляли собой совершенно не тот мир, в котором жил Фол. Андерсон побрел за ним.

*Как призрак бледный в сборище людском,
Как туча в миг прощанья с небосклоном,
Когда последний отдаленный гром
Тревожит землю похоронным звоном,
Был тот, кто зваться мог бы Актеоном,
Увидев обнаженные красы
Самой природы вопреки законам;
С тех пор несутся годы, как часы,
И мысли гонятся за ним, как злые псы.*

Перси Биши Шелли. «Адонаис», перевод В. Микушевича

The woman who loved the centaur Pholus, (Isaac Asimov's Science Fiction Magazine, 1979 № 12). Перев. Игоря Фудим.

ДЖИН ВУЛФ

ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ЛЮБИЛ ЕДИНОРОГ

С западной стороны студенческого городка пролегало оживленное шоссе, по которому из центра города с ревом неслись автомобили. Вдоль внешней его стороны росли благоухающие сосны. Единорог рысью бежал между деревьями, то скрываясь среди них, то выходя на тропинку из гравия, проложенную между полосами жесткой травы и бетона. Именно там Андерсон впервые увидел его из окна своего кабинета.

Водители и пассажиры тоже видели единорога. Кто-то махал ему рукой, другие, несомненно, что-то выкрикивали, хотя их возгласы не смог бы услышать никто. Как белые, так и темные лица прижимались к стеклам, но ни одна машина не остановилась. Возможно, какой-нибудь водитель грузовика уже сообщил по радиации полиции.

Единорог был таким белоснежным, что просто сиял. Его голова походила на голову арабского жеребца, но копыта были темно-красными, словно рубиновыми, а хвост совсем не походил на лошадиный – больше на бычий, но только с еще одним пучком шерсти посередине, что встречается лишь в геральдике. Рог блестел, как полированная слоновая кость, был идеально прямым, как лезвие шпаги, длиной с предплечье взрослого мужчины. Андерсон оценил рост животного в сто сорок сантиметров.

Он отвлекся, чтобы достать сумку с камерой со шкафа, и когда снова посмотрел в окно, единорог оказался посреди дороги. Даже на расстоянии двух сотен метров университетской лужайки послышался визг тормозов.

*Плутон, бог ужасный, кто не щадит никого,
Он никого не прощает и глух он к стенаниям бранных...*

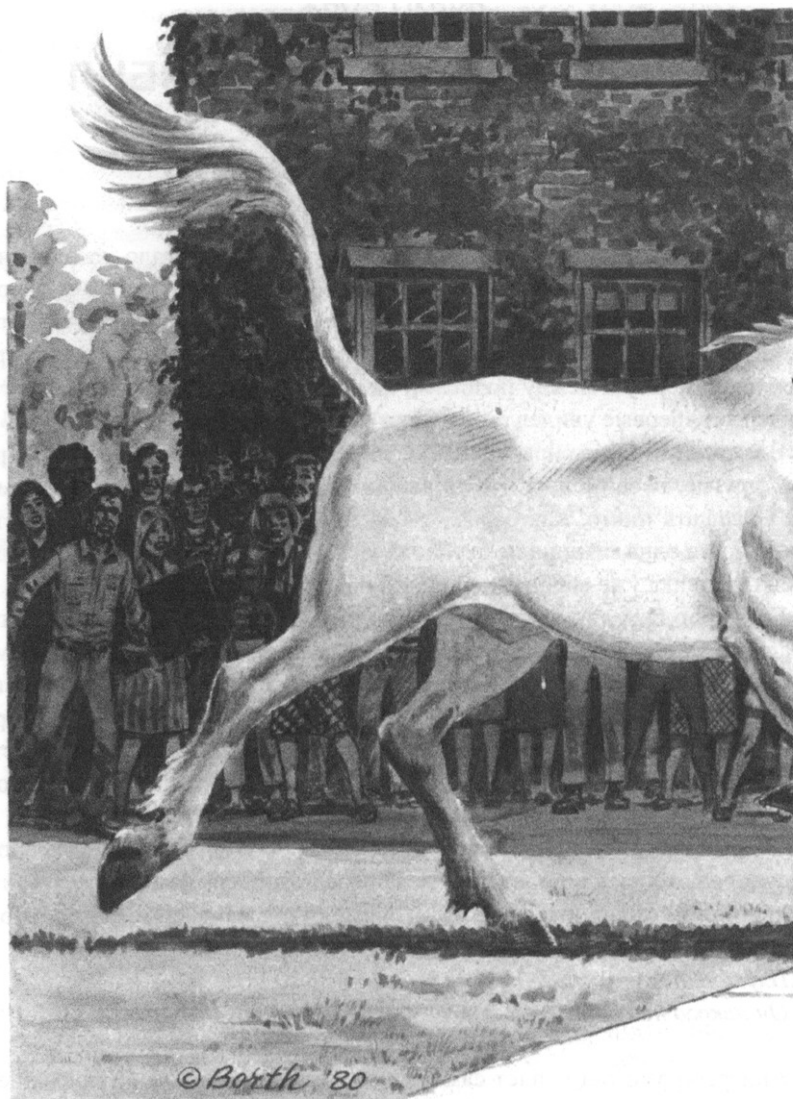
Андерсон зачитал куплет самому себе, и, только дойдя до последнего слова, понял, что произносит строчки вслух.

Затем единорог, в целости и сохранности, добрался до другой стороны шоссе, и поскакал по стриженной траве. (Плутон, как оказалось, все же слышит молитвы.) Он поднял увенчанную смертоносным оружием голову, и тут зазвонил телефон. Андерсон поднял трубку.

– Алло, Энди? Это Дюмон. Выгляни из окна.

– Уже, – сказал Андерсон.

– Сам пришел к нам. Можешь представить, чтобы кто-то допустил такое?

— Да, легко. Я также могу представить, как это создание без всяких усилий перепрыгивает через любой забор. Но если мы все же собираемся защитить его, нам бы лучше взяться за работу, прежде чем его не спугнут студенты.

Андерсон нашел объектив и ввернул в фотокамеру. Зажав телефон между ухом и плечом, он сделал снимок.

— Я пойду к единорогу. Хочу взять экземпляр плоти и образец крови.

— Ты сможешь это сделать, когда армия пристрелит его.

THE WOMAN THE UNICORN LOVED

by Gene Wolfe

art: Frank Borth

— Слушай, Энди, я так же, как и ты, не хочу, чтобы единорога убили. Такое чудесное создание... Я иду туда и буду признателен любой помощи. Я уже сказал секретарше, чтобы она позвонила нашим. Если военные все-таки приедут... тебе будет, что показать телевизионщикам. Ты идешь?

Андерсон, крупный мужчина сорока лет с болтающимся на шее фотоаппаратом, стал собираться. К тому времени, как он вышел из корпуса гуманитарных наук, вокруг единорога собралось уже около сотни человек. Похоже, он вел себя агрессивно, поскольку толпа то расступалась, то вновь окружала диковинного зверя плотным кольцом. На мгновение его

сверкающий рог поднялся над головами зевак, придавая единорогу вид одновременно игривый и торжествующий. Андерсон, пользуясь своими габаритами и преподавательским статусом, протолкнулся в первый ряд зрителей.

Единорог стоял... нет, бегал рысью, практически танцует в центре двадцатиметрового круга, а студенты тем временем галдели и свистели. Небольшая группа людей, которая, должно быть, знала, как обращаться с подобными существами, вытащила из толпы блондинку в ярком свитере и подтолкнула к существу. Единорог наклонил голову, словно копеечник в атаке. Она удрала от него со всех ног, прячась в смеющейся толпе.

Андерсон опустил фотоаппарат.

— Успели заснять? — спросил стоявший рядом с ним студент.

— Кажется, да.

Пластиковый диск медленно спланировал на землю неподалеку от животного, и единорог отпрянул, как пугливая лошадь. Кто-то отбросил диск в сторону.

— Если единорог почувствует угрозу, то кто-нибудь пострадает, — кричал Андерсон.

Дюмон услышал его, чего нельзя было сказать о студентах. Блестя лысиной, он помахал другу рукой с противоположной части круга. Когда единорог прошел мимо Дюмона, тот протянул ему кусок хлеба, но остался незамеченным.

Андерсон перебежал к Дюмону прямо через круг. Студенты зааплодировали, и некоторые стали повторять этот трюк.

— Приветствую, — сказал Дюмон. — Как только у тебя хватило духу.

— Ничего особенного. — Андерсон обнаружил, что запыхался. — Я не подходил близко. Будь единорог по-настоящему зол, толпа быстро бы разбежалась.

— Хотелось бы, чтобы так оно и было — только ты и я. Это все чертовски упростило бы.

— Разве у тебя нет пистолета с транквилизатором?

— Остался дома. Нашего белоснежного друга уже и след простынет к тому времени, когда я привезу снотворное. Возможно, мне стоит держать один пистолет в лаборатории, но ты же знаешь, что до сего дня нам всегда приходилось за ними бегать.

Андерсон кивнул, слушая лишь одним ухом, сосредоточив внимание на сказочном создании.

— Этим хлебом мы кормим лабораторных мышей. Я кое-что в него добавил, чтобы успокоить единорога. Это лучшее, что я мог сделать в такой спешке.

Андерсона подумал о том, кто же прибудет раньше: группа по защите мифических животных с плакатами или солдаты с винтовками?

— Сомневаюсь, что этого хватит, — сказал он Дюмону.

К ним через толпу протиснулась молодая женщина.

– Можно, я попробую? – спросила она.

Еще до того, как Дюмон успел возразить, она выхватила кусок хлеба у него из рук и вприпрыжку побежала в середину импровизированной арены. Ветер трепал ее юбку и каштановые волосы, а солнечный свет отражался от очков.

Единорог, наклонив голову, медленно подошел к ней.

– Он убьет ее, – сказал Дюмон.

Студенты практически затихли, лишь изредка перешептываясь. Андерсон боролся с желанием выбежать и постараться удержать белоснежное животное, сбить его с ног и повалить на землю, если сумеет. Беда только в том, что у него бы ничего не вышло: даже десятка таких, как он, не хватило бы, чтобы сделать это – с таким же успехом они могли бы попытаться побороть слона. Если Андерсон или кто-нибудь еще предпримет подобные действия, жертв не избежать.

Девушка протянула животному кусок хлеба – обычный белый хлеб из продуктового магазина. Через секунду она присела так, что ее глаза оказались на уровне глаз единорога.

Андерсон услышал собственный голос, бормочущий:

«...вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»...»

Библия. Апокалипсис св. Ап. Иоанна Богослова

Затем, когда напряженность момента достигла наивысшей точки, и Андерсону показалось, что он не выдержит, все вдруг разрешилось. Костяное копье поднялось, а сам сияющий копеечник медленно подошел и, приняв хавшись, послушно взял хлеб из рук девушки. Студенты тихо, практически на цыпочках, стали приближаться к диковинному созданию. Парень с густой рыжей бородой осторожно похлопал зверя по холке, а одна из студенток Андерсона зарылась лицом в мягкую гриву. Девушка, которая принесла хлеб, погладила рог. Андерсон не заметил, как сам подошел и приложил руку к блестящему боку.

Как только зашумел вертолет, магия рассеялась, словно сон на рассвете. Темно-синяя боевая машина низко летела над парком. (В голову Андерсона пришла безумная идея, что на сей раз это полиция, а не армия). Несколько десятков людей закричали, и студенты бросились врассыпную.

Вертолет сделал крутой вираж, оставляя за собой шлейф слезоточивого газа. Андерсон убежал, как и все остальные, слыша вой четырехлопастного винта сквозь топот копыт... хотя, скорее, это стук копыт с трудом пробивался через шум вертолета. Сверкнула вспышка выстрела.

Вернувшись в корпус гуманитарных наук несколько часов спустя, Андерсон зашел в ванную, чтобы вымыть лицо и руки, а также тщательно

протереть глаза, которые все еще немного жгло. Куртка и брюки провалялись насквозь, — их придется стирать. Андерсон пожалел, что не смог предупредить то, что в университете ему понадобится сменная одежда.

Открыв дверь кабинета, он увидел там молодую женщину. Когда Андерсон вошел, она привстала со своего места, что являлось полнейшим абсурдом, словно роли мужчин и женщин в обществе не просто исчезли, а поменялись.

Он кивнул ей, и она в ответ протянула руку.

— Доктор Андерсон, я Джулия Коронелл.

— Очень рад, — ответил он.

Андерсон подметил, что, не будь она такой худой и взволнованной, то была бы очень даже симпатичной.

— Я...я видела вас там. С единокорогом. Это я протянула ему ломоть хлеба.

— Я знаю, что это были вы, — сказал Андерсон. — Я вас запомнил. Как и все остальные.

Она залилась румянцем, чего он не видел много лет.

— У меня есть еще хлеб. — Джулия достала коричневый бумажный пакет. — Тот хлеб, правда, был не мой, — я взяла его у одного мужчины. Кажется, он с факультета биологии.

Андерсон кивнул.

— Да, он оттуда.

— И то был кусок белой булки. А я принесла черный хлеб. Думаю, ему... единокорогу... Думаю, такой ему больше понравится.

Андерсон не смог сдерживать улыбки после этих слов, и девушка ответила тем же.

— В любом случае, *мне* черный нравится больше, — продолжала Джулия. — Вы слышали историю о генеральской лошади? Или я уже начинаю вам надоедать?

— Ни капельки. Я бы с радостью ее послушал, особенно, если она как-то связана с единокорогами.

— Вообще-то нет. Только с лошадьми и черным хлебом. Генерал являлся одним из военачальников Наполеона, кажется Бернадот, и у него был любимый боевой конь по кличке Николая...мы бы сказали Николас или Ник. Когда Великая Армия оккупировала Германию, и офицерам пришлось столоваться в провинциальных трактирах, им подавали жесткий черный хлеб. Французы ненавидели его, никто его не ел. Но все увидели, что Бернадот складывает его в карманы, и когда они спросили генерала об этом, он ответил, что это для его лошади — *Pain pour Nicole*, хлеб для Николая. После этого появились шутки о немецком «хлебе для лошадей», *Pain pour Nicole*, и немцы подумали, что французы так называют хлеб, А поскольку все французское в меню выглядит более помпезно, название прижилось.

Андерсон засмеялся и покачал головой.

– Вы так и назовете единорога, когда найдете его? Николас? Или Николая?

– Ник, вообще-то. На самом деле, моя история – это просто народная байка. Я вспомнила ее, и мне показалось, что это имя подойдет. Ник, потому что теперь мы оба американцы. Я родилась в Новой Зеландии, что вызывает у меня один из вопросов, которые я бы хотела вам задать – какой национальности единороги? Я имею в виду изначально. Греки?

– Индийцы, – сказал девушке Андерсон.

– Вы шутите.

Он покачал головой.

– Разумеется не индейцы, а именно индийцы, как и тигры. Кажется, все пошло от римского натуралиста Плиния. Он сказал, что в Индии охотились на животное, которое он называл моноцеросом. Наше слово «единорог» – это дословный перевод. Оба слова означают «однорогий».

Джулия кивнула.

– Плиний говорил, что тот единорог имел голову оленя, копыта как у слона, хвост кабана и тело лошади. Он ревел, у него был один черный рог, росший из лба, и никто не мог поймать его живым.

Джулия уставилась на него. Андерсон бесстрастно смотрел в ответ, и, наконец, она сказала:

– Это не единорог! Это совсем не единорог. Это же носорог.

– Угу. Если быть точным, это индийский носорог. У африканского вообще-то два рога, расположенных в ряд. Описание Плиния попало в руки ученых из темных веков, которые ничего не знали о носорогах или даже слонах, и, таким образом, единорог превратился в однорогое создание, в остальном походившее на лошадь. Считалось, что его рог является универсальным противоядием, но индийцы везли рог не на запад – Китай был гораздо ближе и значительно богаче, и китайцы полагали, что рог к тому же является афродизиаксом. Чтобы удовлетворить спрос, стали ввозить бивни нарвалов, и они обрели на рынке огромный успех, потому что внешний их вид был абсолютно фантастическим – те, кто прежде никогда их не видел, с трудом верили, что такое может существовать. Эти рога костяные, спиралевидные и идеально прямые. Вы это, конечно, знаете. Сегодня вы держали один такой, с единственной разницей, что рос он из головы единорога. Дюмон сказал бы, что из черепа генетически модифицированной лошади, но я думаю, мы оба знаем, как правильное.

Джулия улыбнулась.

– Это чудесно, не так ли? Единороги теперь реальны.

– В какой-то мере, они были реальны и раньше. Как где-то сказал Честертон*: думать о корове с крыльями в некотором смысле означает встре-

* Гилберт Кит Честертон (1874-1936) – английский христианский мыслитель, журналист и писатель.

тить ее. Единорог символизирует чистоту мужского начала – что не так уж плохо, в конце концов. Единорога рисовали на щитах и вышивали на знаменах. Стоящий на задних ногах единорог изображен на гербе Шотландии, как и белоголовый орлан является символом Соединенных Штатов, и со временем этот единорог стал одной из опор военной мощи Великобритании. Образ этого животного уже давно используется людьми, и теперь у нас есть его воплощение.

– И я этому рада. Мне нравится все так, как оно есть сейчас. Доктор Андерсон, я пришла к вам, потому что мне сказали, что вы президент организации, которая защищает подобных животных.

– Большинство из них не просто животные. Ничего, если я закурю?

Она кивнула, Андерсон взял трубку со стола и начал ее набивать.

– Множество мифологических существ были частично людьми и имели человеческий разум: ламии, кентавры, фавны, сатиры и так далее. Для тех, кто занимается генетическими экспериментами, это заманчиво. Кроме того, клеточный материал человека достать проще всего – можно использовать свой собственный.

– Хотите сказать, что я могла бы создать одно из мифологических животных, если бы захотела? Просто взять и сотворить?

Зазвонил телефон, Андерсон снял трубку.

– Энди? – Это снова был Дюмон

– Да, – ответил Андерсон

– Кажется, единорог убежал.

– Ага. Наши люди не смогли его найти, и связист сказал, что на полицейской частоте тоже нет ни слова о нем.

– Все-таки он действительно ускользнул. Один студент – хотя и первокурсник, но я знаю, что ему можно доверять – только что связался со мной. Он видел единорога на дальнем краю стадиона. Парень пытался подобраться ближе, но животное свернуло за спортзал, и там его след пропал.

Андерсон прикрыл рукой микрофон и сказал:

– Ник в порядке. Кто-то его только что видел.

– Ты послал кого-нибудь на поиски единорога? – спросил он Дюмона.

– Еще нет. Я сначала хотел посоветоваться с тобой. Я дал парню ключи от дома и попросил его привезти пистолет с транквилизатором. Он поехал на моем фургоне.

– Хорошо. Поднимайся, поговорим. Оставь студенту записку, чтобы он знал, где тебя искать.

– Не думаешь, что нам стоит отправить кого-нибудь за единорогом?

– Наши люди искали его пару часов, так же, как и полиция. Не знаю, как ты, но я, пока занимался его поисками, размышлял о том, что же, черт побери, буду с ним делать, когда найду. Попытаюсь его объездить? Насыплю ему соли на хвост? Мы ни черта не сможем сделать без транквилизатора

или чего-то подобного, а к тому времени, как парень вернется из твоего дома в Бруквуде, уже стемнеет.

Положив трубку, Андерсон сказал:

– Ну, теперь, я думаю, вам понятно, как у нас тут все устроено.

Джулия понимающе кивнула.

– До сего дня наша задача сводилась к тому, чтобы давать существам возможность жить на воле. Целью армии и полиции было убивать сбежавших из-под надзора, нам же просто хотелось, чтобы их оставили в покое. Обычно, создания направлялись в самые малонаселенные места. Стоило ожидать, что, рано или поздно, одно из них окажется прямо в центре города, но, казалось, в таком случае мы ничем не сможем помочь. Теперь же выяснилось, что мы все-таки могли кое-что сделать: ваш друг Ник удивительно проворен для своих размеров, у нас и понятия не было, что же делать.

– Может он родился...вы вообще используете это слово?

– Мы обычно говорим «создан», но это неважно.

– Ясно. Может быть, его создали в городе, и он пытается выбраться.

– Животное таких размеров? – Андерсон покачал головой. – Он пришел из леса или малонаселенной сельской местности, иначе его бы уже заметил какой-нибудь любопытный и сообщил, куда следует. Люди могут... люди осуществляют...занимаются в городе ДНК-инженерией. Иногда в подвалах, гаражах или на кухнях, но чаще в учебных лабораториях или под эгидой крупных корпораций и исследовательских центров. Существ, которых они создают, держат там же, порой годами. У меня дома есть водяная лошадка, совсем не такая, как внутри пластиковых пресс-папье, которые продаются в сувенирных магазинах Флориды, а живая, около двадцати пяти сантиметров длиной, с головой и передним ногами, как у пони и задней частью, как у форели. Она у меня уже больше года, и думаю, проживет еще лет десять. Но будь она размером с Ника – где бы я ее держал?

– Наверное, в бассейне, – сказала Джулия. – На самом деле, неплохая идея. Возможно, по ночам вы бы могли возить лошадь на Мичиган и кататься на ней по озеру. Надели бы акваланг. Не скажу, что плохо плаваю, но я сделала бы именно так.

Девушка улыбнулась Андерсону.

– Звучит просто отлично, – ответил он, улыбаясь в ответ.

– Так или иначе, вы считаете, что Ник убежал с какой-то фермы или, возможно, поместья. Думаю, что последнее даже более вероятно. Богачи иногда заводят таких удивительных животных.

– Иногда, да.

– Единороги. Водяная лошадка – это тоже мифологическое животное, не так ли?

Андерсон закурил трубку: запахи серы и табака наполнили кабинет.

– Балий и Ксанф тянули колесницу Посейдона, – сказал он. – Вообще-то, Посейдон был не только богом моря, но еще и лошадей. Согласно одной весьма таинственной интерпретации, понятной лишь немногим на сегодняшний день, волны были его стадом. Белым гривам лошадей соответствовали пенистые гребни.

– Вы также упомянули ламий – это же вампиры, не так ли?

– Именно так.

– И кентавров. Сатиров и фавнов. Если я не ошибаюсь, биологи, которые создают таких животных, опираются на мифологию?

Андерсон покачал головой.

– Нет, не всегда. Но позвольте мне задать вам вопрос, мисс Коронелл.

– Пожалуйста, зовите меня Джулия

– Хорошо, Джулия. Я полагаю, что вы биолог. Генетическая инженерия достигла такого уровня, что любой толковый кандидат или доктор наук, и даже талантливый студент может заниматься подобными вещами. Какое существо вы бы сделали себе?

– Если бы у меня было много денег, тихое место и неограниченное пространство, где я бы могла его держать?

– Если вам угодно.

– В таком случае, думаю, я бы выбрала единорога.

– Они вас восхищают, потому что сегодня вы видели такого красавца. А кроме него? Кого бы вы создали?

Слегка погрузнев, Джулия призадумалась.

– Мы говорили о том, чтобы кататься на морской лошади по озеру. Так что я подумала о животном с крыльями, на котором я бы могла сидеть верхом.

– Птица? Млекопитающее?

– Не знаю. Нужно еще подумать.

– Если все-таки птица, то она должна быть гораздо больше, чем те, что есть в природе. Так же стоит учесть, что такое создание будет иметь совершенно другие пропорции, нежели у любых привычных для нас видов. Его крылья будут несоразмерно больше тела. А голова – как у орла, и так далее. Если бы вас заметили парящими в облаках, газетчики, вероятно, назвали вашу птицу – рух, в честь той, что утащила Синдбада.

– Понятно.

– Если бы ваш выбор остановился на крылатом коне, то это был бы Пегас. Кстати, я еще ни разу не видел, чтобы они действительно летали. Человекоподобное существо с крыльями – это ангел, или если нас интересует нечто, более похожее на птицу, с когтями, перьями и тому подобным – то тогда гарпия. Видите, не так-то просто отойти от мифологической терминологии, поскольку она практически всеобъемлюща. Люди уже давно выдумали всех этих существ. И только сейчас мы – некоторые из нас – можем воплотить их в реальность.

Джулия нервно улыбнулась.

— Аллигатор! Думаю, я выберу аллигатора с крыльями. Только я бы сделала его умнее.

— Это же дракон, — проговорил Андерсон, выпуская облако дыма.

— Пойдите, я...

Дверь распахнулась, вошел Дюмон.

— Вот человек, который сможет вам рассказать про рекомбинацию ДНК и все, что с этим связано, — говорил Андерсон, — я же могу вас только запутать. — Он встал и продолжил: — Джулия, позвольте представить вам биолога Генри Дюмона, моего хорошего друга и изредка соперника.

— Дружественного соперника, — вставил Дюмон.

— А также казначея и технического директора нашего небольшого общества. Дюмон, это Джулия Коронелл — дама, которая прячет единорога.

В следующие несколько секунд никто не проронил ни слова. Лицо Джулии было каменным, не выражающим никаких эмоций, кроме, разве что, некоторого напряжения.

— Как вы узнали? — сказала она, прервав паузу.

Андерсон снова сел, а Дюмон занял последний свободный стул.

— Вы пришли сюда, потому что вас беспокоила судьба Ника.

Он прервался, и Джулия кивнула.

— Но вы не собирались ничего предпринимать. Если бы Ник бегал по округе, в то время, как его ищет полиция, ситуация требовала бы решительных действий, но вы рассказывали историю о черном хлебе и дали мне возможность болтать о фавнах и кентаврах. Вы беспокоились и были чем-то озабочены, но, тем не менее, не призывали меня чем-нибудь помочь или возобновить поиски единорога. Когда позвонил Дюмон, я не особо волновался о происходящем и просто попросил его зайти. Вы не возражали, и я решил, что вы и так знаете, где Ник. Как и то, что он в безопасности, по крайней мере, на тот момент.

— Понятно... — прошептала Джулия.

— А мне нет, — сказал Дюмон. — Парень сказал, что видел единорога.

Андерсон кивнул.

— Ваш друг, Джулия?

— Да...

— Дорогая, здесь нечего стыдиться. Мы на вашей стороне, — сказал Дюмон.

— Вы спрятали Ника, — продолжал Андерсон, — после того, как полиция применила слезоточивый газ. Как мы видели, с вами единорог был словно ручной. Возможно, он даже съел столько хлеба Дюмона, что на него подействовало успокоительное, которое было в том куске. После этого вы были слишком напуганы, чтобы сделать что-нибудь еще, так что просто сидели, сложа руки. Когда полиция отозвала своих людей, и наши отряды прекратили поиски, вы покинули университет, чтобы купить хлеб, кото-

рый у вас сейчас с собой. На обратном пути вы зашли к Нику, дали ему несколько кусков, и затем встретили кого-то, кто рассказал обо мне.

– Это Эд? Студент, который сообщил мне, что видел единорога? – спросил Дюмон.

– Да, это он, – едва слышно ответила Джулия.

– И между собой вы решили, что будет разумным распустить слухи о том, что Ник все еще где-то на свободе и пытается покинуть город, чтобы увести поиски подальше от того места, где вы его держите на самом деле.

Андерсон прервался, чтобы раскурить трубку.

– В первый раз его якобы заметили за спортзалом. Полагаю, потом стоило сказать, что его видели еще дальше. Но интуитивно вы все же посчитали, что мы можем вам помочь, так что вы поднялись сюда и стали меня дожидаться. В любом случае, безопаснее отнести этот хлеб Нику после наступления темноты. Не беспокойтесь, мы вам поможем. По крайней мере, попытаемся. Где единорог?

Эд был мальчишкой не больше, чем Джулия была девочкой – прилежно-выглядящий молодой человек лет девятнадцати-двадцати. Он принес пистолет Дюмона и передал его хозяину, хотя все надеялись, что снотворное не понадобится. Джулия показывала дорогу, шагая бок о бок с Андерсоном, Дюмон и Эд шли позади. Вечерний воздух был мягок, как лепестки роз.

– Я уже видел вас в университете, не так ли? Закончили учебу? – спросил Андерсон.

Джулия кивнула.

– Я работаю над диссертацией и преподаю у первого и второго курсов. Эд – один из моих студентов. Большинство считает, что я и сама студентка. А как вы узнали, что я уже закончила учебу?

– По вашей одежде. Вообще-то, я только предположил. Вы выглядите молодо, но еще я заметил, что вам больше лет, чем кажется.

– Вы были просто обязаны стать детективом.

– Да, кем угодно, но только не тем, кто я есть.

Солнце спряталось за парковыми деревьями, чьи длинные тени теперь слились воедино, покрывая лужайки и тропинки бесформенной темнотой. В большинстве окон, мимо которых прошла четверка, света уже не было.

– Какая специальность? – спросил Андерсон, когда понял, что Джулия сказала все, что хотела.

– Английский язык. Тема моей диссертации – американские романисты двадцатого века.

– Я должен был вас узнать, но отстал на пару тысячелетий.

– Меня легко не заметить.

– Надеюсь, Ника тоже.

Пару секунд Андерсон рассматривал здание, возникшее перед ними из темноты.

– Почему именно библиотека?

– Я работала над проектом – мне дали ключ. Я знала, что здание недавно заперли, и ничего другого мне в голову не пришло.

Она достала ключ.

Спустя одну-две минуты, дверь, наконец, открылась. Внутри было тускло, но не темно, редкие лампы горели в стенных нишах, словно не упокоенные души гениев, покинувших наш мир.

– Вам лучше пустить меня вперед, – сказал Дюмон и проскочил мимо них, держа пистолет со снотворным наготове.

Двери закрылись с глухим стуком, и воздух вдруг стал спертым.

– Тут есть сторож? – спросил Андерсон.

Джулия кивнула. Она была так близко к нему, что он ощущал слабый аромат ее духов.

– Вы сказали, что Эд – мой друг. У меня их не так уж и много, так вот, Бэйли – сторож – тоже мой приятель. Только я одна не зову его Битлом*. Я вам сказала, что Ник находится в отделе коллекции Слоана – собрании книг в жанре фэнтези. Вы слышали о такой?

– Смутно. Моя специализация – классическая литература.

– Недавно вышедшие произведения классической литературы называются фэнтези. – раздался позади голос Эда: – Шедевры всемирно известных писателей не сразу становились таковыми – когда они только выходили в свет, их тоже причисляли к фэнтези.

– Эд! – возмутилась Джулия.

– Все в порядке, – говорил Андерсон. – Он прав.

– В любом случае, – продолжила Джулия, – коллекция Слоана далеко не лучшая в стране, да и не особо известная. Но все же достаточно любопытная. Например, в ней есть первые издания Джеймса Бранча Кэмпбелла и пачка его писем. Есть также чудесные произведения Гарднера. Вот там-то я впервые и узнала о Нике.

Бродя среди бесчисленных книг, Андерсон размышлял. Закат на границе нашего мира и страны Оз.

*Бедный единорог,
Бедный и гиппогриф.
Души их не рожденные
Покоятся в царстве Миф.*

А это откуда? – подумал Андерсон. Может, из «Улисса»?

* Битл (Beetle) – в переводе с английского – жук (прим. перев.)

– Он мертв! – издалека крикнул Дюмон, и в тот же миг, ведомые пламенем зажигалки, Джулия, Андерсон и Эд бросились по узкому, темному коридору, спотыкаясь и толкая друг друга.

– Ник! О Боже, Ник! – Андерсон услышал шепот Джулии.

Затем она смолкла. На полу лежал совсем не единорог.

– У кого-нибудь есть чем посветить? – прохрипел Дюмон.

– Только спички, – ответил Андерсон и зажег одну.

– У меня, – сказал Эд, доставая из кармана джинсовой рубашки фонарик.

Джулия склонилась над телом, стараясь не наступить в лужу крови. Ее там было прилично, и Дюмон уже успел вляпаться. Эд посветил на лицо мертвеца – оно было гладко выбритым, и Андерсон прикинул, что покойнику около шестидесяти лет. Он носил кожаную куртку. В ней зияла большая дыра, из которой сочилась кровь.

– Это Бэйли, – сказала Джулия.

– Это его имя? Все зовут его Битл, – ответил Дюмон, думая, что она обратилась к нему (возможно, так оно и было).

Бэйли пронзили грудь, и Андерсон предположил, что задето сердце. Без сомнения, он умер мгновенно, ну, или очень быстро. На лице покойника не было ни страха, ни умиротворения, ни чего-либо еще, кроме гримасы боли – результат предсмертной агонии. Спичка догорела до пальцев Андерсона, и, обжегшись, он выронил ее.

– Ник... – шептала Джулия. – Это сделал Ник?

– Боюсь, что да, – ответил ей Дюмон.

Она оглянулась и посмотрела сначала на Дюмона, потом на Андерсона.

– Он опасен... кажется, я всегда это знала, но не хотела об этом думать. Нам придется все рассказать полиции...

Дюмон многозначительно кивнул.

– Какого черта, – Андерсон повысил голос, и Джулия уставилась на него, – вы привели его сюда, в эту комнату, – Андерсон глянул на полуоткрытую дверь, – а сами ушли. По-вашему, это правильно?

– С нами был мистер Бэйли. Он услышал нас, как только мы вошли в здание. Копыта Ника громко стучали по мраморному полу. Мы оставили его здесь, и мистер Бэйли запер дверь.

– Подержите, пожалуйста, мистер Дюмон, – сказал Эд, подавая тому карманный фонарик.

Затем он отошел на три шага, нагнулся и вскоре вернулся уже с гораздо более мощным фонарем. После долгого времени проведенного в почти полной темноте, его свет казался просто ослепительным. Дюмон убрал зажигалку в карман.

– Должно быть, это фонарь старика, – говорил Эд с кривой ухмылкой. – Мне показалось, там что-то блеснуло.

– Да, – кивнул Андерсон. – Фонарь наверняка был у него в руке. После того, как Джулия ушла, сторож пришел еще раз взглянуть на единорога. Бэйли открыл дверь и включил фонарь.

– На его месте могла быть я, – с дрожью в голосе произнесла Джулия.

– Сомневаюсь. Даже если Ник и не обладает человеческим или близким к нему интеллектом, – а я предполагаю, что все-таки обладает, – он бы вас учуял и понял, что ему ничто не угрожает. Вне зависимости от того, каким мозгом снабдил его создатель, органы чувств должны быть идентичны лошадиным. Я прав, Дюмон?

– Прав. – Биолог посмотрел на свое запястье. – Жаль, мы не знаем, когда точно умер Битл.

– А разве вы не можете определить это по состоянию крови? – спросил Эд.

– Только примерно, – сказал Дюмон. – Я в этом плохо разбираюсь. Вероятно, судмедэксперт бы смог. Если бы это все происходило в телешоу, мы бы определили дату смерти по остановившимся часам у него на руке. Но они еще идут. Кто-нибудь может сказать, как далеко убежал единорог после того, как сделал это?

– Я могу, – сказал Андерсон, – не больше сотни метров.

Все уставились на него.

– Когда мы пришли, двери в библиотеку были закрыты, – Джулии пришлось их открывать. Могу поспорить, запасной выход тоже до сих пор закрыт, а в здании практически нет окон.

– Хочешь сказать, он еще тут?

– А если он ушел, то как?

– Мы бы его услышали, не так ли? Я уже говорила, что его копыта наделали много шума, когда я его впустила, – сказала Джулия.

– Поверьте, единорог тоже знает, что шумел, – сказал ей Андерсон. – Ему не потребовалось бы и десятой доли его ума, чтобы нарочно вести себя потише. Почти все животные инстинктивно способные на такое. Если нельзя убежать – замри.

– Доктор Андерсон, вы сказали, что Ник мог понять по запаху, что это не Джулия. Он ведь и о нашем присутствии догадается, – прокашлявшись, сказал Эд.

– Не совсем так – он унюхает Джулию и поймет, что она с нами. А вот если мы разделимся, и найдет его кто-нибудь другой, то может случиться еще одна беда.

– И как нам быть? – спросил Дюмон.

– Для начала, дай Эду ключи от фургона – пусть подгонит его ко входу. Если мы найдем Ника, нам придется придумать, как вытащить его из города. Мы оставим двери открытыми...

– И дадим ему убежать? – возразил Дюмон.

– Нет. Но нам нужно чем-то его приманить, а возможность выбраться на свободу – это лучшая из приманок. Ник, вероятно, голоден и почти наверняка хочет пить. Из тех цитат, что вертятся у меня сейчас на языке, выберу, пожалуй, эту:

*В лунном сияньи, ржа вдалеке,
Единорог увязает в песке.
К морю спускается единорог,
Не разбирая при этом дорог...*

Конрад Поттер Эйкен (Айкен)*

– Знаете откуда это?

Все трое выглядели озадаченно.

– Это Конрад Эйкен, и, конечно, он никогда не видел единорога. Но в его словах – в образе – все же есть толика правды. Мы широко распахнем двери. Дюмон, спрячься где-нибудь в темноте – света, падающего из открытых дверей, тебе должно хватить, чтобы попасть в животное, особенно учитывая его белоснежную шкуру. Мы с Джулией вернемся в здание, включим везде свет и будем его искать. Если он послушается Джулию, когда мы найдем его, мы просто выведем наружу и запрем в фургоне. Если он побежит, ты должен усыпить его на выходе.

Дюмон кивнул.

– Пистолет доктора Дюмона не навредит Нику, не так ли? – спросила Джулия, когда они остались наедине.

– Не больше, чем выстрел в руку навредит вам. Скорее, даже меньше.

Луч света от фонаря покойного сторожа освещал коридор, и, казалось, превращал места, через которые только что прошел Андерсон, в еще более темные, чем они были до этого. Минуту назад, Андерсон собирался зажечь побольше ламп, но до сих пор они не смогли найти ни одного выключателя. Он спросил Джулию, было ли тут так темно, когда она оставалась работать над проектом после закрытия библиотеки.

– Бэйли следил за освещением, – сказала она, – так что я не знаю, где находятся выключатели. Я начинала раскладывать на столе свои вещи: тетради, ручки и так далее, и тут зажигался свет.

Она запнулась на слове «свет», шмыгнула носом, и Андерсон понял, что она плачет. Он положил руку ей на плечо.

* Конрад Поттер Эйкен (Айкен) – (англ. Conrad Potter Aiken), (1889 – 1973). Американский поэт и прозаик. Член Американской академии искусств и литературы. (прим. перев.)

— Это несправедливо! — возмущалась Джулия сквозь слезы. — Почему, когда пытаешься... пытаешься сделать что-то правильно, все заканчивается так... так...

Он нежно запел:

*Вертись, кружись, веретено,
Со счастьем горе сплетено;
С покоем — буря, страх с мечтой;
Сольются в жизни начатой*

Вальтер Скотт. «Гай Мэннеринг» (перев. А. Шадрин)

— Это так к-расиво, но что это значит? Что добро и зло — единое целое, и нам неподвластно их разделить?

— И то, что смерть — это еще не конец. Ни для мужчин, ни для женщин, ни даже для единорогов. Возможно, даже и не для бедняги Бэйли. Неисповедимы пути Господни, — добавил Андерсон.

Джулия обняла его за шею и поцеловала, и он был так занят, прижимая нежные благоухающие губы к своим, что едва услышал внезапный топот неподкованных копыт.

Андерсон едва успел оттолкнуть девушку. Спиралевидный рог подцепил его, словно когтем, и мощный корпус зверя ударил так сильно, что Андерсон с грохотом налетел на высокий стеллаж.

— Нет, Ник! Прекрати! — закричала Джулия, пытаясь встать с пола.

Пятясь назад в узком проходе, единорог то и дело вставал на задние ноги. Андерсон цеплялся за полки, обрушивая лавины книг. Придя в себя, он понял, что держится за рог, ухватившись изо всех сил. Копыто молотом ударило его в бедро, и Андерсона потащило по темному коридору: руками он все еще чудом цеплялся за единорога, а ноги волочились по полу.

Внезапно впереди показался свет. Он пытался позвать Дюмона, но не мог сделать вдох, отчаянно цепляясь за рог и болтаясь на голове жеребца, как тряпка в зубах бульдога. Если даже пистолет с транквилизатором и выстрелил, то его тихий хлопок утонул в грохоте копыт и звоне в ушах Андерсона. Да и Дюмон все равно бы промазал в несущегося единорога.

Они покатались по ступенькам и рухнули у подножия лестницы, точно котята, выкинутые из мешка. Андерсон сумел встать на правую ногу, и, пока единорог, растянувшись, валялся на земле, попытался перекинуть через широкую белоснежную спину другую ногу, но понял, что она сломана.

Должно быть, Андерсон закричал и разжал от боли руки, когда края сломанной кости задели друг друга. Лежа на траве, он услышал галоп приближающейся смерти. И увидел саму Смерть, бледную, как кость.

Он подумал, что жеребцам совершенно естественно драться. Драться за кобыл, кусаясь и лягаясь. Только из-за самок самцы могут убить других самцов.

Андерсон неподвижно лежал, нога его была неестественно вывернута, как у сломанной куклы. Жеребцы не убивают, по крайней мере, когда их соперники, поверженные, лежат на земле.

На фоне темного неба с мерцающими на нем звездами возник силуэт белой головы, хотя обычно все происходит наоборот, – черное вырисовывается на светлом. Длинный рог казался чем-то необычным, но в то же время знакомым нам еще с древних времен.

Позже, когда Андерсон рассказал обо всем Джулии и Дюмону, Дюмон заявил:

– В конце концов, Ник – всего лишь жеребец. И он тебя пощадил.

– Супер-жеребец. Вооруженный рогом огромных размеров, сильный и ловкий, да еще и гораздо умнее обычного коня.

Джулия, Дюмон и Эд хотели оттащить Андерсона куда-то (он сомневался, что они сами знают, куда), но он им не позволил. Теперь, после того, как Дюмон позвонил в скорую, они просто сели на траву рядом с Андерсоном. Нога его ужасно болела.

– Куда направился Ник? Снова в университетский парк?

– Нет, на берег озера. Помните: *К морю спускается единорог...*? Вам придется собирать людей и утром идти на его поиски.

– Я пойду с ними, и уверена, что Эд тоже присоединится, – сказала Джулия.

Андерсон смог кивнуть.

– Думаю, мы соберем пару десятков человек. Кого-то из города, кого-то из других мест. У Дюмона есть номера телефонов.

– Энди...можно, я буду звать вас Энди? – с трудом улыбнувшись, спросила Джулия. – Вы любите поэмы. А такую помните?

Вел за корону смертный бой со Львом Единорог.

Гонял Единорога Лев вдоль городских дорог,

Кто подавал им чёрный хлеб, а кто давал пирог,

А после их под барабан прогнали за порог.

Из английского фольклора (перев. С. Я. Маршак)

– У нас все так и произошло, разве что пирога не было.

– И льва, – добавил Андерсон.

The woman the unicorn loved, (Isaac Asimov's Science Fiction Magazine, 1981 № 6). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим

ASIMOV's

Isaac

SCIENCE FICTION

MAGAZINE

\$1.75 DECEMBER 1983

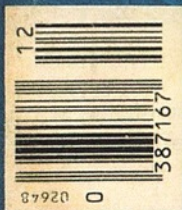
**REMEMBERING
SIRI
DAN SIMMONS**

GARDNER
DOZOIS &
JACK DANN

PIERS
ANTHONY

VIEWPOINT

**IN DEFENSE
OF FANTASY**

ДЖЕК ДАНН

(В СОАВТ. С ГАРДНЕРОМ ДОЗОЙСОМ)

НЕВЕСТА ИЗ ДРУГОГО ВРЕМЕНИ

Человек, которого-тут-не-было, впервые заговорил с Марси, когда ей было восемь.

Она пошла поиграть со своими подружками Шелли Митнич и Мишель Либман, что под надзором строгих и чрезмерно опекающих родителей ей удавалось очень редко, и позже она часто вспоминала эту длинную летнюю ночь – идиллию свободы и счастья, во многих смыслах последние настоящие моменты ее детства.

Небо было высокое, голубое и безоблачное, солнце приятно грело, а ветер нежно обдувал, и пока они играли, время, казалось, растягивалось, замедлялось и затем вообще останавливалось, вися в воздухе, словно тающий на языке мед. Они играли в «мама, можно я», в «два мяча», скакалки и салочки. В камешки: с тремя конами, подбрасываниями и перехватами. Прятки, «красный свет, зеленый свет», «чайник горячий, чайник холодный», двойную скакалку, напевая при этом:

*Ширли-мырли, чилли-вилли,
Где мы только ни ходили.
Моя левая рука
Аж до неба высока,
Моя правая рука
Аж до моря глубока.
От колена и до пятки
Мы с тобой пойдем вприсядку,
До большого пальца на ноге...*

и одновременно выполняя замысловатые движения, прежде чем поймать мяч, подбрасывали его и хлопали в ладоши, или скрещивали руки, касаясь плеч, и так далее, пока, в конце концов, на последней строчке-коне, прокидывали мяч между ног, с лицами, полными решимости и серьезности, словно у друидов, исполняющих священные обряды в день летнего солнцестояния. И когда Шелли обиделась и убежала домой, потому что застряла на букве «К», играя в «меня зовут Элис», а Марси, наоборот, смогла выполнить задание с этой буквой: «меня зовут Квини, а моего мужа зовут Квентин, мы приехали из Квинсбери, где продавали кровати» раздражающе легко – Мишель и Марси продолжали играть: классики, куклы, «кинозвезды», в которой Мишель притворилась Ником Чарльзом, а Марси пришлось стать

Норой и водить на поводке подушку, называя ее Астой. Когда же и Мишель ушла домой, потому что пришло время ее дурацких уроков на пианино, Марси осталась играть одна, не желая, чтобы вечер заканчивался, и не собираясь возвращаться в мрачный, старый в дом, где было нечего делать, кроме как смотреть телевизор или сидеть в своей комнате, играя в скучные игры, совсем не веселые из-за того, что в доме она чувствовала себя взаперти.

Марси пробежала через низкие кусты, растущие за домом, рассекая заросли травы, дикой пшеницы и сорняков высотой по пояс, как лошадь. Обычно, когда она это делала, с ней играли Мишель и та же противная Шелли — Марси звали «Молнией», красивой черной лошадью с белой гривой и белым хвостом, Мишель — «Звездой» и Шелли — «Вспышкой». Марси не знала, захочется ли ей играть в лошадок одной: когда не с кем бегать от лесных пожаров и конокрадов, но вскоре ей это понравилось. Носиться одной, свободной, с ветром, развевающим ее волосы за спиной, с небом, которое, казалось, головокружительно вращалось, пока она бежала, нестись так быстро, что она думала, будто сможет добежать до самого края мира, так далеко, что ее больше никто никогда не поймает — да, ей это очень понравилось, возможно, больше, чем все, что она обожала до того момента.

Марси пробежала через кустарник и участки второсортных деревьев: сосны и ольхи, растущих, как сорняки, направляясь вниз, к залитым солнцем лугам у реки.

Там она остановилась перевести дыхание и, вытянув руки в стороны, опасно балансировала на обрывистом берегу. В это время года река почти пересыхала, — лишь узенький ручеек, в пару сантиметров глубиной, пробирающий себе путь по засохшему руслу через тысячи камней всевозможных форм и размеров — от крошечной гальки до громадных булыжников величиной с автомобиль, — но Марси представила, что сейчас упадет и, возможно, утонет, и мамочке станет ее жаль, или, может быть, Марси придется плыть изо всех сил, чтобы спастись, а может, русалка вытащит ее и отнесет в волшебную пещеру... Она кружилась и кружилась на берегу реки, по-прежнему вытянув руки в стороны. Марси была из тех детей, что обладали классической детской красотой, и выглядели, точно китайские куклы, с большими влажными глазами, белой, безупречной кожей и лицом правильной формы, уменьшенной копией лица взрослой женщины. На ней было новенькое голубое платьице, украшенное кружевными полосками, и когда Марси вертелась на солнце, ее волосы сияли, словно расплавленное золото.

Она кружилась, пока не потеряла равновесие и шлепнулась в грязь на берегу, все еще сыром после утреннего дождя. Поняв, что наделала, она на секунду испугалась, а потом принялась с некоторой озабоченностью рассматривать грязь, копаясь в ней руками.

— Ты не должна играть в грязи, — строго сказал взрослый голос.

Марси вздрогнула и посмотрела вверх, ожидая увидеть кого-нибудь из соседей, или, возможно, одного из рабочих, строивших дом на дальней стороне луга.

Но она никого не увидела.

— Так ты перепачкаешь платье, — поучал голос, — и могу представить, сколько за него заплатила твоя мама. Нужно уважать чужой труд!

Марси медленно встала, чувствуя, как ее руки покрываются гусиной кожей. И опять там никого не было. Она осторожно осмотрелась, но спрятаться поблизости никто не мог: трава была слишком короткой, а ближай-

шие деревья стояли метрах в тридцати, – так что Марси не поняла, в чем тут фокус.

Она продолжала молча стоять, хмурясь и пытаясь понять, откуда идет голос, все еще спокойная, но уже начинающая слегка побаиваться. Ветер трепал волосы и развевал ленточки запачканного платья.

– Ты – избранная, – злорадно сказал голос.

Казалось, что он звучал прямо из воздуха рядом с ней, громкий и четкий.

– Я понял это, как только увидел тебя. Да, ты самая подходящая – ты будешь вести себя правильно, я это вижу даже сейчас. Черт побери, да я выручу все потраченные деньги. Каждый вложенный цент – и не даром.

Голос звучал самодовольно и слегка напыщенно. Он походил на голоса лицемерных, не сильно умных взрослых, постоянно настаивающих на том, чтобы рассказать Марси историю с моралью или слова-которые-помогут-ей-в-будущем, тех взрослых, что показывают фотографии с последнего отпуска, треплют ее за щечку и говорят, как сильно она выросла, как, например, дядя Ирвинг, вечно воняющий сигарным дымом, и чей бубнящий голос был даже более раздражающим, чем его манера каждый раз давать ей пятицентовую монету. Неудачник, как говорил ее отец, голос неудачника, идущий прямо из чистого августовского неба.

– Ты призрак? – вежливо спросила она, больше интересуясь, чем испугавшись.

– Нет, я не призрак, – захихикав, ответил голос.

– Получается, ты невидимка, как в телевизоре?

– Ну... – сказал голос, – Наверное, в том смысле, как ты это понимаешь, меня вообще здесь нет, хотя я могу видеть тебя и разговаривать с тобой, когда захочу, маленькая Марсия.

Марси покачала головой. Хотя он и заявил, что не призрак, она все равно представляла его таковым, человеком-которого-тут-не-было, как в стихах, что ей читала мамочка, и на долгое время он таким для нее и оставался.

– Откуда ты знаешь мое имя? – спросила Марси.

Человек-которого-тут-не-было снова самодовольно хмыкнул.

– Я много чего знаю, Марсия, и могу выяснить почти все, что захочу. Меня зовут Арнольд Воксман, и когда-нибудь я женюсь на тебе.

– Нет, неправда, – испуганно сказала она.

– О, да. Я стану твоим мужем, маленькая Марсия, вот увидишь. Под моим руководством, ты станешь идеальной молодой леди, прекрасной невестой, и когда время придет, выйдешь за меня замуж.

– Нет, не выйду! – с чувством сказала она, ощущая, что у нее заслезались глаза. – Не выйду, не выйду. Ты – лжец, противный старый лжец.

– Я требую уважения! – резко сказал человек-которого-тут-не-было. – Вот как ты собираешься разговаривать с будущим мужем?

Но Марси уже убежала, неслась со свистом, как камень, выпущенный из пращи, вверх по склону, через луг, мимо фундамента нового дома. И лишь

добежав до первых деревьев, когда берег реки оказался далеко позади, она развернулась и прокричала:

– Я не выйду за тебя, ты старый, глупый призрак! Не выйду!

– О, думаю, выйдешь, – сказал голос из свежего, чистого воздуха рядом с ней.

Барри Мейснер, отец Марси, надевал талит, собираясь помолиться, когда с потолка раздался голос:

– Мистер Мейснер? У меня есть для вас предложение.

– Что? – оборачиваясь, сказал мистер Мейснер, словно голос исходил из красной, обитой кожей прилавка, перегораживающего помещение.

Он осторожно подошел к прилавку и заглянул за него, но не обнаружил там ничего, кроме коллекции марочных вин, полотенца, упавшего на пол, и пробки от бутылки, которую служанка пропустила при уборке.

– Ну вот, теперь ты уже слышишь голоса, – ругая себя, пробормотал мистер Мейснер.

– Мистер Мейснер, – четко повторил голос, – пожалуйста, послушайте меня секунду, и я все объясню.

– О, Боже! – сказал мистер Мейснер, теперь глядя вверх, на лампу на потолке, заливавшую ярким светом прилавок и коллекцию статуэток из слоновой кости, заполнявшую узкие полки зеркального шкафа позади прилавка.

Мистер Мейснер, успешный бизнесмен, приписывающий свои достижения лично Богу, взявшего его под свою опеку. Голос его внезапно задрожал, когда он воскликнул:

– О, мой Бог. Я всегда знал, что ты существуешь. Я твой сын – Барри. – Он вскинул руки вверх и стал с интонацией декламировать *Шему**: – Услышь, о, Израиль...

– *Пожалуйста*, мистер Мейснер, – сказал голос. – Я уж точно не Бог. И если бы вы просто выслушали...

Мистер Мейснер нехотя опустил руки.

– Так ты – не Бог?

– Конечно, нет.

– Тогда кто ты, что ты? – спросил мистер Мейснер, вертя головой то в одну, то в другую сторону. – Выходи! Покажись!

– Я не могу это сделать, мистер Мейснер, потому что я из будущего.

– Из будущего?!

– Совершенно верно, – слегка самодовольно сказал голос.

Мистер Мейснер подозрительно покосился на потолок.

– Так ты из будущего, да? Возможно, у тебя есть машина времени, как в кино? Если ты хочешь поговорить с человеком, почему бы тебе не выйти

* Шема – молитва (евр.) (прим. перев.)

из тени и не сказать привет, вместо того, чтобы заниматься чревовещанием с потолка?

— Мистер Мейснер, — сказал голос, и если прислушаться, можно было услышать разочарованный вздох, — машин времени не существует. По крайней мере, не в таком виде, как вы ее себе представляете. Путешествовать через время физически невозможно. Ну, так говорят ученые... должен признать, что сам я это не очень хорошо разбираюсь в том. Но суть в том, что я не могу появиться тут и пожать вам руку, потому что на самом деле меня тут нет, по крайней мере, нет физически. Понимаете? Но, что у меня есть, так это прибор, позволяющий видеть сквозь время, говорить с вами и слышать то, что вы мне отвечаете. И это очень дорогой прибор, мистер Мейснер. Времяскопы были созданы совсем недавно (с моей точки зрения, разумеется), и вы не поверите, сколько мне стоит вот так с вами поговорить.

— Связь на большие расстояния всегда дорогая, — тихо сказал мистер Мейснер.

Он вернул себе какую-то часть самообладания и не собирался позволить голосу с потолка произвести на него впечатление, хвастаясь своими деньгами. Он лишь теребил пальцем свободно свисающий талит, пока задумчиво смотрел вверх.

— Получается, вы — мистер Голос... — сказал он, наконец.

— Мистер Мейснер, *пожалуйста*. Я не голос, а такой же человек, как и вы, и у меня есть имя. Меня зовут Арнольд Воксман.

Мистер Мейснер поморгал.

— Итак, мистер... Воксман, — осторожно сказал он.. — Вы оттуда, из будущего, звоните мне, это стоит вам миллион долларов в минуту, или что у вас там в качестве денег, и в любое время может вклиниться оператор и начать кричать, чтобы вы сунули в прорезь еще одну монету.... — Он вдруг прервался. — Так что вы хотите? Почему достаете меня?

— Я хотел поговорить о вашей дочери Марси.

— А что с ней? — снова испугавшись, спросил мистер Мейснер.

— Я хотел получить ваше разрешение на ней жениться.

— Жениться? Вы — извращенец, да?

Мистера Мейснера затрясло от гнева и страха. Никто не женится на его дочери. Ей еще даже нет двенадцати. Потом он вдруг замолчал и закрыл лицо ладонями.

— Я слышу голоса, — печально сказал мистер Мейснер, обрадовавшись, что, наконец, дошел до ручки. — Пусть жена теперь попробует отрицать, что я слишком много работаю.

В комнате раздался вздох.

— Мистер Мейснер, вы не сошли с ума. Вы живете в двадцатом веке — попытайтесь вести себя, как цивилизованный человек, а не какой-то суеверный дикий.

— Поговорите мне тут о цивилизованности! Моей дочери восемь лет. Так вот что делается в будущем, — женятся на восьмилетних девочках? —

Эта мысль словно ударила его, он запаниковал. – Где она? О, Боже, с ней все хорошо? Нужно...

– Успокойтесь, мистер Мейснер, – сказал Арнольд. – Ваша дочь в порядке. Если быть точным, она возвращается домой.

– Лучше бы так оно и было, – мрачно сказал мистер Мейснер.

– Пожалуйста, позвольте мне объяснить, мистер Мейснер. Я не собираюсь жениться на Марси прямо сейчас. Я хочу сделать это в будущем, лет через десять, когда ей исполнится восемнадцать. Мне кажется, это вполне приемлемый возраст. И, как я уже упоминал, у меня очень много денег. И высокое положение в обществе. Для нее это далеко не самый худший вариант, поверьте.

Мистер Мейснер нерешительно покачал головой.

– Я должен устраивать брак Марси, как моя бабушка, жившая в деревне?

– Думаю, в старинных обычаях заключена некоторая мудрость, вы скоро это поймете.

– Вы еврей? – подозрительно спросил мистер Мейснер.

– Конечно, я еврей. Собирался бы я жениться на вашей дочери, если бы это было не так?

– Мы не ортодоксы, – сказал мистер Мейснер.

– Я тоже, – добавил Арнольд.

– Тогда... возвращайтесь через десять лет, когда станете реальным, и мы снова поговорим. А до тех пор, вы лишь предмет моего воображения.

– Вы прекрасно знаете, что я и сейчас реален, мистер Мейснер, – раздраженно сказал Арнольд, – а через десять лет для Марси уже будет слишком поздно.

– Что вы хотите сказать?

– Мистер Мейснер, вы вообще представляете, что происходит в будущем?

Мистер Мейснер пожал плечами.

– А должен? Мне и с настоящим проблем хватает.

– Так вот, позвольте мне рассказать. Если вы думаете, что вам тут плохо живется, то подождите, пока не увидите будущее! Это настоящий зоопарк. Джунгли. Полное разложение всех моральных устоев. Дети делают, что хотят. Распушенность. Непристойность. Хотите дожить до тех дней, когда ваша дочь будет спать с первым встречным на улице?

– Не смейте так говорить о моей дочери!

– Мистер Мейснер, без моего руководства она выйдет замуж за гоя!

Повисло неловкое молчание.

– Это – ложь, – сказал, наконец, мистер Мейснер, но в его голосе было сомнение.

Он снова помолчал, а затем вздохнул.

– Если все же мы договоримся, как это изменит то, что случится с моей Марси?

— Я присмотрю за ней. Проведу через жизненные ловушки. Сделаю все, чтобы она выросла порядочной.

— Я и сам могу это сделать, спасибо, — сказал мистер Мейснер.

— Но сможете ли вы приглядывать за ней все время, а? — торжествующе произнес Арнольд. — Вообще, я ее только сегодня застукал копающейся в грязи, нарочно пачкающей платье, и отправил домой. Кто знает, куда она еще попадет, пока вы не следите за ней? Сумеете ли вы уберечь ее от дурного влияния улицы, указать на все ошибки, которые она совершит, помочь устоять перед всеми соблазнами? Я же смогу это сделать.

— Но... — довольно изумленно, сказал мистер Мейснер, — почему вы собираетесь ждать десять лет ради моей дочери?

— Чтобы я мог убедиться, что она станет именно той женщиной, на которой я хочу жениться, — вздохнул Арнольд. — Меня уже дважды разочаровали, мистер Мейснер: обе невесты были девушками из хороших семей, предположительно хорошо воспитанными... но, тем не менее, оказалось, что они попросту... потаскухи. Они были испорченными, несмотря на хорошее происхождение, несмотря на усилия их родителей. Где-то на этом пути, в какой-то момент, нашли лазейку зачатки развращения. — Голос Арнольд многозначительно замолчал, но затем с энтузиазмом продолжал: — Однако, используя времякоп, я вообще могу сделать из Марси порядочную девушку, лично буду наблюдать за каждой мелочью...

Дверь в помещение открылась, и там показалась Марси, раскрасневшаяся, взволнованная, а ее платье было выпачкано в грязи.

— Папочка... — сбиваясь с дыхания, начала она.

— Вот! Видишь! — самодовольно сказал Арнольд. — Вот она, в полном порядке. И смотри, она испачкалась, как я и говорил...

Марси ахнула, вздрогнула и сделала шаг назад, а ее глаза стали еще больше. На лице появился ужас, но уже через секунду его место заняла вина.

Отец странно посмотрел на нее.

— Иди наверх, Марси, — наконец, сказал он. — О том, что ты сделала со своим платьем, мы поговорим позже.

— Но, папочка...

— Быстро иди наверх, — резко сказал мистер Мейснер. — Я очень занят. Как только дверь захлопнулась, он снова взглянул на потолок.

— А теперь, мистер Воксман...

Марси долго стояла за дверью кабинета отца, прислушиваясь к периодически смолкающим голосам внутри, и затем, озадаченная, ушла наверх, к себе в комнату.

Этой ночью, когда она уже собиралась выключить свет и лечь спать, голос опять заговорил с ней. Марси вскрикнула, прыгнула в постель и укрылась с головой. Она лежала, дрожа, удивленная, что голос сумел про-

никнуть в ее комнату. Голос, казалось, бубнил целую вечность, пока она продолжала кутаться в одеяла все туже и туже, пытаясь не слушать глупые истории о том, как замечательна будет их совместная жизнь, какие прекрасные поступки они будут совершать, и как они будут жить в замке...

Позже, когда ее комната снова наполнилась тишиной, Марси медленно высунула носик из-под одеяла, осторожно осмотрелась и затем вытянула руку, чтобы выключить свет, надеясь, что он не сможет найти ее в темноте.

Уставившись на темный потолок комнаты, Марси принялась говорить себе, что это все вранье, все, что он сказал, вранье. Ничего из того, что он сказал, не случится. В любом случае, она уже распланировала свою жизнь: она будет жить в Конго и будет Чудо-Женщиной, которой никогда не придется выходить замуж, даже если в нее кто-нибудь влюбится, потому что она красива и спасает жизни людей.

Арнольду там не было места.

На следующий день, за обедом, мама Марси сказала:

— Но, Марси, это для твоего же блага. — Она, Марси и мистер Мейснер сидели за кухонным столом. — Арнольд кажется очень хорошим человеком, и мамочка, папочка и Арнольд сделают все, чтобы у тебя была замечательная жизнь, и ты получила все, чего пожелаешь.

— Я не хочу все, чего пожелаю, — заныла Марси. — Не хочу, если мне все время придется слушать старого глупого Арнольда. Не хочу, не хочу, не хочу.

— Молодая леди не должна так разговаривать со своими родителями, — голос Арнольда, казалось, доносился из плиты, стоящей на кухне, выполненной в колониальном стиле. — Маленькая Марсия, ты...

— Не зови меня «маленькая Марсия». Меня зовут — Марси, и я не маленькая.

— Хорошо, — сказал Арнольд. — Марси, ты помнишь десять заповедей?

Она уставилась в блюде с клубничным мороженым и затем начала осторожно мять искусственно окрашенную массу чайной ложечкой.

— Так ты помнишь десять заповедей? — спросила миссис Мейснер.

Миссис Мейснер когда-то была красивой, но позволила себе набрать вес, скрывший прежде строгие черты лица. Но у нее все еще были красивая белая кожа и светло-голубые глаза, как у Марси. Она носила густые, окрашенные в рыжий цвет волосы до плеч, густо обрызганные лаком, и от того неестественно блестящие. — Марси, кончай играть с мороженым и ответь Арнольду. И будь вежливой!

— Я знаю, что нельзя воровать, убивать и есть лобстеров, — исподлобья сказала Марси.

— К тому же, ты должна уважать своих родителей... и вообще старших. — Теперь суровый голос Арнольда звучал откуда-то с потолка. — Чти отца и мать своих, — мрачно пропел он.

— Только если они не заставляют меня выйти замуж за старый глупый голос! — сказала Марси и, выбежав из кухни по покрытому красным ковром коридору, поднялась наверх в свою спальню.

— Думаю, ты должна извиниться перед родителями, — сказал Арнольд Марси, лежащей на кровати и раскинувшей руки в стороны, словно она парила, или, возможно, плыла.

Марси показала язык потолку, туда, где, как ей казалось, находился Арнольд.

— Считаю, что если ты сию же секунду не извинишься перед родителями, тебя нужно выпороть, — сказал голос.

— И кто же меня выпорот? — обидчиво сказала Марси. — Ты, что ли?

— Думаю, твой отец вполне может с этим справиться.

— Ну, он *никогда* меня не порол, так что замолчи и уходи.

Через пять минут Марси впервые отшлепал ее отец.

Первые несколько недель нового распорядка не были такими уж тяжелыми, хотя Арнольд был ужасно надоедлив и часто изводил Марси, особенно, когда родителей не было рядом. К этому времени, о голосах из будущего говорили уже все: стало известно более чем о тридцати случаях по всему миру. Контакты происходили по обескураживающе разнообразным причинам, — большинство из которых было удивительно незначительными, — но Арнольд, поначалу, разумно осмотрительно не наставлял Марси на виду у других людей, и только ее родители знали о нем.

Все это закончилось вместе с последними клочками ее старой жизни в одну ночь, наверное, месяц спустя, когда Марси ужинала в доме Шелли Митнич.

— Уверена, что твои родители не станут возражать, что ты это ешь? — спросила миссис Митнич у Марси, когда та наложила себе хвостов лобстеров. Она также поставила между Марси и Шелли блюдечко с растопленным маслом.

— Нет, они не возражают, — сказала Марси. — Мне нельзя есть это дома, но можно, когда я в ресторане или у друзей, как сейчас. — Лобстеры были любимой едой Марси.

Мистер Митнич пробормотал что-то, что Марси не смогла расслышать, и миссис Митнич укоризненно на него посмотрела.

— Ну, я знаю, что твои родители не ортодоксальны, — сказала миссис Митнич.

Но, прежде чем Марси успела положить в рот кусочек розового мяса, раздался голос:

— Немедленно положи вилку!

— Заткнись, Арнольд! — крикнула Марси.

Она покраснела и оглядела комнату, словно ожидая, что Арнольд обретет тело, дабы ее наказать.

— Ты знаешь, что тебе нельзя это есть, — сказал Арнольд.

Потрясенные Шелли и ее родители обвели глазами комнату, а затем устоялись на Марси.

— Я могу есть все, что хочу, — заныла Марси. — Родители позволяют мне есть все, что я захочу, когда я не дома... и это не твое дело, ты, псих проклятый!

— Воспитанные маленькие девочки не используют такие слова, — сказал Арнольд.

— Кто ты такой, черт возьми? — заорал мистер Митнич, вставав и начав махать руками там, откуда, как ему казалось, шел голос, словно пытаясь смахнуть его, как паутину. — Я все знаю о таких психах, как ты. — Затем он наклонился к Марси и спросил: — Дорогая, давно этот псих из будущего начал тебе докучать?

— Прошу прощения, сэр, — сказал голос, который теперь исходил из дальнего конца комнаты.

— Заткнись, — сказал мистер Митнич стене и снова повернулся к Марси. — Твои родители знают об этом извращенце?

— Можете быть уверены, что да, сэр, — самодовольно сказал Арнольд. — Мне обещана рука Марси, когда она достигнет необходимого возраста. Я просто пытаюсь спасти ее от судьбы вашей дочери. Если это означает быть извращенцем, то пусть так оно и будет.

— И какова же судьба моей дочери? — смотря на стену, спросил мистер Митнич.

— Лучше я промолчу.

Мистер Митнич побагровел от ярости.

— Выметайтесь отсюда! О... Марси... не думаю, что тебе стоит играть с Шелли и дальше. Твои родители должны стыдиться себя. Притащить такую грязь в собственный дом... и в наш...

— Вы скоро увидите, что станет с *вашей* дочерью, — бросил гадость Арнольд. — Черт возьми! Да вам бы крупно повезло, если бы нашелся кто-нибудь такой, как я, кто присматривал бы за ней!

Мистер Митнич бросил в потолок чашку кофе.

Затем Марси оказалась снаружи и побрела домой, по ее щекам текли ручейки слез, а Арнольд все бубнил, что такие друзья ей все равно не нужны, потому что, в конце концов, у нее есть он.

После этого пошли слухи, и Марси на некоторое время стала местной знаменитостью, которую даже несколько раз показали по телевидению. Это было для нее слабым утешением, потому что Арнольд становился все более строгим, постоянно делая ей выговоры на виду у других детей, огрызаясь на ее сверстников и их родителей, которые, по его мнению, оказывали «дурное влияние», и постепенно с Марси все перестали играть. Она потеряла всех друзей, и даже учителя старались оставить ее одну, усаживая на заднюю парту, где они могли спокойно не обращать на нее внимания.

Теперь Арнольд был рядом с ней практически все время, и Марси скоро поняла, что скрыться от него почти невозможно. Когда она спряталась под кустом азалии и «трогала себя», Арнольд оказался и там, обрушивая свой гнев с облачных высот и громко говоря ее родителям, какой мерзостью она занималась, и Марси пришлось пообещать, что больше этого не повторится, а потом она целую неделю, засыпая, каждую ночь плакала от стыда. Когда Марси украла из маминой коробки с конфетами вишню в шоколаде, Арнольд был там. Когда она вытерла нос рукавом нового пиджака, Арнольд все видел. Когда Марси пыталась скрыть свои оценки, он все заметил. Когда она позволила Диане Берковиц уговорить ее попробовать сигарету, Арнольд оказался и там.

Ежедневно он читал ей лекции о морали, грехе и извращении. Он любил говорить об этикете и хороших манерах, и заставлял ее читать толстые, заплесневелые книги, чтобы «расширить кругозор».

Арнольд по секрету сказал Марси, что ее родители не очень-то умные, или, точнее, не очень-то образованные.

Он сказал, что он ее единственный друг.

Он сказал, что она должна быть счастлива, что у нее есть он – единственная надежда Марси на спасение от грязи и пороков.

Вскоре после пятнадцатого дня рождения Марси, кто-то, наконец, изобрел времяскоп, запоздало оправдавший предсказания о его существовании. Изобретатель получал подсказки и наставления из будущего, но, за исключением нескольких вьедливых ученых, никого особо не беспокоил запутанный клубок парадоксов, вызванных этим событием. В течение года времяскопы поступили в свободную продажу, хотя и действительно оказались очень дорогими для хранения и пользования.

Вскоре после шестнадцатого дня рождения Марси, Шелли Митнич забеременела, и к тому же, от негра. Арнольд ликовал по этому поводу несколько месяцев, и доверие к нему мистера Мейснера выросло до совершенно недостижимых высот.

Вскоре после семнадцатого дня рождения, Марси попыталась поговорить с матерью об Арнольде. Марси до сих пор не видела способа, как избежать брака с Арнольдом, раз родители сказали, что она должна выйти за него, – хотя если бы она была немного постарше, или ее родители имели бы на нее меньшее влияние, или ее куратор в школе чуть больше сочувствовал бы ей, чтобы что-нибудь подсказать, или у нее были бы настоящие друзья, с которыми можно говорить обо всем, Марси нашла бы несколько выходов, – но теперь эта перспектива ужасала ее. Миссис Мейснер отложила журнал, посвященный телесериалам, и терпеливо выслушала дочь, но ее уставшее, ожиревшее лицо оставалось безучастным.

– Ты его не любишь, – сделав вращательное движение рукой, сказала миссис Мейснер. – И что? Не можешь полюбить богатого человека точно также, как бедного?

Близился восемнадцатый день рождения Марси. Ночь за ночью она лежала с открытыми глазами в темноте своей комнаты, прислушиваясь к жужжанию и треску уличных ламп за окном и наблюдая за перекатывающимися на потолке отблесками фар проезжающих машин, похожими на светящийся прибор на полуночном пляже.

По утрам, на Марси из зеркала смотрело осунувшееся и бледное лицо. Она начала худеть, кожа на щеках обвисла, а глаза стали впалыми, и под ними появились темные круги. Она почти перестала есть. В течение дня, она постоянно ходила туда-сюда, словно животное в клетке, неспособное спокойно стоять, бурлящее нерастроченной энергией, что вызывало головную боль и тошноту. По ночам Марси, подтянув одеяло к подбородку, лежала в кровати ровно и неподвижно, словно статуя, напряженная от страха и постоянного ожидания, что из темноты может в любую минуту, без всякого предупреждения, заговорить голос постоянно наблюдающего за ней человека, голос, от которого никуда не скрыться...

На третью такую ночь, неподвижно лежа в темноте и глядя, как тени листьев дрожат на ветру и создают на стенах причудливые узоры, Марси приняла решение.

Медленно, осторожно, она откинула одеяло и выбралась из постели. Не смея включить свет, она наощупь дошла до шкафа и таким же образом стала копаться в одежде. С тех пор, как Марси достигла половой зрелости, с тех пор, как на ее теле начали расти волосы, с тех пор, как ее грудь начала обретать форму, она, раздеваясь, держала комнату в кромешной темноте, дрожа от невыносимой мысли, что Арнольд будет пялиться на нее. По утрам, Марси одевалась под простыней, принимала ванну как можно быстрее, пребывая в полной уверенности, что он будет смотреть на ее наготу при каждой удобной возможности, убежденная, что его глаза ползают по ней всякий раз, когда ей приходится снимать укутывающую, удушающую, закрывающую все тело одежду. Прячась под бесформенными, как палатки, платьями, Марси, тем не менее, все еще хранила пару джинсов и синий свитер, возможно, неосознанно прибереженные на непредвиденный случай. Роясь в одежде, замирая после каждого движения, пытаясь беззвучно открыть ящик шкафа и останавливаясь на долгие секунды ужаса, когда тот издавал громкий, грубый скрип, пристально глядя на размытый потолок (где жил Арнольд, — ну, по крайней мере, так казалось ребенку, все еще жившему в глубинах души Марси), в любую секунду ожидая услышать его голос, ехидный и холодный голос, спрашивающий, какого черта она делает. Но к тому времени, когда Марси завязывала шнурки кроссовок и, крадучись, выходила из тени шифоньера, почувствовала себя чуть более уверенной, — она была тихой и послушной уже так долго, она не пыталась выскальзывать по ночам из своей комнаты уже несколько лет, и даже Арнольд не мог следить за ней ежечасно, ежеминутно. В конце концов, ему тоже надо было спать.

Может, все и получится.

Двигаясь уже без особых предосторожностей, Марси открыла окно и вылезла на покатую крышу второго этажа. Если бы он все-таки наблюдал, то точно что-нибудь сказал бы... но она уже оказалась снаружи, ощущая под ногами скользкие черепицы, сквозь спутанный силуэт веток видя над головой полную, бледную луну, но, тем не менее, ее еще никто не заметил. Марси уверенно дошла по крыше до большого вяза, растущего у угла дома, перелезла на него и спустилась по дереву на землю, вызвав дождь хрупких листьев и обломанных веточек, и только оказавшись на твердой поверхности, крепко стоя на влажной траве, Марси покачулась, и у нее закружилась голова...

Автобус, идущий в центр города, останавливался прямо напротив ее дома, но она, из осторожности, села в него парой кварталов дальше. Марси не дышала, пока двери автобуса не закрылись за ней, и затем, когда плюхнулась в кресло, ее охватила дрожь. Чтобы дрожь прекратилась, Марси пришлось ухватиться за спинку сиденья впереди и сжимать его до тех пор, пока костяшки пальцев не побелели, и только когда озноб, наконец, прошел, она успокоилась и смогла расслабиться, глядя на мелькающие за окном бледные огни города. Но она не должна была позволить себя убаюкать. Не должна думать, что она в безопасности. Марси прокрутила все в голове раз десять. Просто убежать из дома смысла не было — рано или поздно, Арнольд узнает, куда она делась, выследит, куда бы она ни пошла, а затем родители придут и заберут ее, или пошлют копов. И в следующий раз за ней будут следить более внимательно, делая побег еще более трудным. Нет, сейчас или никогда, она обязана воспользоваться этой возможностью прямо сейчас, и у ней была только одна идея, что делать с данным ей временем, как избавиться от Арнольда.

Подумав об этом, Марси опять заволновалась. Сколько у нее времени? Может быть, часа три-четыре... максимум. А возможно и полчаса, минут двадцать, или даже меньше. Рано или поздно, поднимется тревога... Она почувствовала, как внутри нее снова растет напряжение, словно рука, ритмично сжимающая внутренности, и начала с тревогой смотреть на выходящих из автобуса и заходящих в него людей. Марси толком не обдумывала план... она лишь смутно представила, что пойдет в бар или ночной клуб (а, что, если ее не впустят?), или боулинг, ресторан, или... Но у нее нет на это времени! В любую минуту может подняться тревога. У нее кончалось время... И теперь, в автобусе становилось пусто, людей заходило все меньше и меньше...

В нескольких рядах от Марси сидел мужчина и читал газету. *Вот он*, подумала она. *Другого выбора нет*. Стиснув зубы, она каким-то образом заставила себя встать и сделать неровный шаг в его направлении. Он, вероятно, был гоем, но выглядел довольно симпатично, хотя волосы оказались немного длиннее, чем ей нравилось (и — фу! — усы). Мужчина носил широкие штаны, рабочую рубашку и пиджак, простые ботинки, пластиковые очки... Марси сделала еще один шаг, чувствуя, что ноги становятся ватными, колени подкашиваются, а внутри нарастает паника.

По крайней мере, он взрослый... двадцать один, может быть, даже двадцать два года. Взрослый мужчина, это должно все упростить...

Автобус резко тронулся, и Марси, пошатнувшись и чуть не упав, сделала несколько быстрых неуверенных шагов, плюхнулась на сидение рядом с мужчиной, и затем, когда автобус резко повернул, сильно прижалась к нему, выбивая газету у него из рук. Опешив, он уставился на нее, а Марси выпрямилась и радостно сказала: «Привет», обнажая все свои зубы в том, что должно было быть улыбкой. Он продолжал молча смотреть на нее, а она придвинулась поближе, так что их лица почти соприкоснулись, и еще раз сказала: «Привееееет», придавая своему голосу кокетливый тон, хлопая ресницами и отчаянно пытаясь вспомнить, что делали соблазнительницы по телевизору. Мужчина поморгал и затем сказал:

— Н-ну... привет.

Повисло долго молчание, они так и продолжали смотреть друг на друга, пока автобус подпрыгивал и раскачивался под ними.

Боже мой, Боже мой, скажи же что-нибудь!

Что?

— Знаешь... — сказала Марси таким грубым от напряжения голосом, что ей пришлось откашляться и начать заново: — Знаешь, а ты очень симпатичный.

— Правда? — уставившись на нее, сказал он.

— Да, ты *очень* привлекательный парень.

Она искоса глянула на него, хлопая ресницами.

— Хочу сказать... ты, правда, очень симпатичный. Знаешь, *очень*... — еще раз взмахнув ресницами, произнесла Марси. — Как тебя зовут? Меня — Марси.

— А... Алан, — сказал он и начал по-дурацки улыбаться, хотя все еще выглядел озадаченным. — Меня зовут Алан.

Она придвинулась ближе, ощутив на лице его дыхание, и учуяла едва различимый запах пепперони и жидкости для полоскания рта. Марси одарила его долгим, томным взглядом, а затем, затаив дыхание, прошептала:

— Привет, Алан.

— Привет... э-э.. Марси, — сказал он.

Он все еще нервничал и оглядывался по сторонам, удостоверюсь, что за ними никто наблюдает. Она взяла его за руку, и он слегка вздрогнул. Она чувствовала, как краснеет, но уже ничего не могла с собой поделать.

— Я сидела и смотрела на тебя, — призналась она, — и сказала себе, что не могу позволить не сказать такому классному парню привет... Неважно, что он о тебе подумает... Знаешь, я хотела бы узнать тебя лучше, Алан. А ты? А?

Алан нервно облизнул губы.

— Конечно. Мы могли бы прогуляться... Думаю, мы могли бы сходить в кино или куда-нибудь еще, или взять по стаканчику колы...

Слишком долго! Так не пойдет!

Марси стиснула зубы и положила руку ему на колено.

Алан уставился на нее, и через гудящие волны смущения, она с удивлением заметила, что он тоже покраснел, покраснел, как свекла.

— Боже мой... — прошептал он.

Пути назад уже нет.

— Я... я хочу остаться с тобой наедине, — дрожащим голосом сказала Марси, заставляя себя не убирать руку с его бедра. — У тебя есть место, куда мы можем пойти?

— Ага, — сказал он сдавленным голосом, — можно пойти ко мне...

Они вышли из автобуса через несколько остановок и направились по полусовершенной улице в квартиру Алана. Марси цеплялась за его руку, словно боялась, что, если не будет его держать, он может улететь от нее в ночное небо. Алан шел так быстро, что просто тащил ее за собой, и ее ноги едва задевали тротуар. Он нервно болтал, говоря, наверно, тысячу слов минуту, но она не расслышала ни одного. Марси чувствовала, как напряжение внутри нее все растер и растет, почти могла учуять этого напряжения, *запах* паленого, как от горелой изоляции. Время уже почти вышло... она это знала, *знала!* Черт побери, *быстрее!*

Квартира Алана находилась на пятом этаже старого, облупленного каменного здания, выдавшего лучшие века, не говоря уже о годах. Внутри была кушетка, книжный шкаф, сделанный из досок и кирпичей, журнальный столик, пустые бутылки из-под вина, в которых торчали размякшие свечи, светильник с красной лампой и плакаты с рок-музыкантами на стенах. Алан принял пальто у Марси, кинул его на спинку стула, а затем повернулся к ней, вытирая рот рукой и снова выглядя неуверенным.

— Э-э, может хочешь выпить чего-нибудь...

— Хватит разговаривать. — Марси бросилась в его объятия. — Ты... ты нужен мне, Алан, — сипло сказала она, вспоминая цитаты из любовных рассказов, слишком юная, чтобы понять, что он сам не слишком-то взрослый. — Возьми меня, возьми меня прямо сейчас!

Затем — слава Богу, наконец-то — Алан начал ее целовать, пока Марси пыталась не суетиться от нетерпения. После секундного сопротивления она разомкнула губы и позволила ему просунуть язык себе в рот. Она ощущала, как он неуклюже там бродит, натываясь на зубы, виляя туда-сюда, словно какой-то пористый и органический стеклоочиститель. Марси казалось, что его без того большой язык продолжает раздуваться, и ее слегка затошнило, но, целуя ее, Алан начал издавать что-то похожее на медленные стоны, так что, похоже, она была на верном пути.

Спустя секунду, он начал нащупывать пуговицы ее кофточки, расстегивая их так неуклюже, что Марси пришлось ему помочь, хотя ее пальцы тоже немилосердно дрожали. Затем Алан снял с нее кофточку. Казалось странным стоять посреди странной комнаты, в бюстгалтере, перед незнакомцем, но думать об этом у нее не было времени. Ее застывают уже совсем скоро... Каким-то образом, Алан смог быстро разделаться с за-

стежками. Он стянул с нее лифчик и нежно провел руками по ее груди. Марси все еще не чувствовала ничего, кроме тревоги.

Алан опустил голову и приложил губы к ее груди, и, наконец, Марси получила некоторое удовольствие, словно по ее телу пробежал ток, но у нее не было времени на эти прелюдии.

— Быстрее, — прорычала она, неуклюже пытаясь расстегнуть ремень, ломая ногти и, в конце концов, достигла цели.

Алан повалил ее на кушетку, и они какое-то время безрезультатно барахтались, — Марси с ужасом смотрела на, весь в потеках, потолок и думала: *быстрее, быстрее, быстрее*, стучаясь подбородком о его плечо, — но, конечно, и он слишком нервничал. Он слабо улыбнулся и сказал что-то в качестве извинения, но она не обратила на это внимания и решительно потянулась к нему. Марси бешено покраснела, покраснела до самых корней волос, но продолжала угрюмо делать свое дело, говоря, что это почти тоже самое, что доить корову, что ей уже приходилось делать в летнем лагере.

Алан снова оказался над ней, неуклюже зависнув, и в этот момент громкий взбешенный голос закричал:

— Шлюха!

Алан дернулся, ахнул от испуга и начал отстраняться, но Марси, прижимая его к себе, завопила:

— О, нет, не уходи... еще не все! Только не сейчас!

— Шлюха! — прокричал Арнольд. — Грязная потаскушка!

— Что за черт?! Кто это?! — не понимая, что происходит, бормотал Алан, пребывая в полубессознательном состоянии.

Но Марси продолжала тянуть его к себе, обхватив руками и ногами, и повторяла: «Не волнуйся! Не обращай внимания!», пока он, наконец, не содрогнувшись, дернулся вперед. Она ощутила резкую, сильную боль, а Алан принялся напряженно сопеть ей в ухо, в то время как с потолка кричал и что-то неразборчиво бормотал Арнольд. Спустя какое-то время голос Арнольда стих, и Марси улыбнулась.

В конце концов, Алан застонал и рухнул на нее. Не сопротивляясь, она лежала под его телом, даже не беспокоясь о том, что могла забеременеть.

Наконец-то отделалась от него, подумала она.

Потом Алан, все еще озадаченный, сел.

— Теперь можешь надевать штаны, — сухо сказала Марси.

Через несколько минут в дверь начал колотить ее отец.

Затем случилось то, чего можно было ожидать. Крики, пощечины, плач, истерика.

— Ты не моя дочь... ты больше не моя дочь! Проститутка!.. Шлюха!..

И тому подобное. Марси так и не пошевелилась, а ее глаза оставались сухими. Алан спрятался в углу, завернувшись в простыню, растрепанный и напуганный, изредка открывая рот, чтобы заговорить и затем снова замолчал, когда родители Марси начинали опять на него орать. Они клялись, что

выдвинут против него обвинения, — особенно, если (прости, Боже!) Марси забеременеет, — и, прежде чем уйти, пригрозили ему тюрьмой и адвокатами, но, современем, отказались от суда, опасаясь еще большего скандала. (К счастью, Марси не забеременела). Она вежливо попрощалась с Аланом, — все еще завернутым в простыню, — он молча посмотрел на нее, продолжая пребывать в шоке от произошедшего, и спокойно вышла из его квартиры вслед за разгневанными родителями. Марси никогда больше его не видела. Она собрала сумку, взяла накопленные деньги и в ту же ночь уехала из родительского дома. Мистера и миссис Мейснер она тоже больше никогда не встречала.

На эту ночь она остановилась в маленькой гостинице, а следующие несколько недель провела в дешевых меблированных комнатах. Сначала она работала в магазинчике, торгующем всякой всячиной, потом устроилась официанткой в забегаловку. Первые недели, оставаясь на ночь в своей комнате, напуганная и одинокая, она все еще ожидала в любую секунду услышать голос Арнольда, но, со временем, постепенно начала привыкать к мысли, что, возможно, отделалась от него навсегда.

Через пару месяцев, Марси получила приличную работу в бухгалтерии инженерной фирмы средней величины и смогла позволить себе квартиру в бедном районе на окраине города. Она работала очень усердно, и полная сосредоточенность на своем деле приносили ей частые повышения: через пару лет она стала вполне обеспеченной и переехала в приличную квартиру, расположенную в спокойной высотке. Марси была довольно популярна среди коллег, хотя и редко ходила с ними в боулинг, кино, рестораны или бары, и еще реже — на свидания. Те немногие, кому не нравилась ее скрытность, называли Марси монахиней или «Маленькой Мэри Саншайн»*, но большинство коллег ценили ее веселый и спокойный нрав, и домыслы о том, что она «просто редко ходит на свидания» из-за того, что еще не пришла в себя после неудачно закончившихся отношений, стали неоспоримой частью офисной мифологии: некоторые даже могли рассказать о том, с кем встречалась Марси и почему они расстались (по одной версии оказалось, что он уже женат, а по другой медленно и тяжело умирал от рака).

Несколько более наблюдательных приятелей замечали, что иногда, ни с того, ни с сего: беседуя за утренним кофе, обсуждая финансы с главой филиала, или рассказывая в баре последний анекдот о поляках, Марси вдруг замолкала и замирала на пару секунд, словно превращаясь в камень. Однако, никто не замечал, что в такие моменты ее глаза неизменно и почти незаметно устремлялись вверх, словно она чувствовала, что кто-то оттуда наблюдает за ней.

* «Маленькая Мэри Саншайн» — известная американская драма о любви и юной девушке, поставленная еще в 1916 году (прим. перев.)

Однажды Марси увидела Арнольда во плоти и крови, — это случилось на одной вечеринке, через много лет после того, как она ушла из дома.

Шел прием в честь открытия нового корпуса музея, и Марси, потягивая светлое шерри, разговаривала с Джоанной Корман, когда безошибочно узнала тот самый голос, голос, который не слышала с восемнадцати лет, хотя и по ночам, во сне, он ей часто что-то нашептывал. Она обернулась и увидела Арнольда, поедающего сэндвич с огурцом и о чем-то помпезно разглагольствующего с сотрудником музея. Арнольд оказался низким, толстопузым человеком с большим носом и невыразительным подбородком, безукоризненно ухоженным, — его волосы были гладко прилизанными, блестящими и уложенными, как на фотографиях, — и дорого, хотя и довольно консервативно, одетым. Арнольд держал сэндвич, как богомол, поднеся его ко рту, и долго вертел, прежде чем с хирургической точностью откусить кусочек. Его глаза были маленькими, лишенными искорки и бледными, и, казалось, он никогда не моргает. Марси заворуженно смотрела на него. Было необычным видеть, как шевелятся губы Арнольда и слышать, как этот знакомый голос — лицемерный, уверенный в своей правоте и самодовольный, — исходит из них, а не откуда-то с потолка ...

Арнольд почувствовал, что на него глядят, и повернул голову. Они несколько секунд смотрели через заполненное людьми помещение друг на друга. В том, что он узнал Марси, не было никаких сомнений. Его губы сжались, словно он съел что-то испорченное, а затем, с надменным и пренебрежительным видом, он усмехнулся и, медленно и самодовольно, повернулся к Марси спиной.

Она даже не помнила, как вернулась этой ночью к себе домой. Она так и не сомкнула глаз. На следующее утро, на работе, поначалу она была онемевшей и ошеломленной, но затем начала злиться, и чем больше она думала о случившемся, тем больше злилась.

Это крутилось в голове у Марси еще несколько дней, а ее гнев все рос и рос, превращаясь в ярость, от которой, казалось, если она не найдет способ выпустить пар, то разлетится на куски, как взорвавшийся паровой котел. Она не позволяла себе думать об Арнольде, — по-настоящему думать, — очень долгое время. Марси знала, что это ей дорогого стоило, что отрекаясь от всех эмоций и отказываясь с этим смириться, поставила свою жизнь на паузу. Вместо того, чтобы дать ране по-настоящему зажить, она позволила покрыть ее кровотокающей мозолью. И под ней рана тайком много лет продолжала гноиться, — когда мысли в голове Марси подходили близко к опасной, запрещенной теме, она направляла их в другое русло.

Но теперь коросту содрали, и Марси пришла в ярость. Арнольд был таким самодовольным. Вот что по-настоящему задело ее, что нельзя было вынести... после всего того, что он сделал, он все еще считал себя пострадавшей стороной! Какого черта он был таким прилизанным и самодовольным, — у Марси кружилась от ненависти голова лишь при одной мысли об

этом. Без сомнения, Арнольд прямо сейчас ухмылялся себе в зеркале, думая, насколько он оказался прав насчет нее, как он все пытался и пытался помочь ей встать на правильный путь, а она постоянно не слушалась, как она показала себя недостойной его... Марси просто не могла об этом думать. *Не могла*. Он мучал ее целых десять лет, лишил ее детства, а она позволила ему остаться безнаказанным, много лет жить и радоваться, что его наихудшие ожидания стали реальностью. Ублюдок! Каким-то образом нужно было сравнять счет. *Обязательно!* Только тогда Марси сумеет избавиться от призраков, докучающих ей, только тогда она сможет выбросить из головы прошлое и зажечь нормальной жизнью. Она продолжала слышать его злорадствующий голос, давным-давно сказавший ей: «Это стоит каждый вложенный цент». Каким-то образом она должна была заставить его заплатить, и заплатить больше, чем он собирался.

Марси часами ходила туда-сюда, так же беспокойно, как пантера в клетке, мышцы челюсти были напряжены, а глаза опасно блестели. Внезапно она остановилась. Замерла на секунду, затем громко расхохоталась и ликующе швырнула в стену чашку с кофе, который пила. Чашка взорвалась, как маленькая керамическая бомба, оставив на светлых обоях коричневое пятно, и Марси опять засмеялась. Она села за стол и стала листать чековую книжку. Спустя какое-то время, достала калькулятор и принялась за расчеты.

На следующий день она пошла по магазинам.

Позже, уже ночью, через несколько часов после того, как ушли техники, Марси уселась в темной гостиной перед только что установленным пультом управления и пальцами пробежалась по клавиатуре и переключателям. Ее сердце яростно стучало, и она с трудом могла спокойно усидеть перед пультом. Марси тренировалась несколько часов, пока ей не показалось, что она привыкла к органам управления. Она прикоснулась к клавиатуре, и экран озарился светом, отображая неясные, движущиеся изображения. Набрав координаты и, воспользовавшись ручкой более тонкой настройки, Марси нашла, что искала: молодого Арнольда Воксмана – толстого, с прыщавым лицом, только что достигшего половой зрелости, – стоящего ночью в ванной комнате. Его штаны были до колена спущены, одна рука держала открытый «Плэйбой», лицо имело глупый, озабоченный вид, а в уголке приоткрытого рта блестела слюна.

Марси наклонилась и нажала на кнопку, включающую микрофон.

– Арнольд! – строго сказала она, наблюдая, как он подпрыгивает от испуга, – Арнольд, нельзя заниматься такими вещами!

Затем она медленно улыбнулась.

Time bride, (Isaac Asimov's Science Fiction Magazine, 1983 № 12). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.

ЧЕРНАЯ МАГИЯ

Весь в поту, Стивен оказался в полной темноте, а орлы пожирали его, вырывая из его тела куски мяса, и, хлопая крыльями, обдавали волнами влажного, опаляющего воздуха.

Закашлявшись, он проснулся, выбравшись из сна в знакомую и безопасную темноту своей спальни. Его жена Эллен пошевелилась рядом, затем перевернулась и уперлась в него задом. Стивен посмотрел на электронные часы, стоявшие на тумбочке: пять тридцать утра.

Он сел. Предстояла долгая поездка, из-за которой он сильно нервничал. Вот почему этой ночью Стивен спал урывками. Проснуться и начать собираться было облегчением. В рассветной полутьме то, как он сидел на кровати, словно уже удалившись от всего, что он знал и любил, казалось ненастоящим. Стивен ощущал себя призраком в собственном доме.

Кто, черт побери, мог подумать, что из всех людей именно он будет участвовать в таком деле? Погрузиться в другую религию, индейскую... словно его собственная уже не поможет. Боже, вполне достаточно просто быть евреем. Ну, подумал Стивен, если бы он не познакомился с Джоном, то, вероятно, они взяли бы кого-нибудь другого. Он искал что-то... некий смысл, нечто настоящее. Подлинный религиозный опыт. Он курил трубку с Джоном, снимавшим хорошо обставленную комнату под кабинетом Стивена, занимавшегося там недвижимостью, курил из любопытства, или, возможно, просто, чтобы делать что-нибудь, о чем он столько говорил. Но раскуривая с Джоном трубку в лесу, он чувствовал... что-то, нечто, наполненное силой и истиной. Словно Стивен ощущал то же самое, что и земля... он не мог выразить это словами. Он даже не знал, правда ли, в это верит. Но, по крайней мере, очень хотел поверить.

Стивен улыбнулся сам себе. Ризлтор, ставший мистиком.

— Стив? — прошептала Эллен и затем, в полный голос, добавила: — Зачем ты вскочил в такую рань?

— Я уже говорил — собираюсь с Джоном на церемонию вызова видений.

— О, Боже... почему бы тебе просто не сводить нас в храм? Детям бы понравилось. Сегодня как раз суббота.

— Мы уже проходили это миллион раз, — сказал Стивен. — Я тебя понимаю, но это то, чего я ужасно хочу. Пожалуйста, попытайся это понять. Думай об этом, как о временном явлении, мужском климаксе, или чем-то похожем.

Эллен потянулась к нему, но Стивен был слишком напряжен, чтобы заниматься любовью. Его сознание занимали церемонии, видения и шалаш

The author, whose short fiction has appeared in numerous places (including *Playboy*, *Omni*, *F&SF*, *New Dimensions*, and *Orbit*), has published two novels, *Starhiker* and *Junction*, and a third, *The Man Who Melted*, is forthcoming from Bluejay Books. He last appeared in *Asfm* in our December 1983 issue with "Time Bride," a story he co-wrote with Gardner Dozois.

art: Robert McMahon

by
Jack Dann

BAD MEDICINE

для ритуального окуривания. Один парень собирался просидеть голым на вершине холма, без еды и воды, четыре дня... просто, чтобы получить видение. Они называли это «вызывать видения». И он, Стивен, будет сидеть в ритуальном шалаше... и надеяться, что не умрет там.

Он жалел, что не может просто заняться любовью с Элли и привести все в порядок. Но Стивен, правда, не мог. Ну не получается у него по собственному желанию включаться и выключаться.

Эллен отстранилась, — он понял, что она обижена и раздражена.

— Сначала этот дзен-буддизм в колледже, — сказала она, — затем псевдо-юнгианский философ, потом тот доморощенный гуру... как там его звали?

Стивен поморщился и покачал головой.

— Не помню...

— Дальше было увлечение трансцендентной медитацией, потом чертовы семинары Эрхарда, в которые ты и меня втянул. Боже, это был самый ужас-

ный период. Во время этих дурацких собраний они даже не пускали в туалет. И вот теперь еще что-то новенькое. Ты, правда, веришь в индейскую магию?

— Не знаю, во что я верю.

— А я не знаю, зачем обратилась в другую веру... кажется, ты не хочешь иметь ничего общего со своей религией.

— Мы сделали это ради семьи, — неубедительно сказал Стивен.

Эллен всегда была религиозной, — она действительно верила, что Бог существует. Возможно, он дал ей знать о себе в операционной, среди болезней, сломанных костей и разбитых черепов. Она была медсестрой, помогавшей при операциях. Эллен сказала ему, что неважно, христианка она или еврейка. Бог есть Бог. Но Стивену не стоило просить ее обратиться в другую веру. Теперь он чувствовал, что не оправдал ответственности по отношению к ней. Он поступил дурно... и теперь у Эллен не осталось ничего. Она неуютно себя чувствовала рядом с ним в синагоге, — ей казалось, что она там чужая.

— Я сделала это ради тебя, — тихонько сказала она.

Стивену всегда казалось, что по утрам она выглядит лучше всего: густые, длинные черные волосы, обрамляющие ее детское личико.

— Не знаю, что ты хочешь найти у индейцев. Мне кажется, ты ввязываешься во что-то опасное. Ты же не индеец.

— Потерпи еще чуть-чуть, — сказал Стивен. — Я чувствую, что должен через это пройти. — Он поцеловал ее и поднялся с кровати. — Спи дальше. Завтра вернусь, и мы поговорим.

— Буду ждать, — зевая, сказала Эллен. Вчера была ее смена, и она спала всего пару часов. — Я очень тебя люблю... Надеюсь, ты найдешь, что бы ты ни искал...

Джон ждал его на металлической лестнице, ведущей в кабинет Стивена. На нем была шерстяная рубашка, поверх белой футболки, выцветшие джинсы, поношенные ботинки и жилет с повторяющимися узорами цепочек из ярких бусин. Джону было чуть более шестидесяти лет, и он укладывал свои длинные седые волосы на индейский манер. Лицо было суровым, с резкими чертами. Оно походило на саму землю — такое же потрескавшееся и опаленное солнцем, словно было не поддающейся расшифровке картой прошлого Джона. На коленях он держал мягкое, голубовато-белое скатанное одеяло, в котором была старинная трубка и орлиное крыло.

Серел рассвет, а воздух все еще наполнял ночная сырость.

Джон поднялся, когда заметил Стивена, но затем замер, глядя на небо, словно там было написано что-то, чего он не мог прочитать. Потом забрался в машину и сказал:

— Я сегодня решил начать новую жизнь.

Это ошеломило Стивена.

— Знаешь, — продолжал Джон, затем поднес руку ко рту, будто сделал глоток из невидимой бутылки, — я завязываю с выпивкой. Стану трезвен-

ником... Считаю, что должен сделать это ради Сэма, парня, с которым мы скоро встретимся, чтобы помочь ему с церемонией.

Стивен с легкостью выбрался на шоссе номер семнадцать: в это время дороги почти пустые, особенно по субботам. Те, кто собирались провести выходные на Кэтскилл*, выехали прошлой ночью, или поедут сегодня, но попозже. Легкий туман и наклонные солнечные лучи придавали горам фантастический вид, словно их нарисовал Максфилд Пэрриш**

Несмотря на то, что воздух был еще прохладный, Джон держал окошко открытым. От залетающего в машину ветра, Стивен чувствовал себя неудобно, но ничего не сказал Джону. Тот, казалось, что-то искал, поскольку постоянно наклонялся, чтобы через лобовое стекло взглянуть на небо.

– Что ты хочешь там увидеть? – спросил Стивен.

– Орлов.

– Зачем? – задал еще один вопрос Стивен.

– Когда я стал лекарем, – начал объяснять Джон, – то получил дар орлов.

– Я и не знал, что ты был лекарем.

– Можно одновременно быть и лекарем, и тем, кто занимается ритуальными окуриваниями. Но я хороший окуриватель, наверное, поэтому Сэм и хочет, чтобы я ему в этом помог.

– Ты никогда не говорил, что был лекарем, – сказал Стивен, не желая позволить Джону так легко сменить тему беседы.

– Я уже давно этим не занимаюсь. Выпивка и лечение не сочетаются.

– Что ты делал, когда был лекарем? – спросил Стивен.

– В основном, то же, что и сейчас... кроме пьянства. Я помогал людям.

– Каким образом?

– Просто помогал.

– Как доктор или как слуга?

– Может быть, как оба, – смеясь, ответил Джон.

– А причем тут орлы?

– Они – мое лекарство.

– Ты ходишь вокруг да около.

Джон усмехнулся, а затем сказал:

– Алкоголь всегда был моей слабостью. Выпивка и женщины вечно тянули меня на дно, но я постоянно давал себе клятву, что стану на правильный путь и, рано или поздно, орлы вернутся, так что, когда бы я ни взглянул наверх, высоко в небе всегда будет парочка орлов, и они будут направлять меня, заставляя жить правильно, до тех пор, пока я не смогу

* Кэтскилл – холмистая местность в штате Нью-Йорк, популярное место отдыха (прим. перев.)

** Максфилд Пэрриш – американский художник и иллюстратор, знаменитый многочисленными работами на сказочные и мифологические сюжеты (прим. перев.)

этого выносить, и затем пойду, напортачу, забуду все свои обязанности и снова потеряю орлов. С того времени, как я опять начал выпивать, я уже два года не видел их. И все время я расплачивался за это, можешь поверить. Теперь я снова на правильном пути, и думаю, может, орлы вернуться.

– Все равно не понимаю, – сказал Стивен. – Хочешь сказать, что куда бы ты ни пошел, над тобой всегда кружат орлы... даже в городе?

– Я видел их в городе... однажды. Это было, когда я впервые попал в Нью-Йорк и сильно испугался всех этих машин, бетона, людей... Один из тех, с кем я туда приехал – мы туда прибыли, чтобы кое с кем договориться и провести несколько ритуалов – указал на небо, и, представь себе, там кружил орел. Я перестал бояться города... хочу сказать, что теперь, это пугает меня не больше, чем парня рядом со мной.

– Не хочу проявить неуважение, – сказал Стивен, – но поверю, только когда сам увижу.

– Может быть, во время ритуала... орел залетит в шалаш и оттяпает твои причиндалы, – сказал Джон. – Тогда ты поверишь?

Стивен засмеялся.

– Да, тогда уж точно поверю.

Они добрались до окраины Бингемтона сразу после полудня. Был ясный, солнечный день, сухой, хотя чувствовалось легчайшее касание осени. Стивен свернул на неровную дорогу, при въезде на которую по обеим сторонам стояли заправочные станции из белого цемента, и они поехали в гору, затем через мост, с которого было видно автомобильное кладбище, затем по изгибам сужающейся дороги.

– Я тут уже бывал, – сказал Джон, – так что вспомню нужный дом.

– Это дом твоего друга? – спросил Стивен.

– Он принадлежит родителям Сэма. Это ферма, и Сэм тут вроде как живет.

– Откуда ты его знаешь?

– Когда я жил в Южной Дакоте, Сэм приехал ко мне, чтобы кое-чему научиться, – сказал Джон. – Он надеялся стать врачом.

– Ему удалось?

– Даже и близко нет. Как и большинство из нас, он свернул с верного пути. Связался не с теми людьми.

– Что ты хочешь сказать? – замедляя скорость перед поворотом, спросил Стивен.

По обеим сторонам дороги густо росли деревья. Это была хорошая местность, неровная и дикая, и, несмотря на близость к городу, людей тут жило мало.

– Он смешал колдовство и людей в одну кучу, – сказал Джон. – Все, с кем он общался, винили во всем черную магию, а не самих себя. Когда что-то случалось, они считали, что на них навели порчу или сглаз.

– Не совсем тебя понимаю, – нервно сказал Стивен, вспоминая, что ему говорила Эллен нынче утром... что это опасно? Может, он действительно не представляет, во что ввязывается.

– Они во всем винили колдовство.

– Колдовство? Ты в это веришь?

Сам Стивен ни во что подобное не верил, но мысль о том, что магия, и правда, существует, что жизнь состоит не только из подъема по утрам и засыпания по ночам, приводила его в восторг.

– Колдовство реально, – спокойно сказал Джон. – Магия существует, и ее можно использовать, как во благо, так и со злым умыслом. Но, думаю, Сэм просто запутался. Он шел на запад ради солнечного танца и оставался со мной почти год. Он начал становиться отличным окуривателем, но слишком спешил и не был готов стать лекарем, так что я решил, что какое-то время он должен поучиться у кого-нибудь помоложе. И я отправил его в Вирджинию, где жил парень из племени сиу, которого я знал... Джозеф Белая Рубашка. Это был талантливый молодой лекарь. В любом случае, Сэму нужно было обучаться в другом месте. В разных местах разная магия, разные способности. Ну... и кончилось тем, что Сэм переспал с женой индейца и за это чуть было не получил ножом в живот. В общем, с тех пор между ними много всякого произошло... возможно, черная магия тоже была замешана. Так или иначе, в том, что случилось, Белая Рубашка винил меня. Он считал, что это я науськал Сэма. В итоге, все заболели... наверно, я, и правда, был в ответе за это. Когда им понадобилась помощь, я находился в запое и не мог никому помочь, включая себя самого. Но это меня не оправдывает...

– Так, где Белая Рубашка сейчас? – спросил Стивен.

Боже, во что он ввязывается...

– Он у Сэма... как и его жена, они снова вместе.

– Как так?

– Их отношения до сих пор напряженные, – ответил Джон, но Белой Рубашке приходится помогать Сэму с вызовом видений, хочет он того или нет... если, конечно, он настоящий лекарь. Может быть, проведение церемоний поможет им примириться.

– А что насчет тебя? – спросил Стивен.

Теперь он начал нервничать из-за того, что ему предстоит, хотя отступать было поздно. Стивен знал, что это глупо, но у него разыгралась мужская гордость. Эллен посмеялась бы над тем, что он еще хочет быть мачо, особенно во времена, когда мужчины едят заварные пирожные с кремом, но, тем не менее, струсить он не мог.

– Может быть, мне это тоже поможет, – едва заметно улыбнувшись, сказал Джон. – Но, возможно, церемония не изменит Сэма, Белую Рубашку и других, замешанных в этом, вдруг их сердца так и останутся каменными. Уверен, что хочешь продолжать? Если нервничаешь, можешь высадить меня у дома. Я сам дойду. Без проблем.

– Я приехал, чтобы пройти ритуал, и не собираюсь отступать, – сказал Стивен.

Джон засмеялся.

– Не волнуйся. Я не дам тебе там умереть... Лучше притормози, – сказал он, когда Стивен подъехал к еще одному крутому повороту.

По левую сторону дороги целые поля скошенной травы простирались до мирных, поросших елями, холмов. Поля были еще зеленые, но уже начинали желтеть. Посреди одного поля ржавел остов старой сенокосилки. На другой стороне дороги стояли несколько современных, дорогих домов, принадлежащих чиновникам, работающим в городе, но фермы и вездесущие загородные лачуги, чьи дворы были захламлены остовами автомобилей и древней сельхозтехникой, а на верандах валялись заплесневелые матрасы, драные диваны и сломанные шкафы, превосходили их числом во много раз.

– Вон тот дом, – указывая, сказал Джон.

Это было красное, обшитое досками строение, стоящее метрах в пятнадцати от дороги. Позади него, на бугре, находился полуразрушенный красный амбар и несколько сараев поменьше. Они были некрашенные, а у одного провалилась крыша.

Стивен свернул к дому и припарковался за зеленым пикапом марки «Форд», на заднем стекле которого была наклейка, гласящая, что это настоящий индейский автомобиль. А сзади на машине большими буквами было написано слово: «АКВЕКАСНЕ».

– Что это значит? – спросил Стивен.

– Это расположенная неподалеку резервация мохоков*, – сказал Джон. – На нее напали, можно сказать, белые люди – браконьеры, и индейцы обратились в полицию. Среди них был и Сэм и Белая Рубашка. Но браконьеров больше нет.

– А что насчет тебя?

– Я валялся пьяный дома, – сказал Джон и затем, через секунду, добавил: – возможно, на церемонии будут те, кто меня сильно не любит... все еще хочешь попасть туда?

– Боже, я уже приехал.

Стивен надеялся, что не пожалеет об этом.

– Во всяком случае, ты же не веришь в сверхъестественную чепуху, о которой мы говорили, не так ли? – улыбаясь, спросил Джон, резко поменяв настроение, словно надел или снял маску.

– Ты просто спятил, – сказал Стивен.

Но, тем не менее, почувствовал, как по спине пробежал холодок... или, может, это просто был пот.

* Мохоки (англ. Mohawk; самоназвание: ганьенгэха, Kanien'keha / Kanyen'keha, «народ кремня») — племя североамериканских индейцев, входившее в союз Лиги ирокезов (прим. перев.)

Выйдя из машины, они пошли прямо по полю, мимо ржавеющей сенокосилки. С запада поле окаймлял лесок. Пройдя через него, они вышли на поляну. Человек лет тридцати, с черными волосами до плеч, завидя их, помахал рукой.

Стивен знал, что возвращаться уже поздно.

– Стив, это Сэм Начинающий-танцевать, – сказал Джон.

Он не похож на индейца, подумал Стивен, обмениваясь с Сэмом рукопожатием. Черты лица у Сэма были красивыми и утонченными, почти нордическими, но он носил рубашку с нашитыми бусинами и повязку на голове... и волосы у него были черными, как воронье крыло.

– Рад, что ты пришел, – сказал Сэм Джону, когда, пройдя по камням высохшего русла реки, они зашагали по хорошо протоптанной тропе, полого уходящей вверх. – Не ожидал, что ты приедешь.

– Сказал же, что буду, – уверенно ответил Джон.

– Шалаш для окуривания уже готов, – сказал Сэм, – а женщины принесли еду: они ее сейчас готовят. Ты собираешься *жертвовать плоть*?

– А как же Белая Рубашка? – спросил Джон, останавливаясь, совсем чуть-чуть не дойдя до вершины холма.

– Он сказал, что это должен сделать ты.

Джон кивнул.

– Отлично... Как дела? Все еще не ладите?

– Белая Рубашка делает все, что от него требуется, – сказал Сэм. – Помогает мне с этим делом. Но отношения между нами по-прежнему ни к черту. Большинство из тех, кто были с ним в Вирджинии, уехали. Белая Рубашка нашел новых людей, но это, в основном, воннаби.

– Кто это такие? – спросил Стивен.

Джон засмеялся.

– Воннаби – это белый, который хочет стать индейцем. – Стивен почувствовал, как его лицо покраснело. – Не бери в голову, – сказал Джон.

– Так или иначе, – сказал Сэм, – я слышал, что там, где живет Белая Рубашка, происходит много нехороших вещей.

– Они с Джанет снова вместе? – спросил Джон.

– Да, она с ним. Заботится об остальных женщинах.

– Ну... это хорошо.

– Джанет прошла через несколько окуриваний и видела множество видений, и духи велели ей остаться и помогать Белой Рубашке. Так она говорит. Но между нами все кончено. Даже несмотря на то, что она не любит Белую Рубашку, мы поступили неправильно. Это была моя вина, и ты оказался прав, с людьми такое бывает.

– Ага, – сказал Джон. – Может, когда-нибудь все придет в норму.

– Но, думаю, тут что-то нечисто.

– Неприязнь не означает вмешательства черной магии, – сказал Джон.

Сэм ничего не ответил и посмотрел вниз. Но затем все же сказал:

– Джанет мне кое-что рассказала... В том, что произошло, Белая Рубашка винит тебя. Думает, ты прислал меня, чтобы навлечь на него беду.

– С чего бы ему так думать?

– Говорит, духи ему сказали, что ты использовал черную магию, потому что потерял свою силу... потому что ты перестал быть лекарем. Считает тебя злым колдуном, – ответил Сэм и после неловкой паузы добавил. – Кажется, он тебе завидует.

– Почему?

– Потому что большинство людей хотят встретиться с тобой, когда у них проблемы, даже когда ты в запое... большая часть традиционных индейцев не особо уважает его. Зовут его лекарем белых.

– Может быть, мы поговорим об этом, – сказал Джон, – или помолимся.

– Думаю, тебе стоит быть очень осторожным, – предостерег Сэм. – Белая Рубашка изменился. Он уже не тот, что прежде.

– Я буду думать о нем хорошо, пока не увижу обратное.

– Рад, что ты здесь, – сказал Сэм. – Мне это поможет, я *чувствую*.

– Ну, скоро мы все узнаем, – кивнул Джон и, повернувшись к Стивену, спросил: – Знаешь, как Сэм получил свое имя? – Джон нацепил другую маску и опять поменял настроение. – Находясь в шалаше во время окуривания, он случайно коснулся камня и потом прыгал вокруг так долго, что получил новое имя.

– Это уж точно лучше, чем зваться Сэмом Смитом, – сказал он и пошел вперед сказать всем, что Джон тут и собирается перевоплотиться.

– Ты понравился Сэму, я это вижу, – сказал Джон.

– С чего ты взял? – рассеянно спросил Стивен.

Ему было не по себе. Сэм и Джон говорили о магии, будто в этом нет ничего такого. Они даже не сомневались в ее существовании!

– Думаешь, он бы стал говорить, если бы ты ему пришелся не по душе? – спросил Джон. – Можешь не беспокоиться насчет него.

– А что это за жертвоприношение плоти? – спросил Стивен.

Если это то, что я думаю, мне придется уехать, сказал он про себя. Думать об этом было почти что облегчением... главное, найти вескую причину.

– У тебя опять встревоженный вид, – сказал Джон. – Тебе необязательно через это проходить, я уже говорил. Если волнуешься и...

– Просто расскажи, что это такое. Что вы делаете, убиваете кого-то?

Хотя он собирался найти Бога или *нечто подобное*, сидя в горячем пару в шалаше, Стивен не мог бы смотреть, как кого-то калечат.

– Это просто церемония, – сказал Джон. – Что-то вроде молитвы, а подношение... нам действительно придется отдать кусочек своей плоти. То единственное, что по-настоящему наше. Так что каждый, кто хочет сделать Сэму подношение, помочь ему успешно пройти ритуал и найти то,

что он ищет, должен отдать частичку себя. Я обычно беру мясо с руки при помощи иголки. Я вовсе не отрезаю целый ломоть, если ты об этом.

– Ты тоже собираешься это проделывать?

– Возможно, Белой Рубашке пригодится кусочек моего мяса, когда Сэм закончит... если все пройдет гладко. Но не сейчас, когда люди могут подумать, что я следую своему эго, а не сердцу. После вызова видений – самое время сделать это, к тому же, там будет много еды, индейской еды... самое время. Сам увидишь... может быть, я даже возьму кусочек *твоей* плоти.

– Черт с тобой! – сказал Стивен, когда они спускались по холму к церемониальному месту. Стивен взглянул на небо: там определенно кружилось много птиц. Возможно, некоторые из них были орлами Джона, парящими в ожидании когда Джон опять станет лекарем.

А может, это были другие птицы.

Джон представил Стивена нескольким людям, один из которых оказался белым: молодой парень с грязными светлыми волосами до плеч, носивший повязку на голове, выцветшие джинсы и футболку. Он спросил Стивена, не хочет ли тот закурить трубку. Стивен вежливо отказался и уселся под большим дубом посмотреть, как тот берет плоть у стоящих вокруг него людей.

Несмотря на то, что он чувствовал себя неловко и был выбит из колеи, Стивен не мог не поразиться этому месту. Все выглядело каким-то полностью отделенным от внешнего мира гротом. Солнце просвечивало сквозь кроны деревьев, придавая месту фантастический вид, а благодаря толстому ковру из листьев, Стивен почему-то чувствовал себя здесь в безопасности... и место выглядело тихим, хотя повсюду носились дети, крича и играя, а мужчины, женщины и подростки были заняты своими делами: разводили большой костер, на котором разогревали камни для окуривающих шалашей, разрывали ткань на тряпки, таскали камни и покрывала, или просто сидели группами, разговаривая и передавая по кругу трубки.

Но, сидя под деревом, ощущая прохладную сырость земли, вдыхая запах травы, шалфея и дыма от огня, Стивен словно курил трубку вместе с Джоном.

Стивен наблюдал, как Джон разговаривал с молодой женщиной, одетой в безрукавку с нарисованными на ней цветами. Она была мексиканкой с вьющимися, рыжеватыми волосами. Обеими руками она держала трубку Джона у себя на коленях и пристально смотрела на нее. Губы ее шевелились. Наверное, она молится, подумал Стивен. Затем Джон лезвием бритвы начал делать на ее руке надрезы. Он дал ей кусок желтой ткани, чтобы женщина зажала его в ладони, а сам начал иголкой снимать с ее руки крохотные кусочки кожи. Пока Джон резал, она не вертелась, и Стивен заметил шрамы от более старых надрезов... аккуратные маленькие отметины, следы удаленной кожи. Это заставило Стивена подумать о татуировках.

Справа от него, в метрах десяти, был шалаш для окуривания: маленькая, приземистая, круглая постройка из ивовых побегов, накрытых одеялами. Темнокожая женщина с кудрявыми волосами, собранными на затылке, складывала одеяла и брезент рядом с шалашом. В трех метрах от шалаша несколько человек занимались большим, трещащим костром, разведенным особенным образом под надзором сердитого коренастого мужчины. Камни для шалаша положили в огонь, и коренастый стал рассматривать их так, словно они были внутренностями какого-то священного животного.

– Камни скоро будут готовы, – прокричал кто-то Джону, тот кивнул.

Стивен нервно на смотрел на шалаш и не мог понять, как, черт возьми, туда кто-то поместится. Он же такой *маленький*.

Женщина, носившая одеяла, что-то сказала коренастому мужчине и подошла к Стивену. Росту в ней было не более ста пятидесяти сантиметров, а лицо темное и плоское, с высокими скулами, большими темными миндалевидными глазами и тонкими губами. У нее недоставало зуба, но была в ней какая-то дикая, первобытная красота, словно она, как и Джон, произошла от самой земли. На лице была другая картина: его покрывали морщины, хотя женщине было не более тридцати пяти лет. Как смех, так и горе стали причиной морщин на ее лице, выглядевшем так, словно кожи никогда не касался макияж. От нее шли разные запахи: запах огня, смешанный с запахом тела, аромат из травы и земли, сладкий и кисловатый.

– Вы приехали с Джоном, не так ли? – спросил она.

– Да... хотя чувствую себя, как рыба, вытщенная из воды.

Она посмеялась.

– Я Джанет, женщина Джо Белой Рубашки. Это – хорошее место, здесь проведено несколько отличных церемоний, здесь было много радости, прежде... прежде чем случилось много плохих вещей, и сердца людей ожесточились друг на друга. Но Джон – хороший человек... а также и... Джо. Может быть, ритуал Сэма снова сделает их друзьями. Я знаю, Сэм вам рассказал о... нас. Вы ему понравились.

– Джон сказал мне тоже самое, – произнес Стивен, – но я не могу этого подтвердить. Сэм со мной вообще не разговаривал – только с Джоном.

– Перед ритуалом – время покоя, нельзя много болтать и суетиться. Вызов видений опасен. Сэм готовится. Иногда те, кто уходили на вершину холма, не возвращались... а некоторые просто исчезали.

– Вы в это верите?

– Да, – сказала Джанет. – Верю.

Опять какая-то чушь, подумал Стивен с внезапной вспышкой возрожденного скептицизма, но оставил эту мысль при себе.

– Тогда зачем они это делают? – почти сконфуженно спросил Стивен.

– Чтобы получить видение, иногда найти имя... духи дают нам всякие вещи... лечат. Ты узнаешь, кто твои духи, по тому, откуда прибываешь. Разве Джон *ничего* не говорил вам об этом?

– Совсем немного, – сказал Стивен. – Мне всегда было как-то неловко спрашивать.

– Я понимаю, почему вы ему нравитесь. Раз слышала, как Джон говорил Джо, что мы словно деревья, все мы. Ведь когда смотришь на дерево, ты видишь только ствол, ветки и листья, но глубоко внизу находятся корни, откуда оно черпает силы, вот там и есть наши сны и видения... там, где расположен источник жизни. Вот почему мы вызываем видения... чтобы вернуться к своим корням... и, пока будете сидеть в шалаше, не волнуйтесь, как бы жарко там ни стало, – сменив тему, сказала Джанет.

Она дала Стивену веточку шалфея, прижав к его ладони.

– Используйте это в шалаше, поможет дышать. Делайте вот так, – она показала, как, – и будет легче перенести жару. Это действительно помогает.

– Спасибо, – сказал Стивен, чувствуя себя неловко.

– О вас все позаботятся, – продолжила Джанет. – Что бы ни происходило между Джоном и Джо, никто не допустит, чтобы вы пострадали.

Но, говоря это, она отвела глаза, словно хотела верить своим словам, но не могла.

– Который из них ваш муж? – спросил Стивен.

Он уже был на грани... скоро он окажется в шалаше среди них, совсем беспомощный.

– Вон тот здоровый парень, присматривающий за камнями в костре.

Стивен взглянул на костер и увидел Белую Рубашку, коренастого мужчину, который стоял там и раньше. У него был большой живот и огромные руки. Черные волосы низко свисали, и на мгновение, когда их глаза встретились, Стивен почувствовал, как по спине пробежал холодок. Этот человек, казалось, пронзил его взглядом.

– Для ритуала окуривания, камни должны быть раскаленными, видите, они светятся, как угли, – сказал Джанет.

Затем раздался громкий треск, и что-то ударило в дерево прямо над головой Стивена. Он и Джанет отскочили.

– Это все чертовы камни с реки, – извиняясь, сказала Джанет. – Иногда они вот так вот взрываются. В следующий раз, если он будет, мы принесем свои камни.

Но Стивена охватило странное беспокойство, что это Белая Рубашка каким-то образом *заставил* камень взорваться... с такой легкостью, словно сделал предупредительный выстрел из пистолета.

Женщины принесли чаши с сырым сердцем и сырой печенью. Все, даже дети, съели по кусочку. Когда очередь дошла до Стивена, Джон сказал:

– Съешь хотя бы чуть-чуть. Это полезно, придает сил.

Затем Джон откусил здоровый кусок сырой печени.

Стивен быстро проглотил немного скользкого, плохо жующегося мяса, даже не зная, что он ел, сердце или печень, надеясь, что его не стошнит.

Бог знает, что за бактерии могут быть в этом мясе, подумал он, гадая, заболевает он, или подцепит червей-паразитов...

Пришло время забираться в шалаш. Его ивовый каркас покрывали одеяла и большие куски брезента.

Джон и Стивен сняли одежду и сложили ее в кучу под деревом. Стивен не взял с собой полотенце, но у Джона нашлось одно для него. Они обошли вокруг шалаша, стараясь не проходить между ним и алтарем. Алтарь был кучей земли рядом со входом в шалаш, из которой торчали церемониальные трубки. Джон велел Стивену подождать. Джанет, хранившая вход, — как он это называл, — позовет его, когда придет время. Затем Джон прополз через узкий и низкий вход и сказал: «Пила мия, спасибо». Белая Рубашка залез следующим, не забыв одарить Стивена взглядом чистой ненависти, словно ненавидел его только потому, что он приехал с Джоном. Но другие, без сомнения, воспримут это, как обычную нелюбовь Белой Рубашки к белолицым. После Белой Рубашки, в шалаш забрались двое молодых белых и два индейца, выглядевшие братьями.

Стивен, по-дурацки завернутый в одеяло и держащий веточку шалфея, которую ему дала Джанет, чувствуя тревогу, отошел на пару шагов в сторону. Ему не хотелось проходить ритуал... вместе с Белой Рубашкой.

К Стивену подошел Сэм и сказал:

— Давай, ты следующий. — Затем улыбнулся и добавил: — Не волнуйся, все пройдет хорошо. Джим и Джордж, — братья, — знают песни предков, а Джон — один из лучших окуривателей в здешних местах. Он говорит, что вы с ним во многом похожи. — Сэм засмеялся. — Вы оба с приветом.

Стивен выдавил из себя улыбку и заполз в шалаш, пытаясь не наступать на одеяло и не давая ему сползти с плеч. Шалфей и душистые травы были рассыпаны по всей земле внутри шалаша, а их запах уже начинал одурманивать. Несмотря на то, что проход в шалаш, через который проникал солнечный свет, все еще был открыт, Стивен, чувствуя себя взаперти, начал испытывать легкую клаустрофобию, — одеяла, брезент и ивовые прутья были словно сделаны из стали. Он слышал, как снаружи болтают женщины. Они будут слушать молитвы и наблюдать, как орлы, срываясь вниз с небес, садятся на крышу шалаша.

— Джон тебе когда-нибудь говорил об орлах? — шепотом спросил Стивена Сэм, сидя по правую руку от Джона. — Это действительно удивительно. Они даже иногда сидели прямо тут, в шалаше...

Какого черта я *делаю* здесь? — спросил Стивен сам себя, проворчав что-то в ответ Сэму. Стивен прислонился к одной из ивовых опор, но шалаш был такой маленький, что распрямиться так и не получилось. Он посмотрел на Джона, в ответ взглянувшего на него, но не сказавшего ни слова, затем глянул на Белую Рубашку, который устался на яму в центре шалаша, куда вскоре положат камни. Все сидели со скрещенными ногами,

но даже тогда большие пальцы ног почти задевали яму. Стивену придется внимательно следить, чтобы не обжечь ноги.

Ощутимое напряжение внутри неуклонно росло. Стивен почувствовал на себе взгляд и, подняв голову увидел, что Белая Рубашка исподлобья таращился на него. Затем тот отвернулся и снова уставился в яму.

Но Стивен был уверен, что от Белой Рубашки стоит ждать неприятностей... для всех. Он почувствовал, как волосы на затылке становятся дыбом. Но выбираться отсюда было уже поздно.

– Ладно, – сказал Джон, – дайте мне небольшой камень.

Джанет на конце лопаты поднесла раскаленный камень. Джон специальной рогулиной затолкнул его в яму. Затем попросил трубку, которую тут же очистил над углями. Посыпал раскаленный камень душистой травой, и она вспыхнула, как светлячки.

Джон передавал трубку по кругу, и все помолились. Стивен просто пожелал себе выбраться отсюда живым. Затем Джон попросил еще камней, и Джанет принесла полную лопату. Джон взял рогулиной большой камень, поместил его в центр ямы и сказал: «*Хо тункашила*», и все за ним повторили... все, кроме Белой Рубашки, который, казалось, молился по-своему, словно очищал шалаш сам, будто Джон осквернил его. Но Джон не обращал на него внимания и сыпал камни с лопаты. Стивен уже чувствовал жару, затем Джон сказал: «Хорошо, закрывайте вход», и все погрузилось в темноту, осталось лишь красноватое свечение камней. Ни один лучик света не проникал извне, поскольку женщины снаружи накидывали одеяла туда, где мужчины видели просвет.

– Так, – сказал Джон, – мы благодарим народ камней, нацию камней, потому что эти добрые камни священны, мы молимся за то, что они не предадут и не убьют нас в темноте. Только благодаря вашему священному дыханию, дыханию жизни, которое мы вдыхаем, мы, люди, живем. О, камни, у вас нет глаз, ушей и ног, но, тем не менее, вы – сама жизнь, вы такие же живые, как и мы.

Затем Джон объяснил суть церемонии. Он говорил, что *Инипи*, дымовая баня, вероятно, была самым старым ритуалом в индейской религии.

– Дым сближает друзей, семьи и даже врагов. Он приносит здоровье. Он – самый лучший лекарь. Жара помогает очиститься и придает много сил. Неважно, что следует дальше: солнечный танец или вызов видений, мы всегда начинаем с окуривания. Это объединяет нас. Несмотря на то, что Сэм пойдет на холм вызывать видения один, мы все пройдем с ним окуривание. Мы молимся и страдаем вместе. Поможем ему сейчас, и он это вспомнит, когда окажется один на холме и будет общаться с духами и видеть сны.

Все согласились, и в темноте шалаша стало шумно. Только Белая Рубашка был безмолвен.

Джон молился предкам и сторонам света. Он молился *Вакан-танке*, молился за двуногих, четвероногих и крылатых, за все, что есть на земле,

и также, казалось, что он разговаривает с Богом, словно тот прямо тут, в шалаше. Джон помолился за всех в шалаше, за Стивена, про которого сказал, что тот идет иной дорогой, но, тем не менее, они все шагают вместе... черт знает, что это значит, подумал Стивен.

Но в темноте, невозможно отличить, зажат ли ты в тесном пространстве, или каким-то образом висишь в пустоте. Стивену казалось, что его сжимает со всех сторон, но, как ни парадоксально, он не чувствовал ни ширины, ни длины, ни высоты этого места. У него закружилась голова. Он слышал голоса сидящих рядом... ощущал их запах. Уже стало слишком жарко. Было тяжело дышать. Он уставился на мерцающие камни и услышал, как плеснула вода в ведре, когда Джон зачерпнул ковшом... и чувствовал давящее присутствие Белой Рубашки, даже несмотря на то, что в темноте не мог его разглядеть. Стивен по-прежнему чувствовал на себе сердитый взгляд и знал, что Белая Рубашка смотрит на него.

Только тогда Стивен понял, что просто боится.

Джон молился, но Белая Рубашка молился громче, пытаясь его заглушить.

Джон вылил на камни полный ковш воды.

Ударило, словно выстрел. Стивен больше не мог дышать. Он завопил, наклоняясь вперед, чтобы спастись от обжигающего пара. Но все продолжали повторять: «*Ай-е, тиламайя*, спасибо, спасибо», и вдруг Стивен понял, что выкрикивает те же слова, хотя и не знал, что они значат.

Нужно было выбираться оттуда. Он умирал. Стивен прижал шалфей ко рту, но все равно словно вдыхал огонь. Он не понимал, где находится: лишь часть его разума знала это, но другая часть воспарила, унося его на много километров в темноту, откуда он, возможно, уже не вернется.

Раздался еще один резкий звук, — еще один ковш воды опрокинулся на камни. На этот раз было уже не так плохо. Стивен слышал, как пели братья. Песня была странной, древней и неприятной на слух. Через то, что казалось просветом в сознании, Стивен мог расслышать, как Джон молился за них всех.

— Если кто-то хочет выйти, ничего страшного, — сказал Джон. — Это место предназначено, чтобы очиститься, избавиться от зла, от грязи внешнего мира.

Стивен закашлялся. Он не мог восстановить дыхание, но слышал, как Белая Рубашка сказал:

— Зло прямо здесь, внутри шалаша.

— Ну, если это так, нам придется его сжечь прямо сейчас, — ответил Джон спокойным, но резким голосом.

Джордж засмеялся.

— Не волнуйся, Джон... если ты сгоришь, я продолжу ритуал за тебя.

После некоторой паузы, Джон продолжал:

— Мы пришли сюда помолиться, помните? И пропотеть.

Затем он плеснул воды на камни.

Стивен почувствовал обжигающую волну боли. Он прижал одеяло к лицу, пытаясь дышать, пытаясь взять передышку от нарастающей жары. Через несколько секунд дышать снова стало возможно. Стивен убрал одеяло от лица и уставился в темноту. Он мог бы поклясться, что в темноте что-то мерцает. Джон бы назвал это духами.

Сэм передал Стивену ведро, чтобы немного охладиться, и тот автоматически провел руками по волосам. Волосы оказались обжигающе горячими, словно огонь. Стивен плеснул водой себе на лицо. Я больше не выдержу, подумал он. Джон сказал, что если кому-нибудь придется выйти, то пусть произнесет: «все мои родственники», и дверь откроется.

Стивен должен продержаться еще.

Принесли новые камни, мерцающие красным, и Стивен снова горел в темноте. Но ему показалось, что он начинает понимать смысл этой церемонии, и что, если он собирается молиться, — а он даже не был уверен, что существовало что-нибудь или кто-нибудь, за что стоит молиться, — то будет делать это именно так. Молитвы должны быть выстраданы. Нужно пройти через боль и сидеть в грязи, как животное.

Стивен почувствовал землю под собой. Он был частью ее. Он слился с ней.

Когда пар снова взорвался, Стивен подумал об Эллен и детях, и начал молиться за них, за боль, которую им причинил... и ему почудилось, что он утопает не в поту, а в крови.

Джон сказал, что не нужно закутываться в полотенца и одеяла, надо позволить пару пропитать тело.

— Боль — это хорошо, — заметил он, выливая на камни еще воды.

Стивен услышал шипение и ощутил горячую волну пара, обдавшую его.

— Боль хороша, когда исходит от духов, — воинственно воскликнул Белая Рубашка. — Только духи могут отогнать черную магию... только они могут выгнать колдуна из шалаша...

Джон начал молиться, словно никто ничего не сказал и никто ни на что не намекал:

— О, отец, *Вакан-танка*, мы обращаемся к тебе. Пожалуйста, услышь нас... прости нас за нашу слабость. Дай нам сил и мудрости, чтобы наши сердца смягчились.

Белая Рубашка тоже начал молиться. Но делал он это так, словно сражался. Насмехался. Обвинял. Пытался заглушить Джона.

Однако, Джон не стал повышать голоса.

Напряжение наэлектризовывало парящую, кипящую темноту.

Затем Джон сказал, что первая часть окончена и попросил открыть шалаш. Джанет, выглядевшая ошарашенной, стянула с шалаша одеяла и бре-

зент... выпуская благословленный свет, воздух и прохладный, освежающий ветер.

Джон объяснил, что сейчас будет «горячий раунд». И добавил, что это также и «раунд духов», и что любой может попросить их о помощи, или ответить на вопросы, но если только мы действительно хотим услышать ответ.

Затем Белая Рубашка сказал:

– Хотим, но только пока это и правда отвечают духи.

Джон, как и остальные, не обратил на замечание внимания и попросил закрыть «вход». И снова женщины накидали на шалаш одеяла и брезент, и внутри стало темно, хоть глаз выколи.

В конце концов, может, Джон и не пропустил мимо ушей замечание Белой Рубашки, поскольку вылил на камни столько воды, что хватило бы расплавить железо. Спасаясь от обжигающего пара, Стивен зарылся в одеяло. Все выкрикивали слова благодарности.

Стивен задыхался и кашлял. На секунду он отключился. А потом Стивен понял, что молится за свою семью, за все семьи, за всех. Он молился и кричал от жары и боли. Верил, что вокруг него мерцают духи, но, в то же самое время, и не верил. Часть его разума, казалось, сжалась, а другая, которая верила в то, что происходит со Стивеном, осталась. Он оставался посередине, молился за свой народ, за себя, за свою семью... и за деревья, камни, птиц, животных, за каждую чертову крупицу этого мира. Слова были *материальны*. Они *могли* созидать. Могли помогать или приносить вред. Магия оказалась реальна.

И молитва было так же важна, как приготовление пищи.

Затем Стивен осекся... кажется, он сошел с ума.

Легкие горели, но он не кашлял. Он что-то увидел в темноте: может быть, это были слова, или духи, или нечто, похожее на те узоры, что можно увидеть, плотно закрыв глаза.

Часть его видела следы духов. Другая отрицала их существование. Стивен сражался сам с собой, веря и не веря, и просто пытаясь дышать... остаться в живых, чтобы выбраться и знать, через что он прошел.

Духи мерцали во тьме, оставляя следы, подобные тем, что можно увидеть в камере Вильсона.

Джон подлил еще воды, и все закричали от боли. Перед глазами Стивена, казалось, пролетела вся его жизнь, превращая часы и события в мгновения. В этих вспыхивающих капельках времени промелькнули ошибки и жестокость, все воспоминания его жизни. Он и сам закричал от всего, что он сделал плохого, от ошибок, совершенных в качестве мужчины, отца, сына и мужа, и увидел кровь... дышал ею... ощущал во рту... это был сам пар... камни, сделанные из только что свернувшейся крови.

Затем начались вопросы.

Все спрашивали духов, и Джон, казалось, отвечал, но голос был не совсем его. Голос стал резким, и уж точно не принадлежал личности Джона. Голос смеялся почти над всем, он был пронзительным, остроумным и противным. Но он все время смеялся... и Стивен начал верить, что это на самом деле говорит не Джон. Он слышал разные голоса, но, тем не менее, не мог разобрать, что тот говорил отдельным людям в шалаше. Слова, в основном, кроме изредка встречающихся фраз или предложений, казались искаженными. Прежде Джон говорил, что так обычно и происходит... что можно услышать лишь то, что предназначено тебе ... что было самым важным. Это являлось уединенным местом, несмотря на то, что рядом с тобой сидели, стонали и потели другие.

Но, когда пришел черед Стивена, он ни о чем не спросил у духов. Как только духи отвечали, нужно было делать, что сказано, а Стивен не собирался так рисковать. Однако, Джон спросил за него. Казалось, что он появился посреди призрачных голосов и попросил, чтобы у Стивена в семье все было хорошо. Духам показалось это чертовски смешным, и Стивена бросило в дрожь от насмехающихся голосов и мерцания в темноте. Его интересовало, что же случилось с Джоном. Стивен чувствовал себя нагим и одиноким. Уязвимым.

Джон исчез? Или просто смешно говорил... конечно, так оно и было. Или нет... Нечто странное промелькнуло в голове у Стивена. Даже если мерцания и голосов по-настоящему не существовало, его это больше не волновало. Все было реальным, даже если ничего и не было. Это казалось разумным, хотя не имело никакого смысла. Но все же...

Затем настала очередь Белой Рубашки. Стивен забыл обо всем остальном, как и велел ему Джон. Но предстояло внимательно слушать. Ему показалось, что все остальные собирались делать тоже самое, поскольку в темноту бурей ворвалось напряжение.

Именно тогда Стивен заметил, как в яме зашевелился уголек.

Белая Рубашка поднял мерцающий камень, несмотря на то, что тот был раскаленным, и положил его в рот. Камень осветил лицо красноватым светом, и оно, словно отделившись от тела, повисло в темноте. словно Белая Рубашка сам стал духом... или духи оказались *внутри* него. Белая Рубашка повернулся к Джону и ухмыльнулся, зажав уголек в зубах, и мерцание подсвечивало ненависть, злобу и болезненность его лица. Белая Рубашка издавал странные звуки, будто духи говорили через него.

Это какой-то трюк, подумал Стивен. Это должен быть трюк...

Затем уголек двинулся к Джону, словно Белая Рубашка напал на него. Джон закричал, издав животный вопль чистой агонии, и запах паленой кожи наполнил шалаш.

— Христа ради, откройте проход, — закричал Сэм. — Все мои родственники. Черт возьми, открой проход!

Женщины откинули с ивового каркаса одеяла и брезент. Свет был ослепительным. Все стояли ошарашенные, безмолвные. Джон упал ничком. Из страшных ран на спине текла кровь. Это сделал вовсе не мерцающий уголек, обжегший и растрескавший кожу Джона, уголек был лишь символом мощи Белой Рубашки. Плоть разорвал жар... жар, наполнявший пылающее сердце Белой Рубашки.

Джон простонал и сел, тряся головой, будто пытаясь скинуть что-то невидимое. Белая Рубашка уставился на него с мрачным удовлетворением. Он ничего не сказал, но его жена, Джанет, стала прикладывать смоченный слюной шалфей к спине Джона. Джон вздрагивал каждый раз, когда она к нему прикасалась.

– Ты поступил плохо, – сказала она мужу.

– Я этого не делал, – невозмутимо сказал Белая Рубашка. – Это духи.

– Ты был *неправ*, – снова сказала Джанет, и по ее лицу Стивен увидел, как сильно она ненавидит этого человека... или, возможно, силу ее гнева подпитывала любовь и вина.

– Так дальше продолжаться не может, – сказал Сэм. – Я пройду ритуал в другой раз. Нужно помолиться об этом... а сейчас давайте обо всем забудем.

– Нет, – с дрожью в голосе сказал Джон, – мы проведем еще один сеанс... ты сдержишь свое обещание духам и совершишь ритуал. Сегодня. Но сначала нужно закончить то, что происходит между мной и Белой Рубашкой. Выходите все из шалаша. Мы позволим духам разрешить наше то, что встало между нами..

– Духи *уже* все решили, – сказал Белая Рубашка. – Они оставили отметины на твоей спине. Хочешь, чтобы они снова тебя обожгли?

– Это был ты, Джо, – сказал Джон. – Ты используешь магию, чтобы получить желаемое. Но у тебя не выйдет. Никто за тобой не пойдет... ты колдун, а не лекарь.

Джон говорил спокойным, ровным голосом, словно перечислял факты. Но сам он дрожал, выставя напоказ гнев и унижение... и, возможно, страх.

– На сей раз ты умрешь, – сказал Белая Рубашка. – Это послужит отличным доказательством моих слов.

– Посмотрим...

– Ты этого не сделаешь, – сказала Джанет Белой Рубашке, но уже было поздно что-то менять, поскольку остальные мужчины выходили из шалаша.

– Что происходит? – спросил у Джона Стивен, но тот ничего не отвечал, просто кивнул, тем самым показывая, что Стивен должен выйти вместе с остальными.

Когда внутри остались только Джон и Белая Рубашка, Джон сказал: «закрывайте».

Одеяла и брезент вновь были накинуты на шалаш, и кто-то передал им лопату, полную мерцающих камней. На этот раз, Джанет отказалась стать хранителем входа.

Джон попросил вторую лопату... чтобы хватило на два сеанса.

— Двойная порция камней тебе не поможет, — сказала Белая Рубашка.

Джон не ответил. Он молился на языке сиу.

Стивен попытался достучаться до Сэма и Джанет, чтобы они остановили Джона и Белую Рубашку. Сэм просто покачал головой, а Джанет вежливо сказала ему не вмешиваться в то, чего он не понимает. Так что Стивен подошел к шалашу и встал вместе с остальными. Пожилая женщина в хлопковом халате остановилась рядом с ним. Через определенные промежутки времени, она нервно глядела в небо, словно высматривая орлов... и выжидая. Даже дети затихли. Все прислушивались, чтобы не пропустить ничего из того, что будет происходить в шалаше. Кажется, все вдруг ощутили, что то, что сейчас произойдет, неподвластно людям. В следующие несколько минут духи, определенно, все решат.

— Закройте вход, — сказал Джон, и хранитель входа накинул брезент на последний просвет в шалаше.

Стивен слышал, как Джон помешивает воду алюминиевым ковшом. Затем зашипел пар, когда Джон вылил воду на камни. Оба молились на языке сиу. И снова Белая Рубашка молился громче Джона, заглушая его. Потом он перешел на английский. Он называл Джона колдуном... шпионом в нашем мире. Он винил Джона за то, что произошло между Сэмом и Джанет. Он винил Джона за то, что тот отправил вместе с Сэмом болезнь... дурную черную магию, недуг, поразивший всех в лагере Белой Рубашки. Но сейчас духи свершат суд. Он призывал их спуститься с небес и уничтожить врага.

Белая Рубашка впал в неистовство.

Когда он остановился, чтобы перевести дух, Джон сказал:

— Хорошо, пусть решают духи. Сделаем этот сеанс коротким.

Затем раздался оглушительный звук, словно внутри шалаша что-то взорвалось. Все отскочили назад. Джон, наверное, вылил целое ведро. И после этого раздался еще один взрыв.

— Ты ублюдок, — закричал Белая Рубашка. — Ты за это умрешь!

Но теперь молился Джон... настал его черед взывать к духам.

— О, отец, *Вакан-танка*, *Тункашила*, ниспошли орла охранять священную трубку и жизнь всех людей. Пошли *Вакинян-танку*, великого буре-вестника, изгнать зло, — запел он, — пошли того, у кого есть крылья, но нет тела. Пошли того, у кого глаз-молния. Пошли того, у кого нет головы, но есть клюв, полный волчьих зубов. Пошли крылатого, чтобы поглотить все плохое внутри нас так, как он пожирает свой молодой.

Стивен прислушивался, положив руки на шалаш. Он слышал хлопки, напоминающие взмахи крыльев. Словно внутри шалаша заработали

огромные меха. Звук становился все громче. Что-то билось изнутри о стенки шалаша. Стивен и слышал, и ощущал, как оно хлопает по одеялам и брезенту. Как будто вместе с Джоном и Белой Рубашкой там оказалась огромная птица, пытающаяся выбраться из темноты на волю, бьющая крыльями... чтобы добраться до прохладного воздуха небес.

Но это невозможно, подумал Стивен, хотя весь шалаш уже дрожал.

Послышались звуки борьбы ... и крики.

Затем, внезапно, наступила тишина.

Стивен прижал ухо к грубой ткани, накинутой на шалаш, но все, что он смог расслышать – это биение его собственного сердца в горле... крохотного, попавшего в ловушку, орла.

– Откройте вход, – шепотом сказал Джон. – Все закончилось...

Они быстро стащили с ивового каркаса шалаша брезент и одеяла... и увидели сидящего в одиночестве Джона. Он морщился от яркого света. Его трубка лежала на бедре. Кажется, он не замечал, что сидит совершенно голый, а одеяло лежит под ним. Он выглядел бледным и истощенным, словно с потом вышла часть его жизни. Потухший уголек, который находился во рту у Белой Рубашки, валялся на земле перед Джоном. Это все, что осталось от Белой Рубашки.

Белая Рубашка исчез.

– Теперь ты веришь в орлов? – спросил Стивена Джон.

Стивен только пожал плечами. Это какой-то фокус, сказал он себе, хотя волосы на затылке все еще стояли дыбом. Белая Рубашка не мог так просто взять и исчезнуть... наверное, он каким-то образом ускользнул.

Джон слабо улыбнулся.

– В следующий раз, возможно, орлы оттяпают твои причиндалы.

Затем он поднял голову и взглянул в небо. Он все еще улыбался.

Стивен беспокойно глянул вверх на орлов, кружащихся высоко над головой, и подумал об Эллен и детях, и о крови, вкус которой ощущал внутри шалаша. Следующего раза не будет, сказал он себе. В этом он был уверен. Теперь он готов отправиться домой.

Возможно, Джон это понял и потому засмеялся, как дух.

Bad medicine, (Isaac Asimov's Science Fiction Magazine, 1984 № 10).
Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.

if

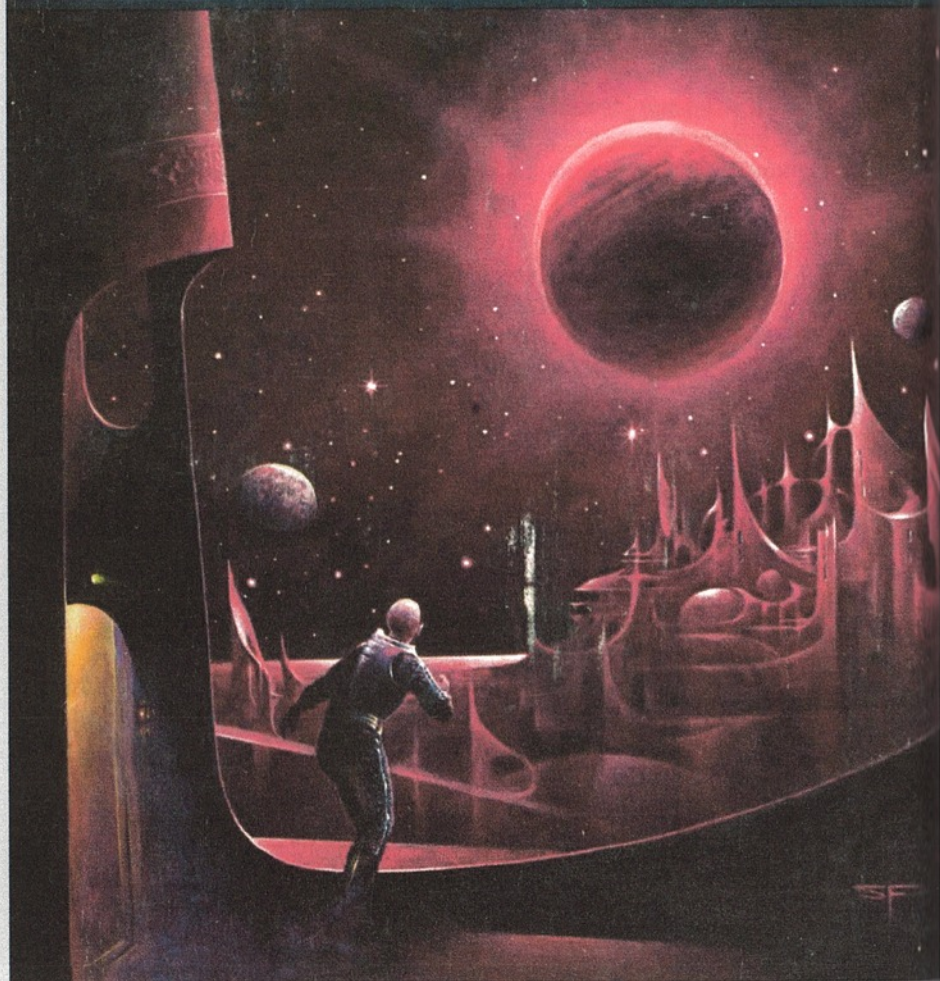
OCTOBER 1976

Galaxy

Science Fiction

John Varley *BAGATELLE*

Larry Niven J. E. Pournelle Spider Robinson

ДЖОН ВАРЛИ

ПИКНИК НА БЛИЖНЕЙ СТОРОНЕ

Это рассказ о том, как я попал на Ближнюю Сторону, нашел старину Лестера и, возможно, немного повзрослел. Как бы сказала Карнавал, для этого пришло самое время.

Карнавал – моя мать. Большую часть времени наши мнения не совпадают, и я думаю, это потому, что мне двенадцать, а ей девяносто шесть. Она говорит, что это не имеет значения, и что ждала так долго, чтобы завести ребенка, потому что хотела быть уверена, что готова к нему. Я возражаю, что в ее возрасте, она уже забыла, какого это – быть ребенком. А она отвечает, что все прекрасно помнит с самого своего рождения. А я на это говорю, что...

Короче, мы много спорим.

Я хороший спорщик, а Карнавал – это отдельный разговор. Она – эмоционалист, так что каждый раз, когда я пытаюсь подкрепить доводы фактами, она отмахивается фразами, наподобие: «факты только мешают моему предвзятому мнению». Я говорю ей, что в этом нет никакого смысла, а она отвечает, что я совершенно прав, и она и так это знает. Большую часть времени мы даже не можем сойтись во мнении, в чем состоит наш спор. Но если вы думаете, что это означает конец дебатов, то не знаете Карнавал и меня.

Основным предметом споров в нашем доме в течение семи-восьми лунных месяцев было Изменение, которое я хотел получить. Баррикады были воздвигнуты, и мы ежедневно обороняли свои территории. Карнавал считала, что Изменение в таком возрасте повредит моей психике. Но ведь все прошли через это.

Мы сидели за столом и завтракали. Я, Карнавал, Аккорд, – мужчина, с которым Карнавал жила последние несколько лет, – и Адажио – дочь Аккорда, семи лет от роду.

Прошлой ночью между мной и Карнавал была большая ссора, закончившаяся (более или менее) тем, что я пообещал разорвать с ней, как только достигну необходимого возраста. Не помню, чем угрожала мне мать. Но я прилично расстроился.

Я сидел и ел урывками, зализывая раны. Ее доводы были неубедительными, философскими, но с практической точки зрения она выиграла, с этим я спорить не стану. Суровая правда в том, что я не получу Изменение, пока она не прикрепит к заявлению свой личный индекс, а она сказала, что скорее положит свой мозг в морозилку, чем допустит подобное. И я ей верю.

– Думаю, я готова к Изменению, – заявила вдруг Карнавал.

— Так нечестно! — вскричал я. — Ты говоришь так назло мне. Просто хочешь показать, что я ничто, а ты сама можешь делать все, что захочешь.

— Мы больше не будем обсуждать это, — резко сказала он. — Спорить уже не о чем, я не передумаю. Ты слишком молод для Изменения.

— Бред, — возразил я. — Я скоро буду взрослым, — остался только год. Думаешь, я на самом деле сильно изменюсь за это время?

— Я не собираюсь гадать. Надеюсь, что поумнеешь. Но, если, как ты говоришь, остался всего лишь год, то почему ты так торопишься?

— Я хотел бы, чтобы вы так не разговаривали, — сказал Аккорд.

Карнавал сердито посмотрела на него. Она очень не любила, когда кто-нибудь вмешивался в наши ссоры. Но она ничего не скажет об этом в присутствии меня и Адажио.

— Думаю вам стоит позволить Лису получить Изменение, — сказала Адажио и улыбнулась мне.

Адажио — добрая девочка, что не очень характерно для усыновленных кузенов и кузин. Я всегда могу рассчитывать на ее поддержку, и, при случае, отвечаю тем же самым.

— Лучше не вмешивайся, — посоветовал ей Аккорд, и затем сказал Карнавал. — Может, нам стоит выйти из-за стола, пока вы все не утрясете?

— Тогда вам придется ждать целый год, — ответила Карнавал. — Оставайтесь. Дискуссия окончена. Если Лис считает по-другому, то может пойти в свою комнату.

Я уловил намек, встал и убежал из-за стола. Поступая таким образом, я чувствовал себя по-дурачки, но слезы были настоящими. Однако, какая-то часть меня всегда остается спокойной и пытается выжать из любой ситуации максимум выгоды, поэтому я не расплакался за столом.

Немного спустя Карнавал пришла ко мне, но я делал все возможное, чтобы дать ей почувствовать, что ее здесь не ждут. Это у меня хорошо получается, по крайней мере, с ней. Когда стало очевидно, что ее присутствие ничем не помогает, она ушла. Ее это сильно задело, и, когда хлопнула дверь, я почувствовал себя очень несчастным и залился как на себя, так же, как и на нее. Я понял, что любить ее столь же сильно, как пару лет назад, уже трудно, отчего мне стало стыдно.

Я думал об этом какое-то время и решил, что нужно извиниться. Я вышел из комнаты и готов был расплакаться у нее на руках, но вышло иначе. Случись все так, как должно, мы с Гало, вероятно, никогда бы не попали на Ближнюю Сторону.

Карнавал и Аккорд собирались уходить. Они сказали, что их не будет большую часть луна. Они одевались, и что взволновало меня больше всего и заставило изменить планы, так это то, что они делали это в гостиной, а не в своих комнатах.

Карнавал сняла ступни и заменила их педами, что показалось мне полнейшей глупостью, поскольку они были нужны только при свободном па-

дении. Но Карнавал носила их при каждой возможности, скача по кругу, как лошадь на цыпочках, потому что педы не подходят для ходьбы. Думаю, люди выглядят странно с руками вместо ступней. И вот Карнавал оставила свои ступни лежать на полу.

Она взглянула на часы и что-то пробормотала о том, что они опаздывают на шаттл. Уходя, она оглянулась.

– Лис, сделай доброе дело, убери ступни с дороги, пожалуйста.

Затем она ушла.

Час спустя, пока я пребывал в глубокой депрессии, в дверь позвонили. Это оказалась женщина, которую я никогда не видел. Она была нагой.

Знаете, как иногда можно взглянуть на того, кто только что получил Изменение и мгновенно его узнать, хотя он стал на двадцать сантиметров выше или ниже, сбросил или набрал пятьдесят килограмм и совсем не похож на того, кем был прежде? Возможно, и нет, потому что не у всех есть такая способность, но вот у меня она развита очень хорошо. Карнавал говорит, что это эволюционное изменение – ответ на необходимость узнавать тех, кто при желании меняет свою внешность. Возможно, так и есть. У нее, например, это совсем не выходит.

Думаю, это как-то связано с тем, как человек носит тело: любое тело любого пола. Мало заметные вещи: моргание, движения рта, поза, пальцы, может, даже общая кинетика тела, как говорят доктора. Примерно так и было. За симпатичным женским личиком, другим весом и ростом, я узнал Гало, моего лучшего друга, который последний раз, когда я его видел три луна назад, был еще парнем. Его лицо расплылось в глупой улыбке.

– Привет, Лис, – сказала она голосом на октаву выше, но все же безошибочно принадлежавшему Гало. – Угадай, кто я?

– Королева Виктория, наверно? – я старался говорить тоном, навевающим скуку. – Заходи, Гало.

Ее лицо погрустнело. Она вошла, выглядя сбитой с толку.

– Ну, и что думаешь? – сказала Гало, медленно поворачиваясь, чтобы я мог рассмотреть ее со всех сторон. Придаться было не к чему, – как будто мне были нужны придирки, – ее мать позволила ей получить полный набор: развитую грудь, все изгибы, присущие зрелому возрасту и все такое... Не доставало только роста. Она была на несколько сантиметров ниже, чем прежде.

– Неплохо, – произнес я.

– Слушай, Лис, если хочешь, чтобы я ушел...

– О, прости, Гало, – сказал я, раскаиваясь за свою черствость. – Ты выглядишь отлично. Потрясающе. Правда. Я просто не могу сейчас порадоваться за тебя. Карнавал никогда не позволит мне подвергнуться Изменению.

Гало сразу же начала мне сочувствовать. Она взяла меня за руку, весьма поразив этим жестом.

– Я был так рад, что, кажется, проявил бестактность, – тихо сказала она.
– Может, мне не стоило пока приходить сюда.

Она смотрела на меня большими карими глазами (раньше они были голубыми), и я потихоньку начал понимать, что это значит для меня.

Получается, Гало теперь девушка? Гало, мальчишка, носившийся вместе со мной по коридорам? Мальчишка, который помог мне создать ужасного восьминогного кота, выглядевшего, как запутавшаяся в своих ногах многоножка, которого Карнавал вообще не пустила в дом? Кто влюблялся в тех же девчонок, что и я, с кем мы обменивались потом мнениями, когда оставались одни, и который мне помог, когда меня пытались избить, плача и ругаясь вместе со мной. Не изменится ли что-нибудь теперь? Не знаю. Большинство моих друзей были мужского пола, потому что сексуальные напряжения все усложняют, и мне еще никогда не доводилось встречать девушку, с которой я мог бы дружить, как с Гало.

Но у нее не было подобных сомнений. Более того, она стояла очень близко ко мне и тренировала на мне невинный взгляд больших глаз, который, как она давно знала, творил со мной забавные вещи. А знала она потому, что я ей сам об этом рассказал, еще когда она была мальчишкой. Каким-то образом, это показалось мне несправедливым.

– А, послушай, Гало, – поспешно сказал я, пятясь назад.

Она тянулась к моим штанам!

– Думаю, мне нужно какое-то время, чтобы привыкнуть к этому. Как я могу?.. Ты же знаешь, о чем я, верно?

Кажется, она не поняла, да и, по правде говоря, я сам не понимал. Я только знал, что необъяснимо стеснялся того, что ей так не терпелось попробовать. А она продолжала приближаться.

– Стой! – в отчаянии сказал я. – Стой! У меня есть идея! Вот что. Давай возьмем шаттл моей матери и прокатимся, хорошо? Карнавал сказала, что сегодня можно.

Мои губы жили отдельной жизнью, не подчиняясь разуму. Все, что я сказал, было спонтанным – таким же неожиданным, как и для Гало.

Она прекратила меня преследовать.

– Карнавал правда так сказала?

– Конечно, – очень уверенно заявил я.

По стандартам моей матери, это было ложью лишь наполовину. Суть в том, что я якобы собирался попросить у нее шаттл, и уверен, что она сказала бы да. По логике, так и должно было быть. Можно считать, что я просто забыл спросить разрешения, вот и все. Я поступил, словно уже получил положительный ответ. Это довольно запутанно, признаюсь, но, как я уже говорил, Карнавал бы поняла.

– Ну, – сказал Гало не слишком-то обрадованно, – и куда мы направимся?

– Как насчет старого Архимеда?

И снова это стало для меня сюрпризом. Я и понятия не имел, куда хотел полететь.

Гало была поражена. Я выбил ее из колеи новых манер. Она отреагировала точь-в-точь, как это бы сделал старый Гало – глупое лицо и открытый рот. Затем она попробовала другой вариант: закрыть рот руками и чуть немного присесть. Те, кто подвергается Изменению в первый раз, всегда такие: получившие женское тело, мнутя и жеманничают, как в готических новеллах, а перекочевавшие в мужское – расхаживают с важным видом, разговаривая низким голосом, как Марлон Брандо в фильме «Трамвай «Желание». Со временем это пройдет.

С Гало это произошло прямо на моих глазах. Почесывая голову, она уставилась на меня.

– С ума сошел? Старый Архимед – на Ближней Стороне. Они туда никого не пускают.

– Разве? – внезапно заинтересовавшись, спросил я. – Ты уверен в этом? Если так, то почему никого не пускают?

– Ну, я думал, это все знают...

– Да? Кто именно не пускает?

– Кажется, Центральный компьютер.

– Ладно, единственный способ узнать наверняка – это попробовать самим. Давай, идем.

Я схватил ее за руку. Я видел, что она была в нерешительности, и хотел, чтобы так и оставалось, пока я не разберусь со своими мыслями.

– Я хочу полететь к Старому Архимеду, расположенному на Ближней Стороне, – сказал я, пытаюсь говорить, как взрослый, чтобы в голосе слышалось как можно меньше беспокойства.

Мы взяли еду и, благодаря моим постоянным подталкиваниям, за десять минут добрались до поля.

– Так будет не совсем точно, Лис, – сказал Центральный компьютер. – Старый Архимед – большое место. Хочешь попытаться еще раз?

– А...

Тут у меня был пробел. Будь прокляты эти компьютеры и их буквальное мышление! Что я знаю о Старом Архимеде? Примерно столько же, что и о старом Нью-Йорке или старом Бомбее.

– Дай мне план полета к главному посадочному полю.

– Так-то лучше. Данные...

Я получил набор чисел, скормил их пилоту и попытался расслабиться.

– Поехали, – сказал я Гало. – Лис-Карнавал-Джоуль пилотирует частный шаттл AX1453, приписанный к Кинг-сити. Сейчас я заполняю план полета к главному посадочному полю Старого Архимеда, описываемый следующими...

Я повторил числа, выданные мне Центральным компьютером.

– Заполнено семнадцатого луна четвертой лунации двести сорока-
того года со дня оккупации Земли. Запрашиваю время отбытия.

– Разрешено. Время старта: тридцать секунд от текущей. Начинаю
отсчет.

Я был ошеломлен.

– И это все?

Компьютер хихикнул. Чертовски заботливая машина.

– А ты что ожидал, Лис? Маршалов, окружающих шатл?

– Не знаю. Наверное, я думал, что ты не позволишь нам попасть на
Ближнюю Сторону.

– Распространенное заблуждение. Ты – свободный гражданин, хотя и
представитель меньшинства, и можешь находиться в любом месте лунной
поверхности. Ты подчиняешься только законам государства и особым по-
желаниям родителей, запрограммированным в меня. Я... хочешь, чтобы я
произвел запуск за тебя?

– Занимайся своими делами.

Я смотрел на отсчет и, когда появился ноль, нажал кнопку. Ускорение
было вполне терпимым, но продолжалось довольно долго. Черт, Старый
Архимед, что на Ближней Стороне.

– Моя обязанность заключается в том, чтобы проследить, что ты не
подвергнешь себя опасности по юношеской невежественности или забы-
чивости. Я также обязан смотреть, чтобы ты подчинялся желаниям ма-
тери. В остальном ты предоставлен сам себе.

– Хочешь сказать, Карнавал дала мне разрешение летать на Ближнюю
Сторону?

– Я этого не говорил. Я не получал от Карнавал инструкций запретить
тебе посещать Ближнюю Сторону. Там нет никаких необычных угроз для
жизни. Так что у меня не было выбора, кроме как одобрить твой план по-
лета. – Машина задумчиво помолчала. – Лишь немногие родители сочли
необходимым ввести такой запрет. Я подозреваю, это потому, что мало
кто спрашивал разрешения отправиться туда. Я также вижу, что в данный
момент связаться с твоей матерью невозможно: она оставила инструкции,
чтобы ее не беспокоили. Лис, – обвиняюще сказал ЦК, – мне кажется, что
это не случайно. Ты все спланировал заранее?

Ничего я не планировал! Но, если б *знал*...

– Нет!

– Наверное, тебе нужен обратный маршрут?

– Зачем? Я его попрошу, когда соберусь назад.

– Боюсь, это будет невозможно, – самодовольно сказала машина. – Че-
рез пять минут, вы будете вне зоны последнего приемника. Ты должен
знать, я не работаю на Ближней Стороне. Уже несколько десятилетий. Ты
выходишь из радиуса покрытия, Лис. Будешь отвечать сам за себя. Поду-
май об этом.

Я так и сделал. На одну тошнотворную долю секунды мне захотелось вернуться. Без наблюдающего ЦК, детям не позволяли выходить на поверхность уже много лет.

Был ли я настолько уверен в себе? Я знаю, как враждебное окружение воздействует на организм. Я считал, что меня научили всему, но так ли это?

– Как интересно, – саркастически воскликнула Гало.

Она опять витала в облаках, поражаясь тому, куда мы направляемся. С момента ее Изменения, она пробудет в таком состоянии три луна. Ну, столько же, сколько и я, когда подвергнусь этому впервые.

– Тихо, болван, – незлобно сказал я.

Она и не обиделась. Просто улыбнулась и стала глазеть в окно, когда мы приблизились к границе.

Я проверил припасы: если потребуется, с ними ничего не будет целую лунацию, хотя слегка запаниковал до того, как взглянул на указатель топлива.

– Хорошо, умник, дай мне данные для возвращения.

– Неточный запрос, – медленно произнес ЦК.

– Черт тебя подери, мне нужен маршрут Старый Архимед – Кинг-сити, и даже не пытайся возражать.

– Принято. Рассчитываю, – голос устройства слабел.

Компьютер выдал данные.

– Наверное, – несмело проговорил ЦК, – ты не станешь мне сообщать, когда хочешь вернуться?

Ага! Вот, что его задело. Уверен, что Карнавал не обрадуется такому объяснению ЦК.

– Скажи ей, что я решил основать свою колонию и вообще не вернуться.

– Как пожелаешь.

Старый Архимед оказался больше, чем я ожидал. Я знал, что, даже в расцвете своего могущества, он не был таким популярным, как Кинг-сити, но в те времена города строились вширь. Кинг-сити – не более, чем посадочное поле и кучка куполов возле него. Старый Архимед был битком набит постройками, расположенными вокруг центрального посадочного поля. Гало указала на несколько любопытных сооружений на юге, так что я направился туда и сел рядом с ними.

Она открыла дверь, выкинула палатку и прыгнула следом. Я воспользовался трапом, потому что нести еду выпало на мою долю. Гало быстро осмотрелась и начала распаковывать палатку.

– На экскурсию пойдем потом, – сказала она, запыхавшись. – А сейчас давай заберемся в палатку и поедим.

Ладно, ладно, сказал я про себя. Мне все равно бы пришлось рано или поздно с этим столкнуться. Не думаю, что она так уж проголодалась... во

всяком случае, не так, чтобы прямо сейчас начать обедать. Но все равно, для меня это было слишком быстро. Я и понятия не имел, что будет с нашими отношениями, когда мы заползем в палатку.

Пока она все устанавливала, я не спеша осмотрел окрестности. Довольно быстро я понял, что лучше бы мы отправились на базу Спокойствия. Там не так уединенно, зато нет призраков. Если хорошенько подумать, то еще до того, как ее перенесли, база Спокойствия находилась на Ближней Стороне.

Насчет Старого Архимеда...

Я не мог понять, что именно меня тут тревожит. Уж точно не тишина. Наша раса привыкла к тишине, еще когда нам пришлось покинуть Землю и жить на второсортных планетах Солнечной системы. И не отсутствие других людей. Я привык к длинным прогулкам по поверхности, где можно часами никого не встречать. Не знаю. Может быть, потому что здесь из-за горизонта выглядывала Земля.

Она была серпом, и я напрасно мечтал, чтобы темную часть планеты покрывали светящиеся точки городов. Теперь там лишь примитивная ночь, дельфины в море и чужие... Пугала, выдуманные, чтобы детям снились кошмары, но сейчас я уже не был так уверен. Если люди там и выжили, то мы никогда об этом не узнаем.

Вот что, как говорится, привело людей на дальнюю Сторону: постоянно висевшее в небе напоминание о том, что они потеряли. Наверное, это было очень тяжело, особенно для тех, кто родился на Земле. Так или иначе, на Ближней Стороне никто не жил уже почти целый век. Когда люди мигрировали на Дальнюю Сторону с ее утешающим небом, свободным от вида некогда родной планеты, все поселения опустели.

Думаю, вот что я чувствовал, бродя между старыми зданиями, как какое-то невидимое перекасти-поле. В этом была виновата аура страха и отчаяния людей, оставивших здесь свои надежды и, в попытке все забыть, переехавших на Дальнюю Сторону. Здесь витали призраки: тени несбывшихся мечтаний и вечной тоски. И повсюду ощущалась бездонная пустота.

Я встряхнулся и вернулся к реальности. Гало уже поставила палатку. Палатка торчала на пустом поле — прозрачный пузырь, чуть выше моей головы. Девушка была уже внутри. Я прополз через узкий лаз, и она закрыла его.

У Гало отличная палатка. Почти три метра в диаметре, полным-полно места даже для шестерых, если не пугает, что вас могут случайно задеть. Тут была печка, проигрыватель и компактный туалет. Палатка перерабатывала воду, поглощала углекислый газ, управляла температурой и представляла запас кислорода на три лунации. И все это укладывается в тридцатисантиметровый куб.

Как только запечатала дверь, Гало избавилась от своего костюма и начала суетиться, готовя нам поесть. Она взяла пакет с провизией и принялась за работу.

Пока она занималась едой, я с любопытством за ней наблюдал. Мне очень хотелось понять, что чувствует Гало. Это было нелегко. Казалось, в ее голове сгорели все предохранители.

Перворазники часто ведут себя странно, пытаясь обрести новую личность, прежде чем до них доходит, что и со старой все в полном порядке. Поскольку в нашем обществе так мало различий между полами, они оглядываются назад, на прошлое, где разница была гораздо более заметной и бросающейся в глаза, ища вдохновение в рассказах, поэмах, фильмах и старых записях с Земли и первых лет на Луне. У них было некое представление, что, раз у них теперь новое тело и другие половые признаки, то нужно вести себя как-то иначе.

Я узнал персонажа, с которого она взяла пример: меня также интересует старая культура, как и ее. Она была Блонди, а я – Дагвуд. «Бамстеды», как вам известно. Типичная супружеская пара девятнадцатого века. У нее была скатерть в красно-белую клеточку и набор посуды для двоих: тарелки, салфетки, чаши для мытья рук и небольшая лампа.

Мне пришлось ей улыбнуться, сядя на колени у крошечной печки и пытаясь поставить три кастрюльки на одну конфорку. В своей роли, которая меня совершенно не интересовала, Гало пыталась мне угодить, как только могла. Работая, она что-то напевала.

После обеда, я предложил помыть посуду (ну, так сделал бы Дагвуд), но Блонди отказалась, добавив, что сама обо всем позаботится. Я лежал на спине, поглаживая живот и любуясь Землей. Вскоре, я ощутил на себе теплоту тела, прижавшегося ко мне с головы до пят. Она оставила Блонди разбираться с грязной посудой. Женщина, дышавшая мне сейчас в ухо, была... Еленой Троянской? Гретой Гарбо... во всяком случае, кем-то другим. Как сильно я хотел, чтобы вернулся прежний Гало. Я уже начал думать, что мы могли бы заниматься этим и с ним, если бы это возбужденное создание, в чьем теле он оказался, дало нам такую возможность. Тем временем, меня собиралась изнасиловать Елена Троянская. Я поднял голову.

– Ну, и как это, Гало?

Она поубавила пыл, но лишь слегка, а затем оперлась на локоть.

– Не думаю, что получится это описать.

– Пожалуйста, постарайся.

На ее щеках появились ямочки.

– Я вообще не знаю, как это, – сказала он. – Я все еще девственница, ты же знаешь.

Я сел.

– Тебе и это тоже дали?

– Конечно, почему нет? Но не волнуйся. Я не боюсь.

— А что насчет занятий любовью?

— О, Лис.. Лис! Да... да. Я...

— Нет-нет! Постой.

Я поерзал под ней, пытаюсь ее удержать еще какое-то время.

— Я хотел узнать, не возникает ли с этим проблем при смене пола? Хочу спросить, есть ли у тебя теперь желание заниматься сексом с парнями?

Я был уверен, что это дурацкий вопрос, но она восприняла его серьезно.

— Пока я не заметила никаких проблем, — задумчиво сказала девушка, а ее рука потянулась вниз, неумело пытаюсь направить меня внутрь.

Я помог ей справиться с этим, и она расположилась поудобней.

— Я думала об этом до Изменения, но со временем эта мысль вылетела у меня из головы. Сейчас у меня на этот счет нет никаких сомнений. Аааааах!

Она опустила вниз, грубо и жестко, и мы принялись за дело.

Это оказалось самым неудовлетворительным сексом в моей жизни. Вина в этом была не полностью нашей: нам сильно помешали внешние события. Но даже без этого, все оказалось далеко не идеальным.

Те, кто впервые получают женское тело, занимаясь сексом в первый раз, могут впасть в полубезумное состояние, длящееся до одной минуты. То, что она играла с другой половины поля, иными правилами и новым набором игровых снарядов, не ставило ее в невыгодное положение. Наоборот, это вызывало сильнейшее возбуждение.

Вот, что случилось с Гало. Я уже стал волноваться, дождется ли она меня. Но так и не узнал. Я глянул в сторону и испугался, как никогда прежде. Снаружи кто-то стоял и смотрел на нас.

Гало почувствовала во мне перемену и взглянула на мое лицо, на котором, наверное, все было написано, а затем оглянулась через плечо. И упала в обморок: потухла, как свечка.

Черт, да я сам почти отключился. Точно бы отключился, но, когда это произошло с ней, я сильно испугался и решил, что не стану себе потакать. Так что остался в сознании, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Фигура походила на один из призраков в моем воображении, бродящих по заброшенному городу с тех пор, как мы сюда прилетели. Она была низкой и одета в костюм, который словно украла в музее Кеплера, и на костюме было больше заплат, чем самого скафандра. Я не мог разглядеть ни одной подробности того, кто находился внутри, — даже не понял, мужчина это или женщина. Скафандр был громоздким, а шлем сильно отражал свет.

Не знаю, долго ли я на него смотрел: но привидение успело обойти вокруг палатки раза три-четыре раза. Я дотянулся до бутылки с вином, которое мы пили, и сделал большой глоток. Потом понял, что это лишь старый киношный штамп — мне ничуть не полегчало. Но зато очень помогло Гало, когда я плеснул вино ей в лицо.

– Одевайся, – сказал я, пока она отплевывалась от содержимого бутылки. – Думаю, он хочет с нами поговорить.

Тот, кто находился в скафандре, махал нам рукой, указывал на свой костюм, туда, где, кажется, было радио.

Мы собрались и выползли через узкий проход. Я выкрикивал приветствия, переключая частоты на своем костюме. Не сработало. Тогда он подошел и соприкоснулся своим шлемом с моим. Его было слышно откуда-то издалека.

– Что вы тут делаете?

Я думал, что ответ казался очевидным.

– Сэр, мы просто пришли на пикник. Прошу прощения, если мы находимся на вашей земле. Мы уже...

– О, нет-нет, – отмахнулся он. – Делайте, что хотите. Я не ваша мама. Что касается земли, думаю, мне принадлежит весь город, но я не против вашего присутствия – большая его часть в вашем распоряжении. Поступайте, как считаете нужным – это моя философия. Вот почему я еще здесь. Они не заставят старину Лестера уехать отсюда. Лестер – это я.

– А я – Лис, сэр, – сказал я.

– А я – Гало.

Она слышала нас через мое радио.

Он повернулся и взглянул на нее.

– Гало, – тихо сказал. – Гало, словно ангел. Отличное имя, мисс.

Мне очень хотелось увидеть его лицо. Лестер говорил, как взрослый, но был он что-то уж очень низким. Мы оказались выше него, хотя для нашего возраста – это лишь чуть больше среднего.

Он откашлялся.

– Мне, кх, мне жаль, что я помешал вам, ребята... кх, – он казался растерянным. – Но я ничего не мог с собой поделать. Я давно не видел людей – ну, думаю, лет десять – и мне просто хотелось посмотреть поближе. И, мне, кхм, нужно вас кое о чем попросить.

– В чем дело, сэр?

– Можете убрать «сэр». Я не ваш отец. Хотел поинтересоваться, нет ли у вас каких-нибудь лекарств?

– В шаттле есть набор первой помощи, – сказал я. – Кому-то нужно помочь? Я бы с радостью отвез их в больницу Кинг-сити.

Лестер бешено замахал руками.

– Нет, нет, не нужно. Я не хочу никаких докторов. Мне надо лишь самую малость. Ну, скажем, не могли бы вы ненадолго отнести набор первой помощи ко мне в лачугу? Может, у вас найдется что-нибудь, что мне поможет.

Мы согласились и пошли за ним по полю.

Лестер завел нас в разгерметизированное здание на краю поля. Потом пришлось довольно долго пробираться по темным коридорам.

Наконец, мы подошли к большой двери, зашли внутрь, и он ее закрыл. Затем, пройдя еще один проход, мы попали в его жилище.

Оно было довольно странным, больше похожим на джунгли, чем на дом. Размерами больше гражданского актового зала Кинг-сити. Заросшее деревьями, лианами, цветами и кустами. Словно когда-то за этим местом ухаживали, а потом вдруг перестали. В одном углу стояли кровать, несколько стульев и высокие шкафы с книгами. Еще там валялись целые кучи различного мусора: бочонки из-под герметика, пустые кислородные баллоны, разрозненные инструменты, старые шины.

Мы с Гало сняли шлемы и уже почти избавились от костюмов, когда впервые увидели Лестера. Он оказался невероятным! Я боялся, что инстинктивно раскрою от удивления рот. Гало просто не могла оторвать от него глаз. Затем мы вежливо попытались притвориться, что не заметили ничего необычного.

Лестер выглядел так, словно имел привычку выходить наружу без скафандра. Его лицо покрывали ямки и бороздки, как вспаханное поле после артобстрела. Кожа казалась толстой, словно у бегемота. Глаза были посажены очень глубоко.

— Ну-ка, дайте взглянуть, — сказал он, протягивая тонкую руку. Костяшки пальцев оказались распухшими и узловатыми.

Я передал ему набор первой помощи, и Лестер, повозившись какое-то время с защелками, открыл его. Он сел на стул и внимательно прочитал все этикетки. Занимаясь этим, он что-то бормотал себе под нос.

Гало бродила среди растений, но меня больше интересовал старина Лестер, нежели его жилище. Я смотрел, как он управлялся с набором негнущимися, неуклюжими пальцами. Все его движения казались грубыми, неточными. Я не мог понять, что с ним было не так, и почему он не интересовался медицинской помощью раньше — до того, как то, что его беспокоит, стало слишком запущенным.

Наконец, он сложил все обратно, кроме двух тюбиков крема. Он вздохнул и посмотрел на нас.

— Сколько вам лет? — с подозрением спросил он.

— Мне — двадцать, — сказал я.

Не знаю, почему я так поступил. Я не врун, если у меня нет на это хорошей причины. Лестер начал вызывать у меня странные чувства, и я последовал своим инстинктам.

— Мне тоже, — отозвалась Гало.

Казалось, ответы его удовлетворили, что меня сильно удивило. Я понял, что он давно оторван от внешнего мира. Только не знал, насколько давно.

— Не то, что они мне сильно помогут, но я бы хотел купить эти два тюбика, если вы не возражаете. Здесь написано «местная анестезия», и мне бы это пригодилось по утрам. Сколько они стоят?

Я сказал, что он может взять их бесплатно, Лестер принялся настаивать, так что я предложил ему самому назвать цену и потянулся к своей сумке за счетчиком кредитов. Лестер достал какие-то прямоугольные листки бумаги. Это оказались бумажные деньги, выпущенные старым лунным государством в семьдесят шестом году. Их уже не использовали больше века. Для коллекционеров они были настоящей находкой.

— Лестер, — медленно сказал я, — эти деньги стоят больше, чем вы, возможно, себе представляете. В Кинг-сити их можно продать за...

Он засмеялся.

— Ты — хороший человек. Я знаю цену этих банкнот. Я дряхлый, но еще не совсем выжил из ума. Они стоят в тысячу раз больше своего номинала, но мне они не нужны. Кроме, пожалуй, одного. Эти деньги являются прекрасной лакмусовой бумажкой. С их помощью я всегда могу понять, если кто-то хочет обмануть старого больного отшельника. Прости меня, сынок, но, когда ты вошел сюда, я принял тебя за лжеца. Я ошибся. Так что оставь банкноты себе. Я смог бы их забрать обратно в любом случае.

Лестер бросил что-то к нашим ногам, нечто, бывшее у него в руке, какого я никогда прежде не видел. Пистолет. Первый раз я увидел такую штуку.

Гало осторожно подняла его, но мне даже не захотелось прикасаться. Старина Лестер, казалось, помрачнел. В воздухе повисла тишина.

— Ну вот, теперь я вас напугал, — сказал он. — Наверное, я забыл все хорошие манеры. Забыл, как вы живете там, на другой стороне.

Лестер поднял револьвер и открыл его. Барабан был пуст.

— Но вы бы об этом не узнали, не так ли? Так или иначе, я не убийца. Я лишь осторожно выбираю себе друзей. Могу я загладить свою вину, пригласив вас на ужин? Я не принимал гостей уже лет как десять.

Мы объяснили ему, что недавно поели, и он спросил, можем ли мы ненадолго остаться и просто поболтать. Казалось, ему очень этого хотелось. Мы согласились.

— Накинете что-нибудь на себя? Собираясь сюда, вы, наверное, и не задумывались, что вам может понадобиться одежда.

— Смотря, какие у вас тут обычаи, — дипломатично сказала Гало.

— Нет у меня никаких обычаев, — с беззубой улыбкой ответил Лестер. — Если вы не стесняетесь своей наготы, то мне все равно. Как я уже сказал, дело ваше.

Это было его любимой фразой.

Итак, мы легли на траву, а он принес какую-то крепкую прозрачную жидкость и наполнил наши бокалы.

— «Лунный свет», — засмеялся он. — Вот это вещь! Сам сделал. Лучший алкоголь на всей Ближней Стороне.

Мы пили и болтали. Прежде чем напиться до беспамятства, я узнал о старине Лестере несколько интересных вещей. Во-первых, он и правда

был старым. Он сказал, что ему сто пятьдесят семь, и родился он на Земле. Прилетел на Луну в двадцать восемь, за несколько лет до Вторжения.

Я знаю несколько людей похожего возраста, хотя далеко не таких старых. Прабабушке Карнавал двести двадцать один, но она родилась на Луне и не помнит Вторжения. От тела, в котором она родилась, не осталось ничего. Она дважды перемещала свое сознание в новый мозг.

Я готов был принять тот факт, что старина Лестер провел долгое время без всяких медикаментов, но в то, что он нам сказал, сначала не мог поверить. Он утверждал, что, не считая нового сердца восемьдесят лет назад, его тело не подвергалось реконструкции с самого рождения! Я юн и наивен, — легко могу это сейчас признать, — но такую вещь принять было крайне трудно. Однако, со временем я в это поверил и продолжаю верить до сих пор.

Лестер рассказал множество историй, и каждой было, по меньшей мере, восемьдесят лет, потому что именно столько он живет в полном одиночестве. Истории о Земле и о первых годах на Луне. Истории о трудных временах после Вторжения. У всех, кто его пережил, был свой рассказ. Еще задолго до того, как вечер закончился, мой разум сильно затуманился, и я отчетливо помню только одну вещь: как мы вдвоем встали в круг, держась друг за друга, и распевали песни, которым научил нас Лестер. Мы раскачивались, стучались лбами и лопались от смеха. Я помню его руку у себя на плече. Она была жесткая, как камень.

На следующий день Гало превратилась во Флоренс Найтингейл* и стала ухаживать за стариной Лестером, возвращая его к жизни. Она была решительной, как и любая медсестра, стаскивая с него одежду, несмотря на его слабые протесты, а затем делая ему массаж. В трезвости утра я удивлялся, как она заставляет себя трогать его старое, морщинистое тело, но постепенно я все понял, — Лестер был красив.

Лучшее, с чем можно его сравнить — это поверхность Луны. Нет ничего старше и потрепанней, чем она. Но я всегда любил ее. Это самое красивое место в Солнечной системе, даже с учетом колец Сатурна. Старина Лестер был таким же. Я представлял себе, что он и есть Луна. Что он стал ее частью.

Хотя я свыкся с мыслью, что он такой старый, но все равно заметил его ужасное состояние. Алкоголь много у него забрал, но Лестера уже было поздно отучать пить. Первое, что он захотел утром — это опохмелиться. Я принес ему стакан и затем приготовил плотный завтрак: яичница, сосиски, хлеб и апельсиновый сок, все из его сада. Потом мы принялись за старое и снова начали пить.

* Флоренс Найтингейл — знаменитая сестра милосердия (прим. перев.)

Мне даже некогда было волноваться о том, что уже думают Карнавал и мама Гало. Старина Лестер, откровенно говоря, усыновил нас. Он сказал, что мог бы стать нашим отцом, что мне показалось забавным, поскольку откуда вообще можно знать, кто твой отец? Но Лестер стал проявлять заботу, которую я бы назвал материнской, но, очевидно, он сам считал ее отцовской.

Мы многое сделали в тот день. Он обучал нас садоводству.

Он показал мне, как скрещивать семена растений и как без повреждения оболочки отличить, спелые ли они. Лестер поведал нам секрет выращивания хлебных деревьев, заключающийся в том, что нужно пересаживать отдельные побеги, так, чтобы они давали темно-коричневые плотные плоды, целиком состоящие из пшеницы или ржи удивительных сортов. Мы научились выкапывать картошку и другие корнеплоды, собирать мед, сыр и помидоры. Срезать бекон со стволов свинных деревьев.

И пока работали, мы пили «Лунный свет», много смеялись и слушали другие истории Лестера, познавая тайны садоводства.

Старина Лестер оказался совсем не болваном, каким казался вначале. Он специально произносил слова так, словно у него проблемы с речью — этим он развлекал себя долгие годы. При желании, он мог разговаривать не хуже остальных. Он много читал и все запоминал. Он был первоклассным инженером и ботаником, но стоило учесть, что его знания и умения устарели на восемьдесят лет. Хотя это особо ни о чем не говорило: старые методы работали отлично.

Чего нельзя сказать об отсталости в общественном плане.

Лестер ничего не знал об Изменении, кроме того, что ему это не нравилось. Это стало основной причиной, почему он решил отделиться от общества. Он также упоминал, что переезд на Дальнюю Сторону не пришелся ему по душе, но именно перемены пола окончательно убедили его в том, что с остальными ему не по пути. Лестер нас просто поразил, сказав, что никогда не был женщиной. Я думал, что виной всему недостаток любопытства, но ошибся. Оказалось, у него были какие-то нелепые представления о моральности самого процесса, которые он приобрел в детстве из одной странной, заблуждающейся религии. Я слышал об этой секте, потому что, изучая историю, невозможно пройти мимо нее. Об этике в религии говорится мало, в основном лишь о нарушении каких-то выдуманных правил.

Тем не менее, старина Лестер все еще верил в нее. Его дом был заставлен примитивными иконами. Один символ Лестер оберегал больше остальных: простой деревянный знак в форме креста на длинной ножке. Старик носил один крест на шее, а другие торчали из земли как сорняки.

Я понял, что эта религия была основой всех приводящих в замешательство противоречий, которые я начал замечать в Лестере. Его часто повторяемая фраза «делайте, как считаете нужным», возможно, была искрен-

ней, но он сам не всегда ее придерживался. Это стало ясным потому, что, хоть он и считал, что все люди должны иметь свободу выбора, осуждал их, если был с ними не согласен.

Мое внезапное решение соврать о возрасте показалось мне правильным, хотя я не уверен, что сказать правду было бы хуже. Возможно, это спасло нас от дальнейшей лжи, которую мы говорили или подразумевали, а я всегда предпочитаю честность обману. Но я все еще не знаю, стал бы старина Лестер нашим другом, скажи мы ему всю правду.

Он кое-что знал о жизни на дальней стороне и хорошо дал понять, что по большей части не одобряет происходящее там. И он с радостью ввел себя в заблуждение (с нашей помощью), что мы не такие. Например, он считал, что люди не должны вступать в половую связь, не достигнув «определенного» возраста. Какого именно, он так и не уточнил, но Гало и я, как «двадцатилетние», уж точно должны были подходить под его критерии.

Это было так странно. Даже Карнавал, которая довольно старомодна, была бы поражена. Да, мы уменьшили возраст полового созревания, — я достиг половой зрелости в семь, — но Лестер считает, что даже после ее достижения люди должны воздерживаться от сексуальных контактов. Я не видел в этом никакого смысла. Хочу сказать, чем тогда заниматься-то?

Потом, Лестер использовал слово «инцест», значение которого мне пришлось уточнить позже, чтобы лучше понять. Так вот, он был против него! Наверное, в древние времена, это имело под собой некоторое основание, когда размножение и генетика были связаны с сексом, но сейчас-то в чем причина? Единственным местом, где мы с Карнавал во всем соглашались, была постель, и без этого нас бы ничего не сближало.

Список предубеждений Лестера все рос и рос. К счастью, меня это совсем не отталкивало. Мне не нравилось только то, что мы стали заложниками собственной лжи. Меня совсем не раздражает, когда у людей странный взгляд на вещи, пока они не начинают указывать мне, что делать, как, например, Карнавал. В том, что я выражал согласие с идеями старины Лестера, была скорее моя вина, чем его. По крайней мере, мне так кажется.

Дни сменяли друг друга, и только одно омрачало нашу жизнь. Я не нарушил ни одного закона, но был уверен, что меня ищут. И знал, что плохо поступил с Карнавал. Я пытался понять, насколько плохо и как это исправить, но «Лунный свет» и отлично проводимое время задвигали размышления на задний план.

Карнавал прилетела на Ближнюю Сторону. Когда старый радар Лестера засек их, мы с Гало наблюдали за ними из тени. Там было шесть-семь человек. Они залезли в шаттл и обыскали его. Они обошли все поле, разыскивая наши следы, и найдя их, прошли по ним до того места, где отпечатки исчезали на бетоне. Я бы хотел подслушать их разговоры, но не посмел, так как был уверен, что у них с собой есть детектор.

Затем они улетели. Но оставили шаттл, что было очень мило с их стороны, поскольку могли забрать его, бросив нас беспомощно дожидаться их возвращения.

Я часто об этом думал и обсуждал с Гало. Несколько раз мы были готовы сдаться и вернуться. В конце концов, мы не собирались убежать из дома. Только хотели бросить вызов родительскому авторитету, мне даже и мысль такая в голову не приходила, чтобы оставаться там так долго. Но сейчас мы поняли, что покинуть этот заброшенный мир уже не так-то просто. Путешествие на Ближнюю Сторону приобрело какую-то инерцию, и сопротивляться ей у нас не хватало сил.

Потом мы ударились в другую крайность. Решили остаться там навсегда. Кажется, ощущение власти от принятия такого решения вскружило нам голову. Так что мы отбросили все сомнения, приободряя друг друга, смеясь и выдумывая, чем еще в Архимеде можно заняться.

Мы оставили записку, — доказывающую, что еще чувствовали некоторую ответственность за наших близких, — и приклеили ее к трапу шаттла, а затем Гало подошла и включила фары, направив их вверх. Мы спрятались в укрытие и стали наблюдать.

Конечно, ждать долго не пришлось, и корабль вернулся через два часа. Они наблюдали с низкой орбиты и сели, как только заметили свет. Один человек вышел из корабля и прочел записку. Текст был довольно безумным, призывающим не беспокоиться, сообщаящим, что с нами все хорошо. Дальше мы написали, что собираемся остаться, и еще несколько вещей, о которых я лучше промолчу. В записке также говорилось, чтобы Карнавал забрала наш шаттл. Я пожалел о том, что мы сделали, как только она это прочитала. Наверное, мы сошли с ума.

Даже с такого расстояния, я увидел, как Карнавал поникла. Она осмотрелась, а затем заговорила на языке жестов.

— Делайте, что хотите, — сообщила она. — Я тебя не понимаю, но все равно люблю. Оставлю шаттл на случай, если вы передумаете.

Ну и ну. Я сглотнул и уже почти поднялся, чтобы обозначить свое присутствие, когда к моему величайшему удивлению, Гало потянула меня вниз. Я думал, что она оставалась со мной только, чтобы не признавать, насколько я ошибся, притащив нас сюда. Это была моя идея, и Гало была не совсем в своем уме, когда я заманил ее на Ближнюю Сторону. Но она все обдумала много лунь тому назад и сейчас мыслила трезво, как никогда. Даже более того: это приключение захватило Гало больше, чем меня.

— Болван! — соприкасаясь шлемами, прошипела она. — Я так и думала, что ты выкинешь что-то подобное. Подумай хорошенько. Хочешь сдаться так легко? Мы еще только начали.

Ее лицо не казалось таким уверенным, как слова, но я был не в настроении спорить. Затем Карнавал улетела, и стало лучше. Если даже все пойдет наперекосяк, мы всегда можем покинуть старый Архимед. Очень

скоро мы превратились в бесстрашных первооткрывателей, и я не думал о Карнавал или о Дальней Стороне, пока все действительно не пошло прахом.

Долгое время, почти целую лунацию, мы были счастливы. Вместе с Лестером мы много работали. Я осознал, что в той жизни, которой он живет, работа не кончается никогда: всегда найдется воздуховод, который нужно починить, цветок – опылить, механизм – отрегулировать. Это было примитивным, и я знал способы, как упростить быт, но никогда не высказывал их вслух. Это противоречило нашему безумному существованию. Жизнь должна быть трудной, чтобы чувствовать себя первооткрывателем.

Мы построили травяной навес, похожий на тот, что видели в одном фильме, и стали жить там. Комната старины Лестера располагалась напротив, что оказалось довольно глупым с нашей стороны, но так мы могли ходить друг к другу в гости. А еще я узнал одну интересную вещь о грехах.

Старина Лестер смотрел, как мы занимаемся любовью в нашей дырявой лачуге, и его суровое лицо расплывалось в улыбке. Затем, в один день, он намекнул, что это сокровенный процесс и нужно скрываться от посторонних глаз. Что занятие любовью у всех на виду, как и наблюдение со стороны, является большим грехом. Но Лестер все равно смотрел.

И я решил спросить об этом Гало.

– Он хочет грешить, Лис.

– А?

– Я знаю, это нелогично, но ты, должно быть, уже понял, что его религия запутанная.

– Это уже точно. Но мне все равно непонятно.

– Ну, мне тоже, но я пытаюсь уважать его взгляды. Лестер думает, что напиваться грешно, и до того, как мы сюда попали, это был единственный доступный ему грех. Теперь он может испытать похоть. Думаю, он хочет, чтобы его прощали, но это невозможно, пока он не согрешит.

– Это самая безумная вещь, которую я когда-либо слышал. Пусть даже так, но почему он тогда ничего не делает для того, чтобы заняться с тобой любовью? Я чертовски уверен, что ему хочется, но, насколько я знаю, до этого еще не доходило. Правда?

Гало на меня жалобно посмотрела.

– Ты не знаешь, не так ли?

– Хочешь сказать, у вас все было?

– Нет, ничего не было. Я не об этом. И не потому, что мы не пытались. И не потому, что он не хочет. Лестер все смотрит и смотрит, никогда не сводит с меня глаз. И не из-за того, что боится согрешить. Он прекрасно знает, что это грех, но ему бы это не помешало, если бы он мог.

– Тогда, я все еще не понимаю.

– Что непонятного? Я только что тебе все сказала. Лестер физически не может. Он слишком стар. Его оборудование больше не работает.

– Это ужасно!

Меня чуть не стошнило. Я знал, что для его состояния было какое-то слово, но мне пришлось позже поискать его в словаре. Калека – вот какое слово. Означает человека, у которого не работает какая-то часть тела. Стarina Лестер был калекой в сексуальном плане уже более века.

Я тогда начал серьезно подумывать вернуться домой. Я был совсем не уверен, что хочу находиться рядом с таким человеком. Атмосфера лжи с каждым днем раздражала все больше и больше, а теперь добавилось еще и это.

Но все стало гораздо хуже, и, тем не менее, я оставался.

Лестер заболел. И не в том плане, как представляем себе это мы: незначительная дисфункция, которую можно исправить десятиминутным посещением биоинженера. Лестер дряхлел прямо на глазах.

Частично это было нашей виной. Даже в то первое утро он долго не мог встать с кровати. С каждым лунем, – после долгой ночи возлияний и дебоша, – это у него занимало все больше времени. Дошло до того, что Гало каждое утро целый час растирала тело Лестера, чтобы тот смог подняться. Сначала я думал, что он просто хитро симулирует, потому что любил массаж и близость Гало, когда она работала над его телом. Но дело было не в этом. Когда Лестер, наконец, вставал, то едва ковылял, сгибаясь от болей в животе. Он начал все забывать. Начал спотыкаться, падать и очень медленно подниматься на ноги.

– Я умираю, – как-то ночью сказал он.

Я ахнул, а Гало быстро заморгала. Я пытался скрыть свое замешательство, притворившись, что Лестер этого не говорил.

– Я знаю, что это плохие слова, и мне жаль, что вот так это на вас вываливаю. Но я бы не смог так долго прожить, не умея взглянуть правде в глаза. Так вот, я умираю, и мне осталось совсем немного. Я не ожидал, что это случится так быстро. Кажется, силы меня покидают.

Мы пытались его убедить, что он ошибается, а когда это не помогло, предложили слетать подлечиться на Дальнюю Сторону. Но не смогли пробиться через религиозные предрассудки. Лестер до ужаса боялся биоинженеров. Мы старались объяснить, что вмешательства в тело не трогают разум, – он называл его «душой», – но Лестер сразу ударялся в философствования.

На следующий день он вообще не смог встать с постели. Гало растирала его старые конечности, пока сама не лишилась сил. Это было плохим признаком. Дыхание стало неровным, а пульс прощупывался слабо.

Так мы столкнулись с самым тяжелым решением в нашей жизни. Позволить ему умереть там или дотащить до шаттла и доставить его в мастерскую? Мы целый лунь не находили себе места, пытаясь сделать выбор. Ни один из вариантов не казался полностью верным, но я больше склонялся к тому, чтобы увезти его отсюда, а Гало настаивала оставить

его здесь. Лестер нас не слышал, кроме тех непродолжительных моментов, когда он пытался сесть. Он задавал нам вопросы и говорил о вещах, в которых, казалось, не было смысла. Наверное, его мозг к тому времени уже превратился в кашу.

— Вам, ребята, на самом же деле нет двадцати, верно? — спросил он однажды.

— Как вы догадались?

Он слабо посмеялся.

— Старина Лестер не дурак. Вы так сказали, чтобы я не сообщил вашим родителям о том, за чем я вас застукал. Но я не проболтаюсь. Это ваше дело. Просто хотел, чтобы вы знали, что вам никогда не удавалось меня одурачить.

Вдруг он начал тяжело дышать.

Мы так и не разрешили наш спор с Гало, но больше об этом не разговаривали. Мне периодически хотелось что-нибудь предпринять, но, в конце концов, я не находил в себе сил. Мне не хватало веры в себя. Так что мы просто сидели у постели Лестера, ожидая, пока он умрет, и разговаривали с ним, когда он нуждался в этом. Гало держала его за руку.

Я прошел через ад. Про себя я называл Лестера пустоголовым, умственно неполноценным, доисторическим куском дерьма, и почти решил помочь ему найти свою смерть. Затем я кинулся в другую крайность — обожание, подобное тому, как он любил своего безумного Бога. Я представлял себе, что он та мать, которой никогда не была Карнавал, и что, с его смертью, мне больше незачем будет жить. Старина Лестер, конечно, не был ни тем и ни другим, а всего лишь обычным человеком. Слегка помешанным и чуточку набожным, вряд ли тем, кого стоит любить или ненавидеть. Это Смерть сводила меня с ума: жуткая фигура в черном одеянии, о которой говорил нам Лестер, сошедшая прямо из его суеверий.

После нескольких часов, проведенных без движения, он вдруг открыл мутный глаз.

— Никогда, — сказал он. — Ты никогда не должна. Ты, Гало. Никогда не меняй пол. Ты всегда была девушкой, и должна такой и остаться. Господь задумал тебя именно так.

Гало ненадолго повернулась ко мне. Она плакала, а глаза говорили:

— Молчи, не говори ни слова. Пусть продолжает верить.

Ей не стоило беспокоиться.

Затем Лестер закашлялся. На губах выступила кровь, и, как только я его увидел, потерял сознание. Мне показалось, что он сейчас буквально развалиться на части и сгниет, покрываясь отвратительной зеленой слизью, от которой я никогда не смогу омыться.

Гало не дала мне остаться в отключке. Она била меня по щекам, пока не зазвенело в ушах, и, когда я очнулся, мы сдались. Столкнувшись с таким,

мы уже не могли принять вразумительного решения. Нам нужно было свалить его на кого-нибудь другого.

Так что через двадцать пять минут я уже был над полюсом, войдя в зону действия передатчиков Центрального Компьютера.

— О, белая ворона возвращается, — повелительным тоном начал ЦК. — Должен сказать, вы продержались на Ближней Стороне дольше остальных, и вообще...

— Заткнись, — проорал я. — Заткнись и слушай меня. Я хочу связаться с Карнавал, и прямо сейчас, наивысший приоритет, вопрос жизни и смерти. Выполняй!

ЦК занялся делом, запустив программу поиска родителей, и работал с ней с невероятной скоростью, возможной только в случае чрезвычайных ситуаций. Карнавал вышла на связь через три секунды.

— Лис, — сказала она, — я хочу все начать с чистого листа, поэтому, во-первых, благодарю за то, что ты дал мне возможность уладить это с тобой с глазу на глаз. Я пригласила семейного судью и хотела, чтобы мы высказали перед ним наши разногласия по поводу Изменения, и я согласна подчиниться любому его решению. Справедливое начало?

Карнавал явно нервничала. Я знал, что за этим кроется гнев — так было всегда — но она говорила искренне.

— Мы можем обсудить это попозже, мам, — всхлипывая, сказал я. — Сейчас тебе нужно добраться до поля, как можно быстрее.

— Лис, Гало с тобой? С ней все хорошо?

— Да, она в порядке.

— Я буду там через пять минут.

Конечно, оказалось уже слишком поздно. Старина Лестер умер сразу после того, как я взлетел, и Гало пробыла рядом с телом почти два часа.

Она не сильно переживала. Даже задержала меня и Карнавал, объясняя, что нужно сделать, и прося нас помочь. Мы похоронили Лестера, как он и хотел — на поверхности спутника, на месте, которое навсегда останется в свете старой Земли.

Карнавал так и не сказала, что сделала бы, будь Лестер еще жив, когда мы, наконец, добрались до мастерской. Это был вопрос этики, и мы оба обычно очень щепетильны в таких делах. Но, кажется, мы быстро сошлись бы во мнении. Волю человека нужно уважать, и, если придется выбирать заново, я уже знаю, что делать. Думаю, что знаю.

Я получил Изменение без всяких проволочек. В этом был некоторый смысл: если наше дело попадет к судье по семейным вопросам, уверен, что он порекомендует развод. А это будет трудно... из-за Карнавал, я люблю ее и буду нуждаться в ее заботе еще, по крайней мере, несколько лет. Не такой уж я взрослый, как мне казалось.

Меня не очень удивило, что Карнавал была права насчет Изменения. В следующей лунации, я стал парнем, затем девушкой и снова парнем, и

так весь год. В этом нет смысла. Сейчас я девушка и думаю, останусь в этом теле на несколько лет и посмотрю, каково это. Я, знаете ли, родился девочкой, но был ею лишь два часа, потому что Карнавал хотела мальчика.

А Гало теперь парень, что делает все просто идеальным. Мы поняли, что нам лучше быть разного пола, чем когда мы оба парни. Я думаю завести ребенка через пару лет, — отцом станет Гало. Карнавал советует подождать еще, но, кажется, на этот раз прав я. Я до сих пор верю, что в большинстве наших разногласий виновата ее неспособность вспомнить, как быстро все меняется, когда ты еще только растешь. Затем Гало сможет завести своего ребенка, — я буду польщен, если она выберет отцом меня, — и...

Мы перебираемся на Ближнюю Сторону. Пока только мы с Гало, Карнавал и Аккорд еще решают, но, думаю, тоже присоединятся. Хотя бы для того, чтобы Адажио перестала ныть.

Почему мы улетаем туда? Я долго об этом размышлял. Старина Лестер тут не причем. Я ненавижу говорить о нем плохо, но он, бесспорно, был дурак. С достоинством и верой в свои убеждения: приятным стариком, но все же дурак. Глупо говорить о том, что мы «живем его мечтой» или другие подобные глупости, которые, как мне кажется, вертятся в голове у Гало.

Но так совпало, что его и моя мечта схожи, хотя и по разным причинам. Гало не мог принять то, что Ближнюю Сторону покинули из-за страха, и, к тому же, старик боялся нового общества. Так что он стал отшельником. Я же просто хотел жить там потому, что мое поколение уже не пугалось вечно висящей в небе Земли, и на Ближней Стороне очень много красивых зданий. И мы будем там не одни. Мы станем первыми, но дни прозябания на Дальней Стороне и пренебрежения старой Землей сочтены. Человечество развилось на Земле, Земля была нашей, пока ее у нас не отняли. По правде говоря, я всегда хотел узнать, действительно ли чужие такие непобедимые, как говорится в старых историях.

Это — красивая планета. Когда же мы сможем вернуться?

Picnic on Nearside, (Fantasy & Science Fiction, 1974 № 8). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.

ДЖОН ВАРЛИ

«БАГАТЕЛЬ»

На Лейштрассе, на сорок пятом уровне, прямо перед магазином подарков и цветов «Багатель»*, в сотне метров по аллее от площади Процветания, лежала бомба.

— Я — бомба, — говорила она прохожим. — Я взорвусь через четыре часа, пять минут и семнадцать секунд. Сила моего взрыва равняется пятидесяти килотоннам в тротиловом эквиваленте.

Лишь немногие останавливались, чтобы взглянуть на нее.

— Я взорвусь через четыре часа, четыре минуты и тридцать семь секунд.

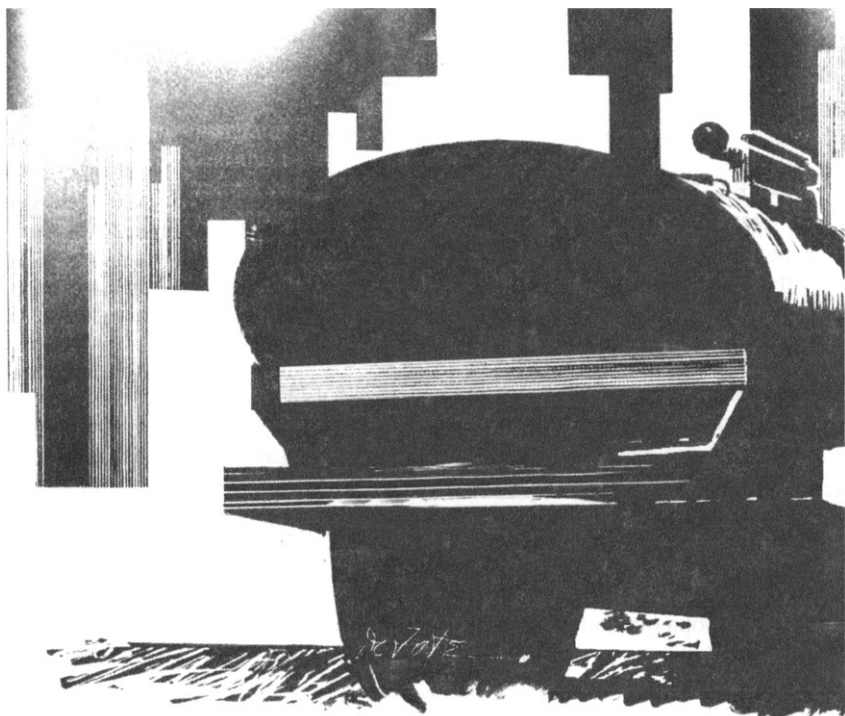
Несколько человек беспокоились, когда бомба не замолкала. Они вспомнили, что у них есть какие-то дела и поспешили уйти, в основном направляясь на железнодорожные станции Кинг-сити. Поезда постепенно переполнились, и началась легкая давка.

Бомба представляла собой металлический цилиндр, установленный на четырех поворачивающихся колесах: метр в диаметре, два в ширину. На верху цилиндра было закреплено четыре телекамеры, каждая наблюдала за девяностоградусным сектором. Никто не помнил, как бомба попала сюда. Она выглядела, как машина для очистки улиц, возможно, именно потому никто и не заметил ее.

— Мощность моего взрыва оценивается в пятьдесят килотонн, — с некоторой гордостью сказала бомба.

Вызвали полицию.

* Багатель (фр. *bagatelle*, от итальянского «*bagattella*») — маленькая изящная вещь, безделушка; пустяк, безделица; мелкая интрижка, волокитство, шашни. Кроме того, багатель — небольшая, легкая в исполнении музыкальная пьеса, главным образом для фортепиано, наиболее известными стали багатели великого немецкого музыканта Людвига Ван Бетховена. Название «багатель» также получила появившаяся в конце 18в настольная игра, воплотившая в себе оттенки гольфа, бильярда и боулинга, в которой шар, отскакивая от препятствий, попадал в лузы, обладавшие разной ценностью (прообраз современного пинбола); игра была завезена в Новый Свет во время вступления Франции в войну за независимость США и стала настолько популярной, что на ее тему стали рисовать политические карикатуры. В американской культуре слово «багатель» обрело и литературное значение — короткое произведение (проза, стихи) в легком, игривом стиле. (Прим. перев.)

– *Атомная бомба, говорите?* – спросила начальник городской полиции Анна-Луиза Бах.

Она почувствовала боль в желудке и потянулась к коробочке с лечебными конфетами. Ей уже давно нужно было его заменить, но та быстрота, с которой Бах меняла желудки, и величина ее зарплаты вынуждали все больше и больше полагаться на такие временные меры. И к тому же, цена клонированных органов неуклонно росла.

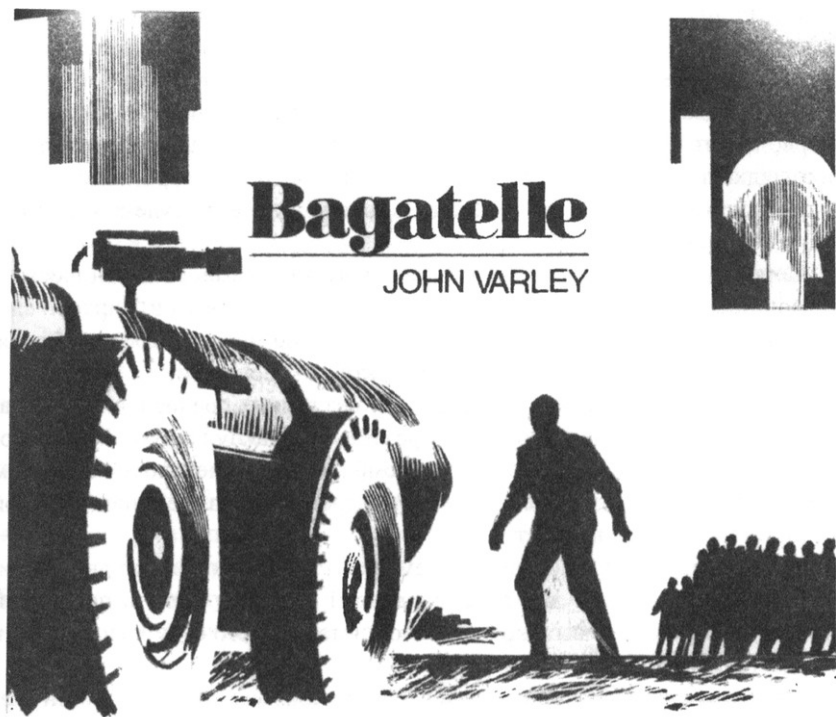
– Говорит, что в ней пятьдесят килотонн, – сказал человек на экране. – Так что вряд ли это что-то другое. Если, конечно, не муляж. Скоро принесут датчики радиации.

– Кто «говорит»? Записка, телефонный звонок, или что?

– Нет. Бомба сама разговаривает. Она кажется даже дружелюбной, но пока что мы не просили, чтобы она сама себя обезвредила. Может статься, что ее дружелюбие не заходит так далеко.

– Скорее всего, – сказала Бах, съев еще одну конфету. – Вызывайте саперов. И скажите им, чтобы, пока я не приеду, ничего, кроме наблюдения, не предпринимали. Я сделаю несколько звонков и прибуду на место. Не более, чем через тридцать минут.

– Принято. Сделаю.

Bagatelle

JOHN VARLEY

Кроме, как ждать помощи, им ничего не оставалось. На Луне еще не было взорвано ни одной атомной бомбы. Бах никогда с ними не сталкивалась, и ее саперная команда тоже. Она обратилась за помощью Центрального Компьютера.

Роджер Бирксон любил свою работу. Условия были ужасающие – но и преимуществ тоже хватало. Он находился на связи тридцать дней, двадцать четыре часа в сутки, но оклад шел ему просто астрономический. Затем он получал одиннадцать месяцев оплачиваемого отпуска. Зарплату ему платили весь год, вне зависимости от того, приходилось ему применять свои исключительные навыки за тридцать дней дежурства или нет. В этом смысле, он походил на пожарника. В какой-то мере, он и был пожарником.

Бирксон проводил свои длинные отпуска на Луне. Никто не спрашивал, почему он так поступал, а если бы и поинтересовались, то у него не нашлось бы ответа. Но причиной было его подсознательное убеждение, что в один прекрасный день планета Земля взорвется гигантским фейерверком. И когда это случится, ему не хотелось там оказаться.

Работой Бирксона было обезвреживание бомб от имени геополитического общества «Объединенная экономика Европы».

За смену он мог спасти жизни двадцати миллионам членов общества.

Из тридцати пяти земных экспертов по обезвреживанию бомб, находившихся на Луне в тот момент, ближе всего к месту предполагаемого взрыва на Лейштрассе оказался как раз Бирксон. Центральный Компьютер нашел его через двадцать пять секунд после того, как начальник Бах отправила первоначальный запрос. Бирксон готовился сделать удар на семнадцатой площадке подземного поля для гольфа «Горящее дерево», расположенном в полукилометре от площади Процветания, когда в его чехле для клюшек зазвенел звонок вызова.

Бирксон был богат. Он даже нанял живого кэдди вместо механического помощника. Кэдди опустил флаг и пошел ответить на вызов. Бирксон сделал пару пробных замахов, но понял, что уже не может сосредоточиться. Он решил сделать передышку и узнать, кто его беспокоит.

– Мне нужен ваш совет, – сказала Бах без всяких предисловий. – Я начальник городской полиции Нью-Дрездена, Анна-Луиза Бах. Мне доложили, что на Лейштрассе находится бомба, а у меня нет людей с опытом подобных ситуаций. Можете со мной встретиться на железнодорожной станции через десять минут?

– Вы с ума сошли? У меня уже семьдесят пять очков и еще две лунки: легчайший метровый удар на семнадцатой и нужно загнать последний мяч за пять ударов, а вы ожидаете, что я вместо этого буду участвовать в каком-то розыгрыше?

– Вы уверены, что это розыгрыш? – спросила Бах, надеясь, что он скажет «да».

– Ну, в общем-то, нет. Я ведь только что об этом узнал. Но девяносто процентов за то, что это обман.

– Отлично. Продолжайте свою игру. И раз вы так уверены, я закрою «Горящее дерево» на время чрезвычайной ситуации. Ну, чтобы вы точно никуда оттуда не делись.

Бирксон все обдумал.

– Как далеко до этого вашего «Лейштрассе»?

– Около шестисот метров. Пятью уровнями выше вас и одним сектором в сторону. Не беспокойтесь. Наверняка между вами и «муляжом бомбы» десяток стальных стен и перекрытий. Просто сидите там, хорошо?

Бирксон ничего не ответил.

– Я буду на станции через десять минут, – сказала Бах. – В специальной капсуле. Последней, прежде чем туннели закроются на пять часов.

Она повесила трубку.

Бирксон подумал о толщине стен подземного укрытия. Затем вернулся на траву и взмахнул клюшкой. Он ударил по мячику, направляя его в лунку, и услышал довольный стук, когда мячик достиг цели.

Нетерпеливо оглядев восемнадцатый флажок, Бирксон рванулся к зданию клуба.

– Я скоро вернусь, – крикнул он через плечо.

Капсула Бах опоздала на две минуты, но ей пришлось подождать еще одну, прежде чем объявился Бирксон. Она курила, стараясь не смотреть на наручные часы.

Он вошел внутрь, все еще держа клюшку в руке, и головы их дернулись назад, когда капсула снова начала набирать ход. Двигалась она недолго и вскоре остановилась. Дверь не открылась.

– Кажется, система, перегружена, – поерзав, сказала Бах.

Ей не понравилось, что городские службы отказывают в присутствии этого землянина.

– А-а, – сказал Бирксон, сверкнув улыбкой несчетным количеством квадратных зубов. – Паническая эвакуация, без сомнения. Вы не закрыли железную дорогу, не так ли?

– Нет, – ответила Бах. – Я... думала, что у людей будет больше возможности убраться подальше на случай, если эта штуковина все-таки взорвется.

Бирксон покачал головой и снова ухмыльнулся. Он делал так после каждой произнесенной фразы, словно в качестве запятой.

– Вам лучше закрыть город. Если это обман, то от паники и давки в любом случае погибнут и пострадают сотни людей. Уже поздно проводить эвакуацию. Возможно, вам удастся спасти пару тысяч.

– Но...

– Пусть остаются на своих местах. Если бомба взорвется, эвакуация уже не поможет. Вы потеряете весь город. И никто не будет осуждать ваше решение, поскольку вы будете мертвы. А если нет никакой бомбы, то вас даже похвалят за предотвращение паники. Делайте, как я сказал. Поверьте мне.

Бах тогда начала сильно недолгобловать этого человека, но к совету решила прислушаться. В его словах была расчетливая, холодная логика. Она позвонила на станцию и распорядилась, чтобы линию закрыли. Теперь вагонов в туннеле не будет, и там останется только капсула начальника полиции.

Они использовали несколько минут задержки до исполнения приказа, чтобы присмотреться друг к другу. Бах увидела молодого блондина с квадратной челюстью в клетчатом свитере и брюках для гольфа. У него было дружелюбное лицо, и это сильно Бах озадачило. На нем не наблюдалось ни следа волнения. Руки спокойно сжимали стальную рукоятку клюшки. Бах не назвала бы его излишне самоуверенным, но он все же выглядел довольно расслабленно.

Только сейчас она поняла, что он рассматривал ее, и заинтересовалась, что же Бирксон такого увидел, раз положил руку ей на колено. Бах могла бы дать ему пощечину, но просто ошеломенела от этой наглости.

– Что вы... уберите руки... вы, нахал!

Рука Бирксона двинулась вверх. Кажется, оскорбление его ничуть не смутило. Он повернул свое кресло и дотянулся до руки Бах. Его улыбка была ослепительной.

— Я просто подумал, что раз уж мы тут застряли, почему бы нам не узнать друг друга поближе. Что в этом плохого? Ненавижу тратить время впустую, вот и все.

Она вывернулась из его хватки и заняла оборонительную позицию, чувствуя себя словно в кошмарном сне. Но, получив отпор, Бирксон отступил, предпочитая больше не настаивать.

— Хорошо. Подождем. Но я бы хотел пропустить с вами по стаканчику, или, может быть, поужинать. Конечно, после того, как все закончится.

— Там же вот-вот... Как вы можете думать о таком, когда...

— Скоро может произойти взрыв? Знаю. Слышал уже. Просто бомбы меня заводят, вот и все. Ладно, оставлю вас в покое. — Бирксон снова ухмыльнулся. — Но, возможно, потом вы передумаете.

На секунду Бах показалось, что ее стошнит от отвращения и страха. Страх от бомбы, конечно, а не от этого противного человека. Ее желудок неистово крутило, а он тут сидит, думая о сексе. И все-таки, кто он такой?

Капсула дернулась, и они отправились в путь.

Опустошенная Лейштрассе теперь представляла собой мерцающий каркас из нержавеющей стали витрин и светящегося потолка. Со станции на площади к ней спешила странная пара: Бирксон в его нелепой одежде для гольфа, с шипами, скребущими по гладкому каменному тротуару, и Бах, на полметра выше него, стройная, как типичная лунянка. Она носила стандартную форму городской полиции, состоявшую из голубой повязки на руке и фуражки с эмблемами ее звания, а также наплечную кобуру, специальный пояс, с которого свисали блестящие и смертельно опасные на вид орудия труда сотрудников правопорядка, простые туфли без каблуков и несколько обрывков ткани в произвольных местах. В спокойной обстановке лунных коридоров, скромность давным-давно вымерла.

Они добрались до кордона, установленного вокруг бомбы, и Бах стала совещаться с офицером, который был там за главного. На улице слышалась неподходящая для такой ситуации музыка.

— Что это? — спросил Бирксон.

Офицер Уолтерс, человек, разговаривавший с Бах, оглядел Бирксона с ног до головы, прикидывая, как относиться к ухмыляющемуся чудаку. Очевидно, это тот специалист по бомбам, о котором Бах говорила в первый раз, но родился он на Земле и являлся гражданским. Уолтерс так и не мог решить, стоит ли говорить ему «сэр».

— Это бомба. Она поет уже пять минут. Думаю, у нее кончились заготовленные фразы.

— Любопытно.

Лениво раскачивая клюшкой из стороны в сторону, Бирксон подошел к ограждению из окрашенной стали и начал отодвигать одну из секций.

— Стойте... сэр, — сказал Уолтерс.

– Минутку, Бирксон, – поддержала Бах, подбегая к нему и чуть ли не хватая за рукав.

В последнюю секунду она все же решила этого не делать.

– На ограждении написано, что никто не должен пересекать эту линию, – добавил Уолтерс к вопрошающему взгляду Бах. – Потому что, если эта штука взорвется, вся ближняя сторона Луны взлетит на воздух.

– Что это, черт возьми, такое? – слезно спросила Бах.

Бирксон оставил в покое ограждение и, тактично взяв ее за руку, отвел в сторону. Он заговорил с ней так тихо, что лишь Уолтерс смог его расслышать.

– Это человек, превратившийся в киборга и подсоединенный к бомбе с, возможно, урановым зарядом, – сказал он. – Я уже видел такое. Одна из таких штук сработала в Йоханнесбурге три года назад. Не знал, что кто-то их еще делает.

– Я слышала об этом, – почувствовав холод и пустоту внутри, сказала Бах. – Получается, вы думаете, это действительно бомба? Откуда вы знаете, что это киборг? Разве это не могут быть просто кассетные записи или компьютер?

Бирксон воздел небу глаза, и Бах покраснела. Черт побери, это же разумные вопросы. К ее удивлению, у него не нашлось логически оправданных доводов. Ее заинтересовало, кто же он все-таки такой. Правда, ли он специалист, за которого она его принимает, или просто самозванец в клетчатом свитере?

– Можете назвать это чутьем. Я поговорю с ним, а вы пока распорядитесь, чтобы на уровень ниже притащили промышленный рентген. А на уровень выше – пленку. Поняли, в чем смысл?

– Хотите узнать, что у этой штуковины внутри. А это не опасно?

– Очень опасно. Но у вас же оплачена страховка?

Бах ничего не ответила, но приказы отдала. В ее голове крутился миллион вопросов, но она не хотела выставить себя глупой, задав один из дурацких, таких, как: сколько радиации выделяет промышленный рентген, пробиваясь через камень и стальной пол? Бах казалось, что ответ ей не понравится. Она вздохнула и решила позволить Бирксону делать то, что он хочет, пока она не почувствует, что он не справляется. Это была ее единственная надежда.

А в это время он беззаботно расхаживал возле ограждения, помахивая чертовой клюшкой и насвистывая мелодию, плохо сочетающуюся с музыкой, исходящей от бомбы. А что было делать офицеру полиции? Помогать Бирксону напевать?

Сканирующие камеры наверху бомбы перестали двигаться. Одна из них начала следить за Бирксоном. Он засиял улыбкой и помахал рукой. Музыка прекратилась.

Я – пятидесяти килотонная атомная бомба на основе урана-235, – проговорила она. – Оставайтесь за ограждением, поставленным тут из-за меня. Вы обязаны подчиниться этому приказу.

Биркин поднял руки, продолжая ухмыляться, и растопырил пальцы.

– Спокойно, дружище. Я не потревожу тебя. Просто восхищался твоей конструкцией. Отличная работа, Жаль ее взрывать.

– Спасибо, – сердечно ответила бомба. – Но это мое предназначение. Вы не отговорите меня.

– Даже и в голову не приходило.

– Отлично. Можете и дальше восхищаться мной, если хотите, но держите дистанцию. Не пытайтесь меня вскрыть. Вся основная проводка надежно защищена, а время отклика составляет три миллисекунды. Я сработаю, прежде чем вы успеете до меня добраться, но я не хочу делать этого, пока не пройдет отведенное время.

Бирксон присвистнул.

– Это довольно быстро, брат. Уверен, что гораздо быстрее, чем я. Наверное, отлично уметь так быстро двигаться после того, как неуклюже ковылял всю жизнь.

– Да, мне это кажется очень отпадным. Для меня это стало неожиданным открытием.

Уже лучше, подумала Бах. Нелюбовь к Бирксону не ослепила ее перед тем фактом, что он пытается подтвердить свою догадку. И она получила ответы на свои вопросы: никакая пленка не рассказала бы ей такого, и бомба, можно считать, призналась, что когда-то была человеком.

Бирксон сделал круг и вернулся туда, где стояли Бах и Уолтерс.

– Проверьте это время, – остановившись, тихо сказал он.

– Какое время?

– Когда, ты сказал, взорвешься? – прокричал Бирксон.

– Через три часа, двадцать одну минуту и восемнадцать секунд.

– Это время, – прошептал он. – Пробеите по компьютеру. Узнайте, не годовщина ли это какой-нибудь политической группировки, или события, по поводу которого у кого-то могут быть недовольства.

Бирксон было пошел, но затем кое-что вспомнил.

– И самое важное, проверьте даты рождения.

– Могу я узнать, почему?

Казалось, он задумался, но затем снизошел до ответа.

– Я просто пытаюсь разузнать о нем побольше. Мне кажется, это его день рождения. Узнайте, кто родился в это время, – вариантов будет не очень много, если проверить с точностью до секунды, – и попытайтесь найти всех. Тот, кто не найдется, и есть наш клиент. Могу поставить на это.

– Что поставить? И откуда вы знаете, что это он, а не она?

Снова этот взгляд, и Бах опять покраснел. Ну и черт с ним, ей все равно придется задавать вопросы. Почему она должна этого стесняться?

– Потому, что он выбрал мужской голос для своих динамиков. Знаю, это не очень убедительно, но со временем появляется нюх на такие вещи. Что касается того, что я ставлю... уж точно не свою жизнь. Я уверен, что справлюсь с этим парнем. Как насчет ужина сегодня вечером, если окажусь прав?

Улыбка была довольно коварной, но уже без следа распутства, которое, как показалось Бах, она видела прежде. Но ее желудок все еще крутило. Она отвернулась, оставив вопрос без ответа.

В следующие двадцать минут ничего особенного не произошло. Бирксон продолжал медленно рассказывать вокруг аппарата, время от времени останавливаясь, чтобы кивнуть в знак восхищения. Тридцать сотрудников полиции, не зная чем себя занять, напряженно стояли так далеко от бомбы, как только им позволяла гордость. Сидеть в укрытии не было смысла.

А в это время Бах из командного пункта, обустроенного неподалеку в туристическом агентстве «Рай», занималась закулисной координацией. В командном пункте были телефоны и доступ к Центральному Компьютеру. Бах ощутила упадок духа среди своих офицеров, которым казалось, что ничего не происходит. Знай они, что сканирующие лазеры повсюду суют свои носы, вымеряя все до тысячной доли миллиметра, то, возможно, чувствовали бы себя немного увереннее. Особенно с учетом того, что уровнем ниже теперь стоял промышленный рентген.

Через десять минут телетайп компьютера затрещал. Бах услышала его в тихом коридоре, находясь на полпути между туристическим агентством и бомбой. Она обернулась и увидела молодого полицейского с нашивкой новобранца. Рука девушки оказалась холодной, как лед, когда она передавала Бах лист желтой телеграфной бумаги. На нем было три имени, а под ними даты и список событий.

– Информация снизу взята из данных о четвертом этапе кризиса, – объяснила офицер. – Очень маловероятно. Эти трое родились в указанную секунду плюс минус три, в трех различных годах. Со всеми остальными уже связались.

– Продолжайте их искать, – сказала Бах.

Когда она отвернулась, то заметила, что молодая сотрудница полиции была беременна, находясь примерно на пятом месяце. Бах подумала о том, чтобы отослать ее с места происшествия, но потом до нее дошло, что смысла в этом мало.

Бирксон видел, как идет Бах, и перестал нарезать круги вокруг бомбы. Он взял бумагу и пробежал по ней глазами. Оторвал нижнюю часть еще до того, как ему сказали, что вероятность этого крайне мала, скомкал ее и бросил на тротуар. Почесывая голову, он медленно вернулся к бомбе.

– Ханс, – позвал Бирксон.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – спросила бомба.

— О, Ханс, мальчик мой, не считай нас совсем за дураков. Ты бы не начал все это, если бы не знал, что городская полиция способна проводить быстрые расследования. Конечно, если я тебя не переоценил.

— Нет, — призналась бомба. — Я знал, что вы выясните, кем я был. Но это ничего не меняет.

— Конечно же, нет. Но зато, облегчает общение. Как жизнь с тобой обходилась, друг мой?

— Ужасно, — простонал человек, ставший пятидесяти килотонной атомной бомбой.

Каждое утро Ханс Лейтер вставал с постели и шел в уютный туалет, который был не обычной моделью для жилых помещений, а специальным многофункциональным устройством, которое он поставил, как только въехал. Ханс жил один и это было единственным доступным ему элементом роскоши. В своем маленьком дворце, он сидел в кресле, массирующим ему спину, тем самым пробуждаясь ото сна, моющим, бреющим и напудривающим его, чистящим ногти, обрызгивающим парфюмом и, наконец, удовлетворяющим очень хорошей резиновой имитацией настоящего органа — Ханс стеснялся женщин.

Дальше он одевался, шел триста метров по коридору и вставал на эскалатор, доставлявший его прямо ко входу в туннель, ведущий в глубь Луны. Он позволял запустить себя по этому туннелю, как снаряд из пушки.

Ханс работал в литейном цехе. Его работой было чинить почти все, что сломалось. У него это хорошо получалось, — общество механизмов его устраивало гораздо больше, чем людское.

Один раз он поскользнулся, и нога попала под массивный вал. Инцидент оказался не очень серьезным, поскольку система безопасности выключила станок, прежде чем голова или тело могли пострадать, но боль была ужасная, ногу полностью раздробило. Ее пришлось ампутировать. Ханс ждал, пока вырастет клонированная конечность, и на это время ему сделали протез.

Это стало для него настоящим откровением. Словно сбылась его мечта: протез работал не хуже, чем старая нога, а, возможно, даже и лучше. Он соединился с поврежденным нервом, но был оборудован специальным устройством, увеличившим болевой порог, и, когда он сильно ударился искусственной ногой, то заметил, что не почувствовал боли. Ханс вспомнил, что он ощутил, получив похожую травму прежней ногой, и поразился вновь. Еще он подумал об агонии, охватившей его, когда его нога попала в станок.

И вот, когда клонированная конечность была готова к пересадке, Ханс решил оставить протез. Это было довольно необычным, но прецедентом не являлось.

С этого времени, Ханс, которого коллеги и без того не считали общительным, еще больше отдалился от людей. Он говорил, только когда к

нему обращались напрямую. Но многие замечали, как он разговаривает с прессом, кулером для воды и роботом уборщиком.

По ночам, привычкой Ханса было сидеть на вибрирующей кровати и смотреть трехмерный телевизор до часа ночи. В это время кухня готовила ему поздний перекус, подкатывая еду прямо к кровати, и затем он ложился спать.

Последние три года, Ханс пренебрегал включением телевизора перед сном. Но, тем не менее, он все равно сидел на постели, глядя на пустой экран.

Закончив читать распечатку персональных данных, Бах снова поразила эффективность машин, находящихся в ее подчинении. Этот человек был практически никем, но, тем не менее, в документе, описывающем его ненасыщенную событиями жизнь, было девять тысяч слов, готовых к распечатке мучительно скучной биографии.

— ... итак, ты пришел к пониманию, что каждый шаг твоей жизни контролировали машины, — проговорил Бирксон.

Он сидел на одной из секций ограждения, качая ногами. Бах присоединилась к нему и предложила прочитать длинную распечатку. Он отмахнулся. Вряд ли она могла на него из-за этого злиться.

— Но это правда! — воскликнула бомба. — Нас всех контролируют, вы же знаете. Мы — часть огромного механизма под названием Нью-Дрезден. Нас передвигают, как детали на сборочной линии, моют, кормят, укладывают в постель и поют на ночь.

— А-а, — соглашаясь, протянул Бирксон. — Ты луддит, Ханс?

— Нет! — удивленным голосом сказала бомба. — Роджер, вы совсем меня не поняли. Я не хочу уничтожать машины. Я хочу лучше им служить. Я хочу стать машиной, как моя новая нога. Разве вы не видите? Мы — часть огромной машины, но часть-то самая неэффективная.

Они разговаривали, а Бах вытирала пот с ладоней. Она не понимала, к чему все это ведет, разве, что Бирксон на полном серьезе пытается отговорить Ханса Лейтера от того, что тот собирается сделать. — Она посмотрела на часы, — через два часа и сорок три минуты.

Это начинало сводить с ума. С одной стороны, Бах поняла, каким образом Бирксон пытается установить контакт с киборгом. Они уже перешли на «ты», и, по крайней мере, чертова машина старалась отстаивать свою позицию. А с другой стороны, что с того? Какой от этого толк?

Офицер Уолтерс подошел и что-то нашептал Бах на ухо. Она кивнула и похлопала Бирксона по плечу.

— Они готовы сделать снимок в любой момент, — сказала она.

Он отмахнулся.

— Не мешайте, — громко сказал Бирксон. — Становится интересно. Так, если то, что ты говоришь, правда, — обратился он к Хансу, встав и начав сосредоточенно расхаживать взад-вперед, только на этот раз уже за ли-

нией ограждения, – то, возможно, мне стоит заглянуть в твою душу. Тебе действительно больше нравится быть киборгом, чем человеком?

– Во много раз, – голосом полным энтузиазма, сказала бомба. – Теперь мне не нужно спать, не нужно беспокоиться о смерти или еде. У меня есть целый бак питательных веществ, постепенно поступающих в мозг и центральную нервную систему. – Он замолчал на какое-то время. – Я хотел избавиться от скачков гормонов и следующих за ними эмоциональных реакций, – признался он.

– Не везет в любви, да?

– Не в этом дело. Меня все время что-то отвлекает. Так что, когда я услышал о месте, где из меня могут сделать киборга и избавить от всего этого, я сразу же примчался туда.

Бездействие нервировало Бах. Ей нужно было что-то сделать или сказать.

– Когда ты собираешься закончить начатое? – отважилась влезть в беседу она.

Бомба начала что-то говорить, но Бирксон громко рассмеялся и сильно хлопнул ладонью Бах по спине.

– О, нет, начальник. Все гораздо сложнее, верно Ханс? Она пытается заставить тебя сдаться. Этого не произойдет, начальник. Незачем приплетать сюда честь.

– Кто это? – подозрительно спросила бомба.

– Позволь мне представить Анну-Луизу Бах, начальника полиции Нью-Дрездена. Анни, познакомься с Хансом.

– Полиция? – спросил Ханс, и по спине Бах побежали мурашки, когда она уловила нотку страха в его голосе.

Что этот маньяк делает, запугивая такого парня? Она уже была близка к тому, чтобы снять Бирксона с дела, но откладывала это потому, что заметила знакомую картину, нечто, в чем она может участвовать, даже пусть с некоторым позором для себя. Это же был старый, проверенный трюк – хороший и плохой полицейский.

– Ой, не будь таким, – сказал Бирксон Хансу. – Не все копы плохие. Взять к примеру Анни, она – хороший человек. Дай ей шанс. Она только выполняет свою работу.

– Да я ничего не имею против полиции, – сказала бомба. – Без нее социальная машина не сможет работать. Закон и порядок – основа будущего механического общества. Рад с вами познакомиться, начальник Бах. Жаль, что обстоятельства сделали нас врагами.

– Я тоже рада, Ханс.

Она думала, осторожно подбирая слова, прежде чем задать новый вопрос. Ей не хотелось прибегать к суровому подходу, чтобы противопоставить себя приятному дружелюбному Бирксону. Ей не нужно быть

враждебной, но не повредит, если она задаст вопросы, которые обозначат мотивы Ханса.

– Скажи, Ханс. Ты говоришь, что не луддит, что любишь машины. Знаешь, сколько механизмов ты разрушишь, взорвав себя? И, более важно, что сделаешь с общественным аппаратом, о котором ты говорил? Целый город будет стерт с поверхности Луны.

Бомба, казалось, обдумывала услышанное. Ханс замешкался, и Бах увидела проблеск надежды, впервые с тех пор, как началось это безумие.

– Вы не понимаете. Вы говорите с органической точки зрения. Жизнь важна для вас. Машину это не волнует. Повреждение для нее, даже для такой большой, как общественный аппарат, – то, что можно починить. Можно сказать, я надеюсь стать примером. Я хотел превратиться в машину, которая...

– А самая лучшая, самая совершенная машина, – вставил Бирксон, – атомная бомба. Это – венец развития технологий.

– Вот именно, – довольным голосом сказала бомба, приятно, когда тебя понимают. – Я хотел стать самым сложным механизмом, которым только мог, и вариант у меня был лишь один.

– Прекрасно, Ханс, – выдохнул Бирксон. – Я тебя понимаю. И если мы продолжим логическую цепочку, то придем к заключению, что..., – и тут он пустился в рассуждения о мире, в котором будут править машины.

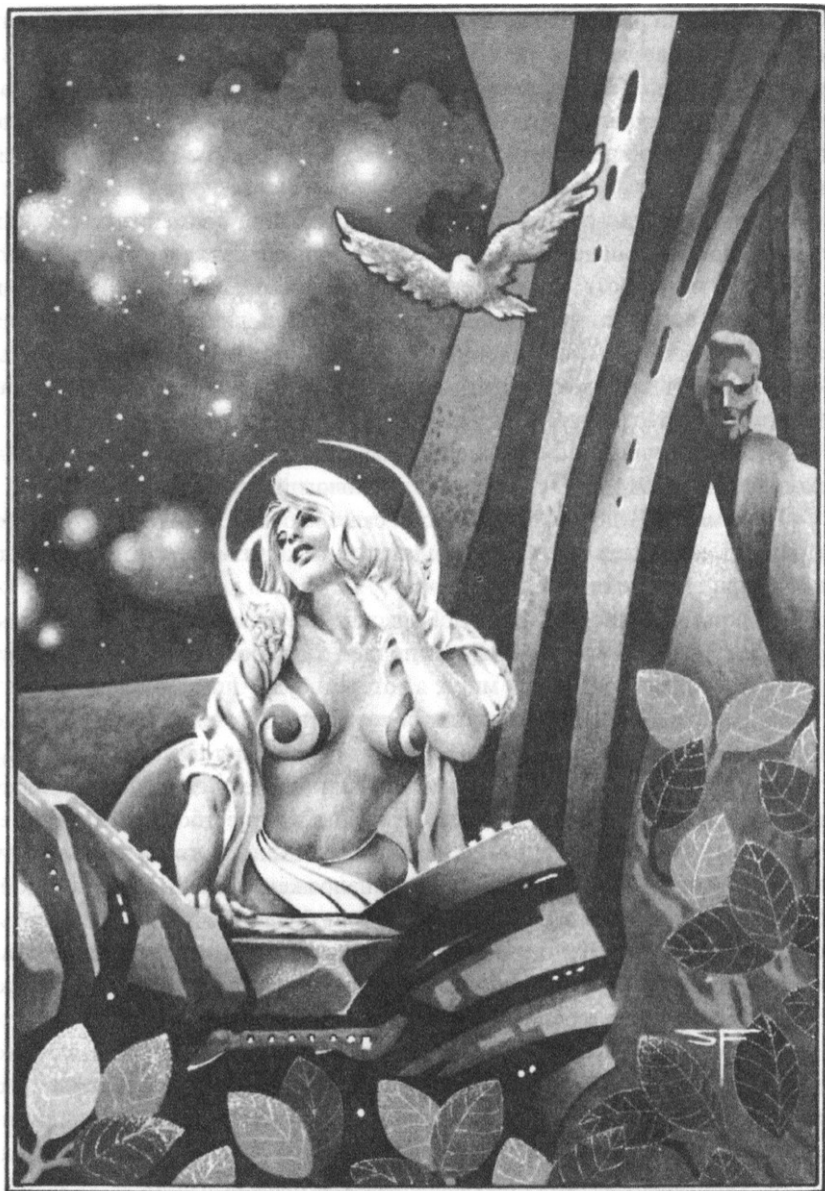
Бах пыталась понять, кто из них более чокнутый, когда принесли еще одно сообщение. Она прочитала его и затем попыталась найти паузу, чтобы вклиниться в беседу. Но возможности так и не представилось. Бирксон, практически с пеной у рта, жестикулировал все больше и больше, открывая новые места соприкосновения их с Хансом точек зрения. Бах заметила, что рядом стоящие офицеры напряженно следили за беседой. По выражениям их лиц стало ясным – они боялись, что их предадут и когда настанет час «Ч», они все еще будут наблюдать за интеллектуальным пинг-понгом. Но еще задолго до этого поднимется бунт. Некоторые из полицейских уже теребили оружие, вероятно, даже не замечая.

Бах дернула Бирксона за рукав, но тот отмахнулся. Черт возьми, это уже слишком. Она схватила его и чуть не повалила на землю, разворачивая его до тех пор, пока ее рот не оказался рядом с его ухом, а потом заорала:

– Слушай меня, идиот! Они собираются сделать рентген. Отойди назад. Лучше, если мы все будем на безопасном расстоянии.

– Оставьте меня в покое, – вырываясь из ее хватки, отрезал он и, все еще улыбаясь, добавил, – все становится еще интереснее, – совершенно обычным тоном.

Бирксон в ту секунду был очень близок к смерти. Три пистолета нацелились на него из круга полицейских, ожидающих команды стрелять. Им не нравилось, когда к начальнику относились подобным образом.

Бах и сама была чертовски близка к тому, чтобы отдать приказ. Единственным, что сдерживало ее, являлось знание, что если Бирксон умрет, бомба может взорваться раньше положенного срока. Оставалось только каким-то образом убрать его с дороги и продолжать в одиночку, зная, что она обречена на провал. Но никто не скажет, что у специалиста не было возможности проявить себя.

— Но что не дает мне покоя, — проговорил Бирксон, — так это, почему именно сегодня? Что случилось в этот день? Разве сегодня Сайрус Мак-кормик изобрел комбайн? Или что?

— Сегодня мой день рождения, — немного стесняясь, сказал Ханс.

— Твой день рождения? — несмотря на то, что он знал это и так, Бирксон сумел сделать удивленное лицо. — Твой день рождения. Это же отлично, Ханс. Всего самого наилучшего, дружище! — Бирксон повернулся к офицерам и взмахнул руками. — Давайте, споем. Ну, это же день рождения Ханса, ради всего святого. С днем рождения тебя, с днем рождения тебя, с днем рождения тебя, дорогой ты наш Ханс... — фальшиво запел Бирксон, описывая руками большие круги и абсолютно не попадая в ритм.

Но его пример был так заразителен, что несколько офицеров сами не заметили, как стали ему подпевать. Он начал обходить полицейских, вытягивая из них слова зачерпывающими движениями рук.

Бах стиснула зубы, чтобы удержать себя в руках. И вдруг поняла, что тоже поет. Сцена была слишком фантастической и невероятно мрачной...

Не только она одна это почувствовала. Один из ее подчиненных, храбрый офицер, который на ее глазах неоднократно проявлял отвагу в бою, в обмороке рухнул на землю. Женщина-полицейский закрыла лицо руками и побежала по коридору, громко кашляя на бегу. Она добралась до ниши в стене, и там ее вырвало.

А Бирксон все продолжал скакать. Бах уже почти выхватила пистолет из наплечной кобуры, как он вдруг закричал:

— А что за день рождение без вечеринки? Давайте устроим праздник!

Бирксон огляделся вокруг и, наконец, его взгляд задержался на цветочном магазине. Он направился туда и, проходя мимо Бах, шепнул:

— Делайте рентген, живо!

Это оживило ее. Ей отчаянно хотелось верить, что он знает, что делает, как раз в тот самый момент, когда его безумие, казалось, достигло пика, Бирксон показал ей свой метод. Отвлечение. Пожалуйста, пусть это будет трюк... Она повернулась и дала офицерам, стоящим на краю площади Процветания, заранее подготовленный знак.

Бах снова направила взгляд на Бирксона как раз в тот момент, когда он клюшкой разбил окно цветочного магазина. Раздался оглушающий грохот стекла.

— Господи, — по-настоящему удивленно сказал Ханс. — Зачем ты это сделал? Это же частная собственность.

— И что? — прокричал Бирксон. — Черт, парень, ты собираешься сделать кое-что посерьезнее. Я только все подготавливаю.

Он зашел внутрь магазина и схватил охапку цветов, жестом показывая остальным делать тоже самое. Поначалу полицейским это не понравилось, но вскоре и они присоединились к разграблению магазина, выкладывая огромный венок вокруг ограждения.

– Думаю, ты прав, – запыхавшимся голосом сказал Ханс.

Вкус разрушений раздражил его, пробуждая аппетит к большому насилию.

– Но ты напугал меня. Я действительно ощутил страх, впервые с тех пор, как перестал быть человеком.

– Тогда давай продолжим.

И Бирксон начал бегать по улице, круша витрины направо и налево. Подбирая в магазинах различные вещи, он бросал их на тротуар. Некоторые разбивались при ударе о гладкий камень.

Наконец, Бирксон прекратил бесчинствовать. Лейштрассе преобразилась. Будучи когда-то вычищенным и красиво обихоженным участком лунной поверхности, улица стала разрушенной, шаткой и беспорядочной, как и наполненная эмоциональным напряжением атмосфера, витавшая над ней. Бах содрогнулась и сглотнула подкатывающую к горлу желчь. Она была уверена, что это предвещало нечто плохое. Вид разграбленной Лейштрассе, бывшей когда-то образцом приличия и благопристойности, глубоко задел начальника полиции.

– Торт, – сказал Бирксон. – Нам нужен торт. Подождите минутку. Я сейчас вернусь.

Он быстро зашагал по направлению к Бах и развернул ее, задевая локтем и уводя за собой.

– Уберите отсюда полицейских, – сказал он, начиная разговор. – Они слишком напряжены и могут слететь с катушек в любую минуту. Вообще, – Бирксон одарил ее глупой ухмылкой, – они сейчас, вероятно, более опасны, чем бомба.

– Хотите сказать, это муляж?

– Нет. Настоящая. Мне знакома его психология. После всех пережитых несчастий, он больше не хочет быть неудачником. Другие обычно ищут внимания и не собираются никого убивать. Но Ханс не такой. Хочу сказать, что он у меня на крючке. Я могу с ним разобраться. Но не могу рассчитывать на ваших офицеров. Отзовите их и оставьте пару-тройку проверенных людей.

– Хорошо.

Бах снова решила доверять Бирксону – по большей части из-за чувства беспомощности, чем чего-то другого. Он устроил неплохое представление с цветочным магазином и рентгеном.

– Может быть, уже все сделано, – продолжил он, когда они дошли до конца улицы и свернули за угол. – Зачастую рентгена хватает самого по себе. Он расплавляет проводку и приводит устройство в негодность. Я надеялся убить его сразу, но он защищен. О, возможно, он получил смертельную дозу, но пройдет много дней, прежде чем он умрет. В этом нет ничего хорошего. Но повреждена ли проводка, мы узнаем, только когда выйдет время. Нам стоит придумать план получше. Вот что я предлагаю.

Бирксон вдруг прервался и расслабился, прислонившись к стене и начав рассматривать деревья и окружающий пейзаж. Бах слышала, как поют птицы. Раньше ее это успокаивало. Теперь она думала только о том, как людей пожрет пламя. Бирксон загибал пальцы, расписывая все по пунктам.

Бах внимательно его слушала. Часть плана была довольно странной, но не хуже, чем то, что она уже видела. Он и правда составил целый план. Чувство облегчения оказалось таким сильным, что чуть не вызвало эйфорию, которая, в сложившихся обстоятельствах, была бы не совсем оправданной. Бах коротко кивала на каждое высказанное Бирксоном предложение и затем, повторяя те же движения своему офицеру, стоявшему рядом, подтверждала то, что он сказал, и обращала это в приказы. Молодой полицейский помчался исполнять их, а Бирксон собрался вернуться к бомбе. Бах остановила его.

– Почему вы не дали Хансу ответить на мой вопрос о том, кто сделал его бомбой? Это было частью плана? – настойчиво спросила она.

– О, да. Частично. Я просто ухватился за возможность сблизиться с ним. Но вам не стоило спрашивать такое. Уверен, что у него есть блокировка на подобные вопросы. Возможно, если он попытается на них ответить, сработает детонатор. Ханс – маньяк, но не нужно недооценивать тех, кто помог ему тут очутиться. Таким образом, они защищают себя.

– «Они» – это кто?

Бирксон пожал плечами. Это был будничным, беззаботный жест, один из тех, которые так раздражали Бах.

– Понятия не имею. Я не разбираюсь в политике, Анни. Я не отличу движение за запрет аборта от лиги за свободу Мавритании. Они их конструируют, я обезвреживаю. Все просто. Найти, кто это сделал – ваша работа. Думаю, вам уже пора бы начать.

– Мы уже начали, – призналась она, – я просто думаю... ну, прилетев с Земли, где это случается постоянно, вы, возможно, знаете... черт побери, Бирксон. Почему?! Почему так происходит?

Он рассмеялся, а Бах покраснела и стала медленно закипать. Любой из ее подчиненных, видя ее в таком состоянии, направился бы в ближайшее укрытие. Но Бирксон продолжал смеяться. Ему вообще до чего-нибудь есть дело?

– Извините, – выдавил он. – Меня уже об этом спрашивали другие начальники полиции. Это – хороший вопрос.

Он сделал паузу, все еще слегка улыбаясь. Когда Бах ничего не сказала, он продолжал:

– Вы не с той стороны на это смотрите, Энн.

– Ты обязан говорить «начальник Бах», черт тебя побери.

– Хорошо, – тихо сказал он. – Так вот, вы не видите, что это ничем не отличается от гранаты, брошенной в толпу или от бомбы, посланной по почте. Это – форма общения. Просто в наши дни, когда вокруг столько людей, приходится кричать немного погромче, чтобы привлечь внимание.

– Но... кто? Они так и не назвали себя. Вы говорите, что Ханс лишь инструмент в их руках. Из него сделали бомбу, воспользовавшись его собственными мотивами для ее взрыва. Очевидно, его собственных возможностей для этого бы не хватило. Это мне понятно.

– О, думаю, мы скоро узнаем, кто. Они даже не ждут, что он добьется успеха. Ханс – предупреждение. Если бы они действовали на полном серьезе, то нашли бы кого-нибудь другого, идейного фанатика, готового умереть ради общей цели. Конечно, их не волнует, что бомба и правда может взорваться: их это приятно удивит. Тогда они смогут встать и постучать себя в грудь. Стать знаменитыми.

– Но где они взяли уран? Его же хорошо охраняют...

Впервые Бирксон проявил раздражение.

– Не глупите. Все началось в 1945-ом году. Этого никак нельзя было предотвратить. Наличие инструмента подразумевает его использование. Как ни старайся держать его только в кругу доверенных людей, со временем он попадет не в те руки. И в нашем случае – тоже самое, вот что я хочу сказать. Атомная бомба – просто оружие. Словно камень, упавший в муравейник. Да, для одного муравейника – это больше несчастье, но для всего вида – это не угроза.

У Бах не получалось думать таким образом. Она пыталась, но для нее это все равно оставалось кошмаром невиданных прежде масштабов. Как он может сравнивать убийство миллионов людей со случайным актом насилия, где трое-четверо пострадавших? Последнее ей знакомо. В ее городе, как и любом другом, бомбы взрывались каждый день. Везде были недовольные.

– Я могу пойти вниз... нет, вверх по улице, так? – в ту секунду Бирксон размышлял о культурных различиях. – В любом случае, дайте мне кучу денег и, могу поспорить, что, даже прямо сейчас, пойдя в ваши трущобы, я сумею купить столько урана и плутония сколько захочу. Кстати, это то, чем должны заниматься вы. Купить можно все. Абсолютно все. При наличии денег, на черном рынке можно приобрести вещество боевого класса образца года так 1960-го. Да, это будет дорого, поскольку его мало. Вам придется подкупить много людей. Но пока... в общем, подумайте об этом.

Бирксон закончил говорить, казалось, смутившись, что его так понесло.

– Я об этом немного читал, – извинился он.

Бах обдумала его слова, ведя его обратно к ограждению. То, что он сказал, было правдой. Когда оказалось, что контролируемый синтез слишком дорог для широкого использования, человечество выбрало реакторы на быстрых нейтронах. Другого варианта не было. И с той поры, атомные бомбы в руках террористов стали ценой, на которую согласились люди. Решением, за последствия которого придется платить еще долго.

– Я хотела вас еще кое о чем спросить, – сказала Бах.

Бирксон остановился и взглянул на нее с ослепительной улыбкой.

– Спрашивайте. Так вы собираетесь принять пари?

Она не поняла, про что он говорил.

— О, вы хотите сказать, что поможете нам найти подпольную лабораторию по обогащению урана? Я была бы вам благодарна...

— Нет, нет. Я и так это сделаю. Уверен, что смогу выйти с ними на связь. Прежде, я уже делал это. Я хотел спросить, примите ли вы пари, что я не смогу ничего найти? Поставим, скажем... ужин вдвоем, как только я их найду. Скажем за семь дней. Как вам?

Бах казалось, что у нее лишь два варианта: уйти от него подальше или пристрелить на месте. Но она нашла и третий.

— А вы любите делать ставки. Кажется, я знаю, почему. И это то, что я хотела у вас узнать. Как вы остаетесь таким спокойным? Почему вас это не пугает, как меня и моих людей? Я не поверю, что вы просто к этому привыкли.

Бирксон подумал об этом.

— И почему нет? Знаете, можно привыкнуть ко всему. Так как насчет пари?

— Если вы не прекратите об этом спрашивать, — тихо сказала она, — я сломаю вам руку.

— Хорошо, я все понял.

Бирксон больше не проронил ни слова, а она ничего не спрашивала.

Огненный шар за доли секунды превратился в пылающий ад, который вряд ли можно описать понятными для людей словами. Раскаленные газы и плазма просто поглотили все в радиусе полукилометра: бетонные опоры, застекленные окна, пол и потолки, трубы, провода, баллоны, механизмы, миллионы всяких безделушек, книги, записи, квартиры, мебель, домашних животных, мужчин, женщин и детей. Им повезло больше остальных. Сила взрывной волны сжала две сотни уровней, расположенных под поверхностью, словно гигант, усевшийся на сэндвич, проделывая отверстия в стальных плитах, под воздействием ужасного жара превращающихся в шпатлевку, с легкостью иголки прокалывающей фольгу. Наверху, где царила лунная ночь, поверхность вздыбилась и раскололась, обнажая белый ад внизу. Оттуда вылетали куски размерами с городские кварталы, прежде чем центральная часть провалилась вниз, оставив кратер, чьими стенами стали лабиринты жилых помещений и коридоров, которые капали и растекались, как теплый желатин. В радиусе двух километров от взрыва не осталось и следа человеческих тел. Они умерли практически без страданий, а их тела превратились в невидимый слой органической пленки, созданной сочетанием высокой температуры и давления, пробивавшегося через стены и входившего в комнаты, двери которых были заперты. Вдали только одного звука хватило, чтобы заморозить тела миллионов людей, прежде чем их зажарило, а взрывная волна сорвала мясо с костей, оставляя лишь сморщенные чучела. Тем не менее, прохождение ударной волны

через коридоры, которые были такими прочными, что уцелели, ослабило последствия взрыва, и эта прочность стала катастрофой для обитателей лабиринтов подземных помещений. В двадцати километрах от эпицентра, стальные перегородки лопались, как воздушные шарик.

После всего этого осталось пять миллионов обожженных изувеченных трупов и десять миллионов людей, пострадавших так ужасно, что они умрут в течение нескольких часов или дней. Бах неслась сквозь пустоту вместе с пятнадцатью миллионами призраков, следующих за ней, и каждый держал праздничный торт. Они пели. Она присоединилась к ним:

– С днем рождения тебя, с днем рождения...

– Начальник Бах.

– А?

Она почувствовала, как по телу пробежала холодная дрожь. Секунду она просто смотрела на лицо Роджера Бирксона.

– Вы в порядке? – спросил Бирксон.

Выглядел он обеспокоенным.

– Я... что случилось?

Он похлопал ее по плечам, а затем сильно встряхнул.

– Ничего. Вы задремали. – Бирксон прищурился. – Кажется, вы просто мечтали. Я хочу быть дипломатичным, говоря о... а, к чему это я... Я уже видел такое раньше. Думаю, вы хотели от нас сбежать.

Бах растерла руками лицо.

– Кажется, да. И меня занесло куда-то не туда. Но сейчас я в норме.

Теперь она вспомнила все и поняла, что не отключилась и не оказалась полностью оторванной от происходящего. Бах уже это видела. Воспоминания взрыва, такие четкие и ясные секунду назад, стали лишь закончившимся кошмарным сном.

Плохо, что она не проснулась в лучшем мире. Это чертовски несправедливо. В конце кошмара всегда наступает облегчение, разве не так? Ты просыпаешься и понимаешь, что все в порядке.

Вместо этого здесь оказалась долгая линия полицейских в форме, несущих праздничные торты пятидесяти килотонной атомной бомбе.

Бирксон сказал офицерам, чтобы на Лейштрассе выключили освещение. Когда приказ не был исполнен, он начал разбивать лампы клюшкой для гольфа. Вскоре, один из офицеров взялся ему помогать.

Теперь, некогда одна из самых красивых улиц Нью-Дрездена, Лейштрассе, превратилась в мерцающий туннель, ведущий через ад. Свет от тысячи крошечных свечек, воткнутых в пять сотен праздничных тортов, залил все красно-оранжевым светом и превратил людей в отбрасывающих тени демонов. Офицеры продолжали прибывать, принося наспех завернутые подарки, цветы и воздушные шарик. Ханс, человек, от которого осталось лишь мозг и нервная система, плавающие в свинцовом контей-

нере, Ханс, являющийся причиной всего этого, именинник собственной персоной, с нескрываемым удовольствием наблюдал за процессом с помощью батареи двигающихся телекамер. Он громко пел.

– Я – бомба! Я – бомба! – кричал он.

Ханс никогда еще так не веселился.

Бах и Бирксон покинули место представления и укрылись в темной нише цветочного магазина «Багатель». Там был установлена голографическая модель цилиндра-бомбы.

Рентгеновский снимок, снятый с использованием движущейся пластины, позволял компьютеру создавать трехмерную модель. Они наклонились над цистерной и стали ее рассматривать. К ним присоединились сержант Маккой, местный специалист по бомбам и человек, присланный лунной радиационной лабораторией.

– Это – Ханс, – сказал Бирксон, перемещая красную точку в цилиндре при помощи манипулятора на торце. Точка мерцала вокруг чего-то серого с размытыми краями, из которого выходило несколько десятков проводов. Бах снова попыталась понять, что может заставить человека захотеть избавиться от своего тела и существовать в таком вот виде. В свинцовом сосуде плавала только основа человека: мозг и центральная нервная система.

– А вот сама бомба. Два куска урана, каждый из которых меньше критической массы. Обычная взрывчатка в качестве детонатора, таймер и защитная оболочка, которая на данный момент снята. Почти такую же сбросили на Хиросиму.

– Уверен, что она работает? – вставила Бах.

– Абсолютно. Черт, да почти любой мальчишка сможет собрать такую у себя в ванной, если у него будет уран и некоторое защитное оборудование. А теперь давайте посмотрим.

Бирксон рассматривал то небольшое, что осталось от человека, вместе с экспертами отслеживая, куда ведут провода. Они обсуждали возможности, направления атаки, недостатки каждого варианта. Наконец, казалось, они пришли к единому мнению.

– Я думаю, есть только один вариант, – сказал Бирксон. – Нужно попробовать лишить его контроля над бомбой. Я почти уверен, что мы нашли главный кабель, ведущий от него к детонатору. Перебьем его, и он ничего не сможет сделать. Затем мы сумеем вскрыть эту консервную банку обычным способом и обезвредить заряд. Маккой?

– Согласен, – сказал Маккой. – У нас будет целый час, и я уверен, что мы сможем это сделать без проблем. Когда Ханса превратили в киборга, все управление передали ему. Они не стали устанавливать никаких блокировок, поскольку Ханс, как предполагалось, сможет взорвать бомбу, прежде чем кто-либо доберется так близко, чтобы успеть навредить. Оставив его без управления, нам только нужно будет вскрыть цистерну паяльной лампой и передвинуть рычажок.

Человек из радиационной лаборатории кивнул:

— Хотя я не так уверен, что мы нашли нужный кабель, как мистер Бирксон. Если бы у нас было больше времени...

— Мы уже истратили целую кучу времени, — решительно сказала Бах.

Она сменила гнев на милость по отношению к Роджеру Бирксону: от отвращения к полному доверию. Он остался единственной надеждой. Она знала, что сама ничего не может поделать с бомбой, и поэтому ей пришлось кому-то довериться.

— Значит, за работу. Ваша команда на месте? Они знают, что делать? И самое важное, они хороши? Надеюсь, что да. Второго шанса не будет.

— Да, да и да, — ответила Бах. — Они справятся. Мы знаем, как резать камень на Луне.

— Тогда сообщите им координаты и выступаем.

Бирксон, казалось, немного расслабился. Бах заметила, что его охватило некоторое напряжение, даже если это было всего лишь волнением от предстоящего испытания. Он недавно отдал последний приказ. Теперь от него уже ничего не зависело. Фаталистический инстинкт игрока занял место бесконечно кипящей энергии. Оставалось только ждать. Бирксон был в этом хорош. Он уже пережил двадцать один напряженный обратный отсчет.

Он повернулся к Бах и начал что-то говорить, но затем резко прервал себя. Она впервые увидела на его лице сомнение, отчего по спине побежали мурашки. Черт побери, она думала, что он уверен.

— Начальник, — тихо сказал он. — Хочу извиниться за то, как я к вам относился последние часы. Я не могу это контролировать, когда работаю. Я...

Теперь настал черед Бах рассмеяться, и облегчение, которое за этим последовало, можно было сравнивать лишь с оргазмом. Словно она миллион лет не смеялась.

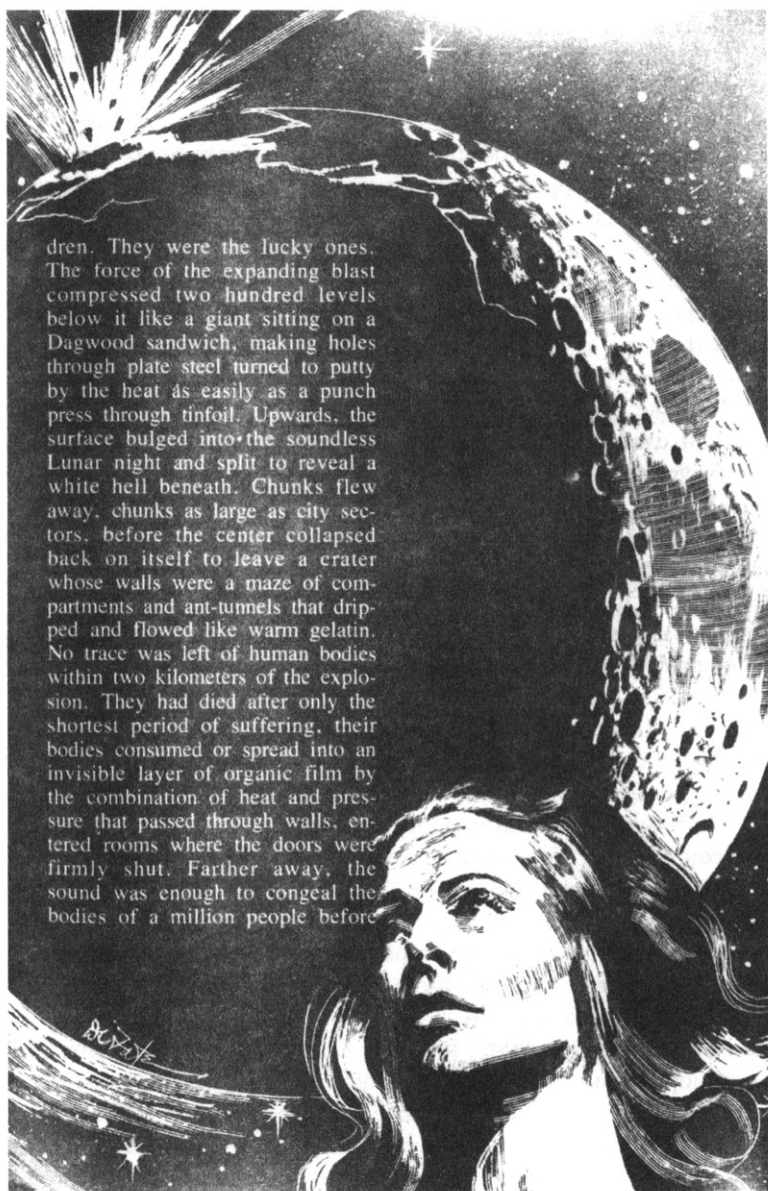
— Простите меня, — сказала она. — Я видела, что вы заволновались, и подумала, что это из-за бомбы. Было большим облегчением узнать, что это не так.

— О, да, — развеяв оставшиеся сомнения, сказал Бирксон. — Сейчас уже нет смысла беспокоиться. Либо ваши люди справятся, либо нет. Если нет, то мы и не узнаем. Я хотел сказать, что это просто выше меня. Честно. Меня это заводит. Я становлюсь одержимым, напрочь забываю о других людях, кроме тех, что связаны с бомбой. Так вот, хочу сказать: вы мне нравитесь. Рад, что вы вытерпели меня. И больше я не буду вам докучать.

Бах подошла и положила руки ему на плечи.

— Могу я звать вас Роджером? Спасибо. Слушайте, если все получится, я с вами поужинаю. Дам вам ключ от города, устрою в вашу честь парад, огромную премию за работу в качестве консультанта... и мою вечную дружбу. Мы не слишком-то ладили. Давайте забудем о последних нескольких часах.

— Хорошо.

dren. They were the lucky ones. The force of the expanding blast compressed two hundred levels below it like a giant sitting on a Dagwood sandwich, making holes through plate steel turned to putty by the heat as easily as a punch press through tinfoil. Upwards, the surface bulged into the soundless Lunar night and split to reveal a white hell beneath. Chunks flew away, chunks as large as city sectors, before the center collapsed back on itself to leave a crater whose walls were a maze of compartments and ant-tunnels that dripped and flowed like warm gelatin. No trace was left of human bodies within two kilometers of the explosion. They had died after only the shortest period of suffering, their bodies consumed or spread into an invisible layer of organic film by the combination of heat and pressure that passed through walls, entered rooms where the doors were firmly shut. Farther away, the sound was enough to congeal the bodies of a million people before

На этот раз его улыбка была немного иной.

Снаружи, все происходило очень быстро. Команда с лазерной дрелью расположилась под бомбой, работая с данными о расстоянии и наводя свое орудие на нужную точку с максимально возможной точностью.

Менее чем за десятую долю секунды луч пробился сквозь слой камня и появился в воздухе Лейштрассе. Потом луч прошел через металличе-

скую оболочку дна бомбы, жизненно-важный кабель, противоположную сторону бомбы и крышку, словно всего этого там вообще не было. Прежде чем его выключили, он пробил еще один уровень.

Был виден сноп искр, послышался резкий скользящий звук, а затем глухой стук. Весь корпус бомбы содрогнулся, облако дыма вырвалось из просверленных отверстий вверх и вниз. Бах не совсем поняла, что это значит, но осознала, что, раз еще жива, то все хорошо. Она повернулась к Бирксону и, при виде него, у нее чуть не остановилось сердце.

Его обескровленное лицо стало пугающей серой маской. Рот открылся. А сам Бирксон покачнулся и чуть не упал. Бах поймала его и помогла сесть на тротуар.

— Роджер... в чем дело? Она все еще... может взорваться? Отвечай, отвечай! Что мне делать?

Бирксон слабо отмахивался, перебирая руками. Бах поняла, что он пытается успокаивающе похлопать ее. Но получалось у него не очень хорошо.

— Опасности нет, — пытаясь вновь обрести дыхание, прохрипел он. — Опасности нет. Не тот кабель. Мы перебили не тот кабель. Чистая удача, только и всего, нам просто повезло.

Бах вспомнила. Они хотели лишить Ханса контроля над бомбой. Так он все еще может ею управлять? Бирксон ответил, прежде чем она открыла рот.

— Он мертв. Хлопок... Это взорвался детонатор. Он отреагировал слишком поздно. Мы перебили обезвреживающий предохранитель. Специальная пластина сдвинулась так, что два куска урана не смогли бы соединиться, даже если процесс был бы запущен. Что он и сделал. Он запустил бомбу. Этот звук — «мммммммооууууууф!»...

Бирксон, кажется, не понимал, где находится. Он смотрел в прошлое, в место, которое его так напугало.

— Я уже слышал этот звук... детонатор... раньше, по телефону. Я инструктировал одну женщину, не старше двадцати пяти, потому что не смог добраться туда вовремя. У нее было только три минуты. Я услышал этот вой, а затем — тишина...

Бах села на тротуар рядом с ним, а ее команда начала разбирать завалы, унося бомбу, чтобы окончательно ее обезвредить, истерически смеясь и шутя от внезапного облегчения. Наконец, Бирксон смог взять себя в руки. От бомбы не осталось никаких следов, кроме некоторой пустоты в его глазах.

— Пойдемте, — сказал он, поднимаясь на ноги с небольшой помощью Бах. — У вас двадцатичетырехчасовой выходной. Вы заслужили его. Мы возвращаемся в «Горящее дерево», и вы будете смотреть, как я доигрываю партию. Затем мы поужинаем. Знаете какое-нибудь местечко?

Bagatelle, (Galaxy, 1976 № 10). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.

Nov./Dec. '78

PREMIER ISSUE!

Destinies

Edited by JAMES BAEN

THE PAPERBACK MAGAZINE
OF SCIENCE FICTION AND SPECULATIVE FACT

All NEW stories
and articles by

**POUL
ANDERSON**

**LARRY
NIVEN**

**J. E.
POURNELLE**

**SPIDER
ROBINSON**

**CLIFFORD D.
SIMAK**

**ROGER
ZELAZNY**

AND MANY MORE!

ACE 14281-8 \$1.95

СПАЙДЕР РОБИНСОН

АНТИНОМИЯ*

Первое пробуждение было ужасным.

Она была голой и ужасно замерзшей. Она оказалась в пластиковом гробу, из стенок которого торчали морщинистые пластиковые руки, что-то проделывающие с ней. В большинстве случаев, они причиняли ей ужасную боль. *У меня не бывает таких кошмаров*, вдруг подумала она. Попыталась сказать это вслух, но получилось только: «А».

Даже с учетом звукопоглощающих стенок гроба, раздался далекий голос:

— Боже, она уже проснулась.

Над ней появились глаза — в прозрачной панели, которую она раньше не замечала, поскольку через нее был виден лишь потолок, чей цвет в точности совпадал с цветом внутренней поверхности гроба. Лицо было в маске и в белой шапочке, а глаза обрамляли морщины. *Маркус Уэлби. Теперь все встало на свои места. Теперь я верю. Таких кошмаров у меня точно не бывает.*

— Кажется, вы правы. — Голос был профессионально беспристрастен.

Пластиковая рука взяла что-то, лежащее рядом с ней и прижала к ее руке: «Чпок!».

Спасибо, Доктор. Если мое сознание не хочет помнить, почему меня оперируют, наверное, оно не запомнило и саму операцию. Пока.

Она заснула.

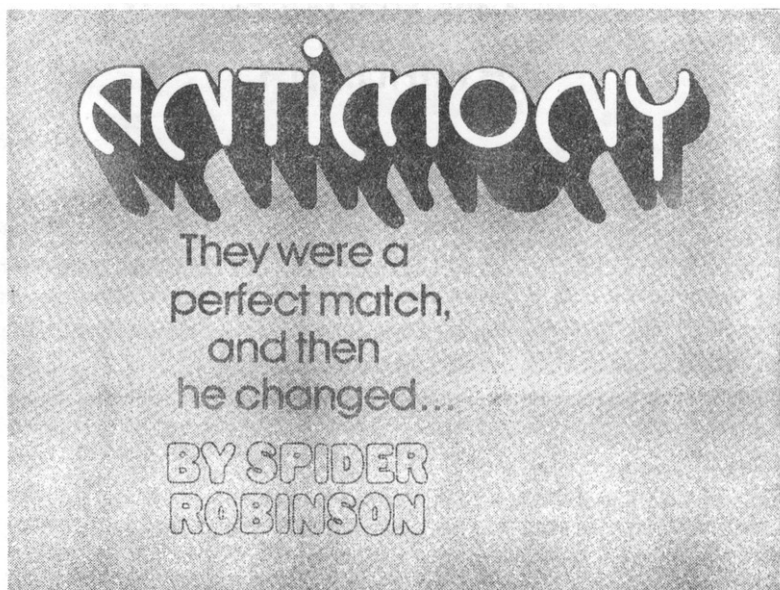
Второе пробуждение было получше.

Она удивилась, что ничего не болело. Она ожидала, что где-нибудь будет болеть, хотя, в то же время, подумала, что будет слишком одурманена, чтобы обращать на это внимание. Но ни одно из ее предсказаний не сбылось.

Она точно была больнице, хотя часть оборудования казалась сверхсовременной. Это определенно не «Бельвю»**, размышляла она. Я, наверное, заказала нечто очень необычное. Сколько прошло времени с тех пор, как я ушла спать «прошлой ночью»?

* Антиномия (греч. antinomia противоречие закона самому себе). Философское понятие, означающее сочетание (или единство) противоположных, взаимоисключающих с точки зрения формальной логики утверждений.

** Больница в Нью-Йорке (прим.перев.)

Ее руки были сложены на животе, а правая рука держала что-то твердое. Оказалось, что это обычный звонок для вызова медсестры... разве, что он был беспроводным. Подняв руку, она поняла, как ужасно ослабла, но кнопка подалась легко, – пружины там не было. *Отличная больница*, сказала она вслух, и голос ее оказался слишком высоким. *У меня что-то с горлом? Или ушами? Или... мозгом?*

Может, звонок и был улучшенной модели, но реакция на него несколько не изменилась: долгое время никто не появлялся. Она удостоила вниманием окно рядом с ней, – бесспорно больничная палата, – но то, что она увидела, глубоко ее поразило.

Она, все-таки, оказалась в «Белью», но гораздо выше и в новой башне, – это ей подсказали крыши домов через улицу и река за ними. Она впитала этот факт почти бессознательно, гораздо больше изумившись полицейскому, летающему над теми крышами в сотне метров от окна, на огромном мусорном баке.

Ах, все же мозг! Операция прошла неудачно, но пациент выжил.

На одну ужасную секунду внутри нее образовалась огромная бездна, в которую она начала падать. Но разум оказался сильнее тела. Она пожелала, чтобы бездна исчезла, и та действительно пропала. *Может быть, у меня и поехала крыша, но я не собираюсь сходить с ума окончательно*, подумала она и захихикала. Решила, что смех – это хороший признак и засмеялась опять, осознав свою ошибку только, когда поняла, что не может остановиться.

Приступ оказался милосердно короче, чем это обычно бывает: у нее просто закончились силы смеяться. Окружающая комната какое-то время плыла, но ясность вернулась довольно скоро.

Так-так. Путешествие во времени, да? Это значит...

В качестве объяснения, открылась дверь, – не медсестра, молодой человек лет двадцати пяти, на пять лет младше ее. Он был высоким и казался скромным. И одежда, и внешность его не показались ей консервативными, но она решила, что, наверное, они все-таки устаревшие – для этой эпохи. Он не походил на того, кто прихорашивается больше, чем требуется. У него был пистолет, но его рука находилась далеко от рукоятки оружия.

– Какой сейчас год? – спросила она, когда он открыл рот, и человек тут же снова закрыл его.

Вид у него сделался радостный, он снова открыл рот, но она спросила: «А от чего я умерла?», и рот опять закрылся. Он постоял так секунду и затем, когда все обдумал, она заметила, что его ликование прошло.

Но вместо ликования возникло едва различимое, скрытое наслаждение.

– Поздравляю вас с быстротой вашего выздоровления, – сказал он довольным тоном. – Вы избавили меня от двадцати минут тяжелой работы.

– Черта с два! Я догадываюсь, что тут происходит, так вот, это сэкономило тебе максимум секунд двадцать. «Как» и «почему» займет у тебя столько, сколько ты и ожидал. И не забудь «когда». – Ее голос все еще было слишком высоким, хотя уже и не настолько.

– Как насчет «кто»? Я – Билл Маклафлин.

– А я Мария Антуанетта. *Какой сейчас, черт возьми, год?* – Язвительность стоила ей последней энергии, и когда он ответил «1995», звуки вокруг стали затихать, а фосфорные пятна перед глазами расти и расплываться. Она была слишком поражена ответом, чтобы разозлиться.

Что-то снова случилось с рукой, и картинка со звуком вернулись, даже с большей четкостью.

– Простите меня, мисс Хардинг. Первое, что я должен делать – это дать вам стимулятор. Но первое, что должны делать *вы* – это оставаться в сознании хотя бы частично.

– Кажется, со вторым пунктом мы разобрались, – сказала она уже обычным голосом, – и он мне подсказывает, что я была трупом десять лет. Так что, скажи мне, что стряслось, и почему я ничего из этого *не помню*. Насколько я знаю, я легла спать у себя дома и проснулась тут, внутри какого-то ящика, похожего на размораживатель.

– Я надеялся, вы *помните*, с учетом вашего первого вопроса. Я так надеялся, мисс Хардинг. Вы бы стали первой... неважно... Ваш следующий вопрос ясно показал, что это не так. Если вкратце, то десять лет назад вы узнали, что у вас лейкомия...

– Миелоцитарная или лимфоцитарная?

– Не та и не другая. Острая.

Она побледнела.

– Неудивительно, что у меня подавлены воспоминания.

– Нет. Дайте мне закончить. Диагноз был острая лейкемия, новая тяжелая разновидность с непредсказуемым исходом. Менее, чем за шестнадцать недель, врачи испробовали кортикостероиды, L-аспарагиназу, цитозин-арабинозид, массивное облучение и mercrystate кристаллы с успехом не большим, чем они ожидали, то есть никаким и даже отрицательным. Они сказали, что новая технология пересадки костного мозга должна помочь, но это станет возможным лишь через несколько лет. Так что вы решили заморозить свое тело до лучших времен. Следующие несколько недель вы улаживали свои дела и затем пришли в Центр Холодного Сна и подверглись криоконсервации.

– *Заживо?*

– Они только что объявили, что совершили большой прорыв. Неделя специальных лекарств, насыщенная гелием атмосфера, и можно разморозить живого человека вместо хорошо сохранившегося мяса. Вы попали в число первых, прошедших процедуру.

– И в чем подвох?

– Процесс стирает из памяти последние шесть-двенадцать месяцев.

– Почему?

– Я разбрасывался терминами, чтобы показать, как тщательно я прочитал ваше досье. Но я не врач. Я не понимаю научных объяснений и смею добавить, что вы тоже не поймете.

– Ладно. – Хардинг забыла в чем дело, сразу и навсегда. – Если вы не врач, то кто вы, мистер Маклафлин?

– Просто Билл. Я – ориентатор. Слово будет вам незнакомым...

– ... но я понимаю, что оно значит, Билл. Если развитие значительно не замедлилось с тех пор, когда я была жива, то десять лет – это чертовски много. Ты будешь учить меня, как одеваться, говорить и находить дамскую комнату.

– И, надеюсь, остаться в живых.

– Надолго? Меня вылечили?

– Да. Имплантат в позвоночнике, установленный сразу после того, как вас пробудили. Он выделяет лейкоциты-антагонисты, количество которых регулируется в зависимости от их содержания в крови. Антагонисты блокируют раковые клетки.

– Ловко. Мне всегда нравилось управление с обратной связью. А там построена защита от дурака?

– Всего не предугадаешь. О, каждые пять лет нужен новый имплантат, и, прежде, чем вас выпишут, придется пройти недельный курс химиотерапии, чтобы убедиться, что организм не отторгнет имплантат. Но худший

побочный эффект, о котором мы знаем, это частичная потеря волос. Вас вылечили, мисс Хардинг.

Она, наконец-то, смогла вздохнуть спокойно, впервые с начала беседы. С успокоением пришла сонливость, но Хардинг знала, что ее клонило в сон из-за лекарств, и была довольна, что сопротивлялась этому столько, сколько нужно, хотя и не совсем сознательно. Она не любила лекарства, которые заставляют все забывать, — она предпочитала беспокоиться, если была такая возможность.

— Вирджиния, а не мисс Хардинг. И я довольна ориентатором, которого мне предоставили, Билл. Тебе будет трудно достучаться до меня, но ты еще не сказал ни одной глупости, что в данных обстоятельствах делает тебя выдающимся человеком.

— Хотелось, чтобы так оно и было, Вирджиния. Кстати, вы, без сомнения, будете рады узнать, что ваше состояние не уменьшилось. Вообще-то, оно даже приумножилось.

— А вот и они.

— Прошу прощения?

— Два тупых утверждения за раз. Во-первых, конечно, мое состояние выросло. Такая сумма денег *всегда* растет, — что является одним из основных недостатков нашей экономической системы. Что может быть глупее, чем гусь, настаивающий на том, чтобы похоронить его в золотых яйцах? Что ведет к глупости номер два: я совсем даже не рада этому. Надеюсь, что разорилась.

На лице Билла появилась легкое недоумение, которое вскоре сменилось тем, что он озадаченно нахмурился.

— Наверное, вы правы насчет первого, но, что касается второго, это скорее невежество, чем глупость. Я никогда не был богат, — с тоской в голосе добавил он.

— Не думай об этом. Довольствуйся тем, что есть.

— Пожалуй, поверю вам на слово, — с сомнением произнес он.

— Когда я почувствую голод?

— Завтра. Сейчас вам можно ходить, если не будете увлекаться, и где-то через час нужно будет поспать.

— Ну, тогда идем.

— Куда?

— Куда? *На улицу*, Билл. Или на ближайший балкон или в солярий. Я десять лет не дышала свежим воздухом.

— Тогда в солярий.

Пока он помогал ей надеть халат и сунуть ноги в шлепанцы, дверь скрипнула и открылась, представив взору человека в выдавшем виды белом наряде врача на службе, не считая того, что стетоскоп у него на шее был, как и звонок для вызова медсестры, беспроводным. Датчик, без со-

мнения, лежал в нагрудном кармане врача, и Вирджиния могла поспорить, что он нагрелся от тепла его кожи.

Только что вошедший казался на пару лет старше нее, приятно выглядевший мужчина с седеющими висками и простым лицом. Она узнала его глаза, с морщинками в уголках, и поняла, что это именно тот доктор, который вглядывался в ее пластиковый гроб.

– Здравствуйте, доктор Хиггинс. Вирджиния Хардинг, это доктор Томас Хиггинс, глава отделения криомедицины больницы «Бельвю».

Хиггинс посмотрел ей прямо в глаза и склонил голову в знак приветствия.

– Мисс Хардинг. Рад видеть, что вы уже на ногах.

Все тот же бесстрастный голос. Скудный человек.

– Вы отлично со мной поработали, доктор Хиггинс.

– За исключением того, что вы пришли в сознание раньше положенного. Но приборы говорят, что психологически вы не пострадали, и я склонен им верить.

– Они правы, я – крепкий орешек.

– Знаю. Вот почему я привел вас в сознание через двенадцать часов вместо семи дней. Знал, что тогда ваше подсознание пострадает меньше.

Проницательные машины, подумала она. Не думаю, что мне это понравится.

– Доктор, – вмешался Маклафлин, – не хочу вас перебивать, но мисс Хардинг хотела подышать свежим воздухом, и...

–... и меньше чем через час ей нужно поспать. Понимаю. Я вас не задерживаю.

– Спасибо, доктор, – сказала Вирджиния Хардинг. – Хотела бы еще поговорить с вами завтра, если вы не заняты.

Он почти что нахмурился, но вовремя одернул себя.

– Возможно, как-нибудь на неделе. Наслаждайтесь прогулкой.

– Конечно. Обязательно. Спасибо.

– Благодарите Хоскинса и Парвати. Это они сделали имплантат.

– Поблагодарю завтра. До свидания, доктор.

Она ушла с Маклафлином, и как только дверь за ними захлопнулась, Хиггинс подошел к окну и со всей силы ударил по нему кулаком, разбив ударопрочное стекло и две костяшки. Осколки летели долгих тридцать этажей, и он не услышал, как они упали.

Маклафлин вошел в кабинет и закрыл дверь.

Кабинет Хиггинса не был маленьким или бедно обставленным. Повсюду стояла удобная мебель, и вообще все помещение имело обжитой вид, и было похоже, что, его квартира, напротив, должна быть маленькой и бедно обставленной. Полки с книгами закрывали две стены: в большин-

стве тома выглядели медицинскими и часто используемыми. Основным цветом комнаты был черный, — совсем не модный цвет, — но не болезненного оттенка, а больше похожий на ночное небо. Это придавало рубиново-красным цветам на столе особую яркость, а что касается изобилия ухоженных растений, буйным всплеском различных оттенков, десятками стоящих под широким западным окном (сейчас непрозрачным), оттенков, для которых в нашем языке есть только одно общее слово — «зеленый». Растения придавали четкие очертания всему, что двигалось в кабинете, и принесли как посетителю, так и хозяину большее облегчение.

Но владелец кабинета в этот момент никак не использовал обострившееся восприятие. Он неподвижно уставился на стол, а именно, на пустое место, куда бы он поставил фотографию жены и детей, если бы они у него были. Он не видел Маклафлина даже, когда пытался, — его слепили слезы. Если бы Маклафлин их не видел, то мог бы подумать, что хозяин кабинета находится в гипнотическом трансе или теплом тумане мечтаний, но ни то и ни другое не было настолько необычным, чтобы стоило об этом упоминать.

Поскольку слезы Маклафлин все-таки заметил, то не вышел молча из кабинета.

— Том. — Ответа не последовало. — Том, — сказал он снова, но уже громче, и затем: —ТОМ!

— Да? — ровно спросил Хиггинс, словно человек, разговаривающий по внутренней связи.

Его взгляд оставался неподвижным, но глубокие морщины вокруг глаз слегка расслабились.

— Она спит.

Хиггинс кивнул. Он взял бутылку из открытого шкафа и сделал большой глоток. Ему не пришлось ее открывать, и в ней оставалось не так уж много содержимого. Он неуклюже поставил ее на стол.

— Ради Бога, Том, — немного раздраженно сказал Маклафлин. — Ты напоминаешь монсеньора Рика из *«Касабланки»*. Хочешь, чтобы я воспроизвел «Как уходит время»?

Хиггинс в первый раз поднял глаза и блаженно улыбнулся.

— Ну, можешь и спеть, — спокойным голосом ответил он. — «Ты должен помнить... как уходит время». — Он снова улыбнулся. — Я часто себя спрашиваю об этом.

Хиггинс снова уставился на стол, очевидно, забыв о существовании Маклафлина.

Жалость этого человека к себе поразила Маклафлина и глубоко его задела.

— Боже, — резко сказал он. — Все так плохо?

Хиггинс не отреагировал. Затем Маклафлин увидел руку Хиггинса, на которой была повязка, и втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Снова позвал Хиггинса по имени, что не вызвало вообще никакой реакции.

Маклафлин вздохнул, вытащил пистолет и всадил пулю в потолок. Грохот, несколько раз отразившись от звуконепроницаемых стен и окон, наполнил кабинет.

Хиггинс яростно вскочил с места, придя в чувства одновременно с тем, как его пистолет покинул кобуру. Теперь он казался вполне трезвым.

— Наконец-то я привлек твое внимание, — сухо сказал Маклафлин. — Может, расскажешь, в чем дело.

— Нет, — скорчив гримасу, ответил Хиггинс. — И да, и нет. Не думаю, что у меня есть выбор. Она ничего не помнит. — Его голос изменился на последней фразе, так что это прозвучало почти как вопрос.

— Нет, не помнит.

— Как и все остальные. Почти сотня пробудившихся и никто из них не помнит, что случилось за шесть-двенадцать месяцев до того, как их усыпили. Но я все равно почему-то надеялся... так надеялся...

— Когда ты дал мне ее досье, ты сказал, что «знал ее раньше» и не хотел быть рядом, чтобы «не расстраивать ее». Ты просил обеспечить ей особый уход, заботиться о ней как можно лучше, и неприкрыто мне польстил, ска-

зав, что я лучший ориентатор. Затем ты вдруг ворвался в ее комнату без всякого повода, начал бесцельно болтать, сломал руку и напился. Значит, ты любил ее. И любишь до сих пор.

— Я диагностировал ей лейкемию, — бесстрастно сказал Хиггинс. — Сложно пропустить опухоль верхней части брюшной полости и лимфатического узла в паховой области, когда занимаешься любовью, но я не замечал этого много недель. В конце концов, когда у нее выпал зуб, а кровотечение не прекращалось, и я все понял... — Он замолчал.

— Она тебя тоже любила.

— Да, — голос Хиггинса был пустой и лишенный эмоций.

— Черт побери, Том, — взорвался Маклафлин. — Ты не мог подождать, пока... — он прервался, горько подумав о том, что Вирджиния Хардинг составила о нем слишком хорошее впечатление.

— Мы пытались. Мы знали, что каждый день промедления уменьшает шансы на выживание после криосна, но все равно пытались. Она на этом настояла. Затем наступил переломный момент... о, черт, Билл, *черт возьми*.

Маклафлин был рад услышать чертыхания, — первый признак того, что выходит пар.

— Ну, теперь она жива и здорова.

— Да. Я уже три месяца благодарю Бога, с тех пор, как Хоскинс и Парвати объявили о явном успехе в разработке спинномозговых имплантатов. Я благодарил Бога десятки тысяч раз, но не думаю, что он хоть раз поверил мне. Не думаю, что я хоть раз себе поверил. Делает ли это меня эгоистичным сукиным сыном?

Маклафлин ухмыльнулся.

— Глава отделения, а живешь, как монах, потому что эгоист. Много лет каждый заработанный тобой грош куда-то исчезал, и все удивлялись, почему ты так дружелюбен с Хоскинсом и Парвати, которые даже не в твоём отделении, и только теперь, когда до меня дошло, куда уходили деньги, я понял, насколько ты, и правда, эгоистичный сукин сын, Хиггинс.

Хиггинс мрачно улыбнулся.

— В тот последний месяц мы много об этом разговаривали. Я тоже хотел погрузиться в криосон на столько, сколько придется пробыть замороженной ей.

— И что бы это дало? Тогда бы никто из вас ничего не помнил.

— Но мы бы заснули и проснулись в *одно и то же время*, оставшись с одним и тем же набором воспоминаний, ведущему ко дню, когда мы встретились. И остались бы теми же людьми, которые когда-то любили друг в друга, и мы могли оставить себе записки, и все было бы предreshено. Но она и слышать об этом не хотела. Вирджиния твердила, что мы можем потерять воспоминания на гораздо больший срок, или даже на-

всегда, что нет никаких гарантий. Я продолжал настаивать на своем, приводил все возможные и невозможные доводы. Наконец, она вспомнила о нашей разнице в возрасте.

– А с этим-то что?

– Вирджинии было тридцать, мне – двадцать. Как тебе сейчас. Мы об этом часто шутили, но меня это всегда немного задевало. Так что она попросила меня подождать пять лет, а затем, если я все еще буду этого хотеть, сделать по-своему. За те пять лет я дорос до главы отделения, потому что старался делать все, что могу, для того, чтобы она выжила. И на пятый год пришли к выводу, что ее тип лейкемии можно вылечить с помощью пересадки костного мозга, и я остался еще на два года, которые ушли на то, чтобы убедиться в ошибочности этой теории. На восьмой год Хоскинс начал искать лейкоциты-антагонисты, и мне снова пришлось оставаться комнатной температуры, чтобы финансировать его, потому что никто другой не признавал, что Хоскинс гений. Когда он познакомился с Парвати, я понял, что у них все получится, и сказал себе, что если я нужен им, то нужен и ей. Я не был богатым, как Вирджиния, – мне пришлось работать, чтобы хорошо финансировать их обоих. Так что я остался.

Хиггинс протер глаза и затем аккуратно положил руки на стол, левую на правую.

– Теперь нас разделяет десять лет, а на самом деле больше, потому что сейчас время летит быстрее. Полюбит она меня снова или нет?

Перевязанная левая рука сползла с правой и начала постукивать по столу.

– Десять лет я говорил себе, что смирюсь с любым ответом. Десять лет это было последнее, о чем я думал перед сном, и первое после того, как проснусь. *Полюбит она меня или нет?* Она заставила меня пообещать, что, когда проснется, я все ей расскажу, расскажу, какова была наша любовь. Она поклялась, что полюбит меня снова. Я пообещал, и она, наверное, поняла, что я соврал, или подозревала, потому что оставила в своем досье десятистраничное письмо самой себе. В день, когда я стал главой отделения, я сжег эту чертову бумагу. Не хочу, чтобы она любила меня только потому, что должна. Полюбит она меня или нет? Десять лет я верил, что выдержу любой ответ. Но когда пришло время ее будить, я потерял мужество. Я не могу услышать, что она скажет. Поэтому дал ее досье тебе. И потом, когда увидел ее на экране, услышал ее голос из динамика, понял, что не выдержу ответа *нет*.

Хиггинс неуклюже потянулся к бутылке и опрокинул ее. Невероятно, но она ухитрилась разбиться о толстый, черный ковер, и содержимое разлилось еще более темным пятном. Хиггинс обдумывал произошедшее, пока робот-пылесос, неодобрительно гремя, собирал стекло.

– Знаешь какой-нибудь алкогольный магазин, у которого есть служба доставки?

– В этот день и эту эпоху? – воскликнул Маклафлин, но Хиггинс не слушал. – Боже мой, – внезапно продолжил он. – Вот же.

Он достал фляжку и, поставив ее на стол, толкнул вперед.

Хиггинс взглянул на Маклафлина.

– Спасибо, Билл, – поблагодарил он и сделал большой глоток.

Маклафлин сделал тоже самое и передал фляжку обратно. Какое-то время они сидели в тишине, в общности и товариществе, таких же древних, как алкоголь, как сама боль. Искусственная кожа убедительно скрипела, пока они передавали фляжку туда-сюда. Их дыхание замедлилось.

Если часы тикают на столе, но их никто не слышит, если ли звук на самом деле? Разве в звуконепроницаемом кабинете с непрозрачными стеклами не стоит вечная ночь? Двое разделяли долгую ночь настоящего, забывая о прошлом и будущем, почти полчаса, пока, в остальном мире, многие сотни людей работали, плакали, смеялись, спали, смотрели телевизор, кричали, ходили в гости к родственникам и друзьям, курили, ели и умирали.

Наконец, Маклафлин вздохнул и посмотрел себе на руки.

– Когда я был аспирантом, – сказал он ладоням, – я застрял в индейской резервации в Нью-Мехико. Сдружился с одним стариком по имени Уаном, лицо у него было, как карта пустыни. В его культуре отношения между дедом и внуком очень близкие. Он показал мне кости своего деда. Научил меня молиться. В одну ночь, сын его племянника, парень, на которого он возлагал большие надежды, напился в одиночку и упал с мотоцикла. Сломал шею. Я услышал об этом и той ночью навестил Уаному. Мы сидели под луной, – это было полнолуние перед осенним равноденствием, – и смотрели на костер, пока от него не остался лишь пепел. Сразу после того, как последние угли потемнели, Уаном поднял голову и закричал на языке зуни: «Аи-йя, мое сердце полно печали».

Маклафлин взглянул на босса и сделал глоток.

– Знаешь, белому человеку невозможно сказать такие слова и не выглядеть при этом глупо. Или наигранно. Хоть это и простая фраза, универсальная для всех людей, белый не может сказать ее. С тех пор я пытался два-три раза. Никак не получается произнести ее на английском.

Хиггинс болезненно улыбнулся и кивнул.

– Я тоже кричал, – продолжил Маклафлин, после Уаномы. Английский вариант был такой: «Аи-йя, сердце моего брата полно печали. Его сердце – мое сердце». Так получилось, что с тех пор я не пытался это повторить, но, как можно заметить, звучит оно очень фальшиво.

Улыбка Хиггинса стала менее болезненной, его глаза утратили часть прищура.

– Спасибо, Билл.

– Что будешь делать?

Улыбка приобрела прежний вид.

– То, что должен. Думаю, возьму послезавтра тебя в поход. Сможешь использовать запасной пистолет.

Лицо ориентатора стало каменным.

– Ты, правда, этого хочешь, Том? Тебе нужно быть честным с ней, ты же знаешь.

– Знаю. Нынешний мир довольно сумасшедший. У нее есть право начать новую жизнь вместо того, чтобы цепляться за прошлое. Она никогда не узнает. Последний пациент у меня в четверг, Билл. Частично, благодаря тебе. Но ты знаешь, почему в качестве ориентатора для нее я выбрал тебя, так ведь?

– Нет. Кажется, не знаю.

– Я думал, ты, по крайней мере, подозревал. Личностные характеристики – великолепная штука. Возможно, если психология когда-нибудь разовьется, мы поймем, почему получаем те или иные результаты. Согласно компьютеру, твои личностные характеристики практически полностью совпадают с моими... десятилетней давности. Вероятно, поэтому мы так хорошо ладим.

– Кажется, не совсем понимаю, к чему ты клонишь.

– Любовь – это следствие случайных событий или психологической неизбежности? Была ли наша с Джинни встреча суждена звездами или оказалась совпадением личностных качеств? Полюбит ли та женщина, которой она была десять лет назад, мужчину, которым я стал? Или того, кем я был тогда? Или кого-то еще?

– О, хватит, – раздражаясь, сказал Маклафлин. – То есть, я буду вместо тебя?

– Ага, – бросил Хиггинс. – Ты же к ней что-то чувствуешь.

– Я... – Маклафлин покраснел.

– Ты – моя замена, – спокойно сказал Хиггинс. – И, как ты сам сказал, ты – мой брат. Хочешь еще выпить?

Маклафлин открыл рот, а затем закрыл. Он вскочил и пулей выбежал из кабинета, оказавшись в коридоре, налетел на молодую медсестру с рыжими волосами и неправдоподобно голубыми глазами. Пробормотал извинения и понесся дальше, толком ее не рассмотрев. Он не знал Дебору Мэннинг.

А оставшийся в своем кабинете, Хиггинс отключился.

В течение следующего дня, Хиггинс осознавал, что на него странно смотрят. Автоматически выполняя свои обязанности, он мало что замечал, кроме посторонних взглядов. Казалось, огромный больничный комплекс

заполнен уже почти застывшим, серым желе. Хиггинс упорно пробирался сквозь него, издавая ртом звуки, принимая решения, делая отметки на документах, и занимаясь прочими вещами, соответствующими его должности, используя наименее загруженный участок мозга. Но то, что на него смотрят чаще обычного, он понимал.

Слухи в больнице распространяются так, как нигде больше. Если хотите что-нибудь донести до всех работников, самым лучшим способом будет рассказать двум медсестрам и интерну, а не собирать весь персонал и делать объявление. Маклафлин точно никому ничего не говорил, даже своему гипотетически лучшему другу, потому что знал, что у любого ближайшего друга был, по крайней мере, *еще* один ближайший друг. Но, как минимум, три сотрудника операционной знали, что старик вчера разбудил кого-то лично. А уборщик был в курсе того, что старик имел привычку заскакивать в подвал раз в неделю или около того, как раз после начала похоронной смены, чтобы проверить несуществующий прогресс пациента по имени Хардинг. И команда операционной, и уборщик работали в одном (по общему признанию, огромном) крыле, хотя и на разных этажах. Как и машинистка, обрученная с анестезиологом, в чьем ведении было досье Вирджинии Хардинг. В течение двадцати четырех часов, весь персонал больницы и большинство пациентов сумели сложить два и два.

(Вирджиния Хардинг, конечно, тоже что-то слышала, но не больше парочки неясных слухов. Персонал больницы мог терять меркурохром. Часто терял карточки пациентов. Но секреты от него никогда не ускользали.)

Глаза смотрели на Хиггинса весь день. И, возможно, не было ничего удивительного, что они наблюдали за ним и во сне. Но это не пугало его и не беспокоило. Глаза, постоянно за кем-то наблюдающие, со временем становятся, словно вторым эго, освобождая наблюдаемого от груза самонализа. Они почти успокаивают. Помогают. *Я бывал во многих местах, у меня было много пациентов прежде, чем я стал работать над ней, подумал Хиггинс, бреясь этим утром, и они меня изменили. Полюбит она меня или нет?*

Позже у него было три бесконечных часа работы, и затем, наконец, серое желе рассеялось, а сознание прояснилось, и она предстала перед ним, одетая для улицы и разговаривающая с Маклафлином. Потом были приветствия, какие-то объяснения его присутствия в ее палате, и они покинули помещение, чтобы разгадать лабиринт коридоров, ведущий на улицу и город снаружи.

Это был теплый осенний день. Улицы оказались необычно переполненными людьми и машинами, но Хиггинс и Маклафлин знали, что Вирджинии они не покажутся такими уж необычными. Небо казалось непривычно пасмурным, а воздух — очень влажным, но Хиггинс знал, что она посчитает по-другому. На лицах прохожих легко были заметны оптимизм

и воодушевление, и он чувствовал, что с этим суждением она согласится. Такой образ мышления не был для него новым. Уже более пяти лет, с тех пор, как мир, который знала Вирджиния, изменился так, что даже Хиггинс это заметил, он привык смотреть на него ее глазами. Даже не осознавая этого, он отмечал изменения, произошедшие за последнее десятилетие точнее, чем его ровесники, вероятно, даже точнее, чем Маклафлин, чей интерес был только профессиональным.

К тому же, зная ее лучше, чем Маклафлин, Хиггинс мог предугадывать ее вопросы. Полицейский пролетел над головой на летающем ведре, и Маклафлин начал описывать, как силовые поля влияют на ее движимое имущество и другие финансовые интересы. Хиггинс оборвал его до того, как это могла сделать она, рассказав, как персональные летательные аппараты повлияли на общественные и половые традиции, заслужив улыбку Вирджинии и задумчивый взгляд ориентатора. Когда Маклафлин начал перечислять незнакомые технические новинки, которые ей скоро встретятся, Хиггинс прервал это коротким рассказом о происходящем возрождении американской духовности. Когда Маклафлин дал ей портативный телефон, крепящийся на запястье, Хиггинс показал, как настроить его, чтобы не принимать звонки.

Маклафлин, конечно, уже много рассказал ей о второй гражданской войне и фактическом истреблении чернокожих в Америке, и поразился сам, что она этому почти не удивилась. Но сейчас, когда он отметил, что жестокость конфликта не имела себе равной, Хиггинс увидел возможность аргументировать свою точку зрения, частично объясняя кровопролитие повторением речи самой Вирджинии, которую она произнесла десять лет назад по поводу глупой идеи перестройки городов так, чтобы незамедлительно переместить дешевое жилье поближе к городским и пригородным развязкам. «Настоящая катастрофа», — одобрительно согласилась она и решила не упоминать, что точно такая же фраза соскочила с ее языка десять лет назад. Хиггинс разрешил себе приободриться.

Но, примерно тогда, когда они подходили к одному из новых парков в центре города, Хиггинс заметил особое выражение на лице Маклафлина и понял, что раньше уже видел его... изнутри.

Он сразу же устыдился дурацкого удовольствия, которое получал, переигрывая более молодого соперника. Это было недостойной победой, достигнутой с помощью нечестно полученного преимущества. Хиггинс с горечью решил, что он бы никогда не устроил эту «дуэль с молодым собой», если бы был самодовольно уверен в ее исходе, и его самооценка резко упала. Он закрыл рот и позволил Маклафлину направлять беседу.

Она тут же свернула туда, куда Хиггинс пойти не мог, даже если бы попытался.

Зайдя в парк, трио прошло мимо группы подростков. Хиггинс не обратил на них никакого внимания, — он уже давно достиг такого возраста, что молодежь, особенно собравшись в группы, относилась к нему, как к инопланетной форме жизни, и уже почти был готов согласиться с ними. Но заметил, что взгляд Вирджинии Хардинг остановился на них, и последовал ее примеру.

Группа громко болтала, но их речь была непонятной молодежной тарбарщиной. Хиггинс не мог понять, что же в них так поразило Хардинг. Одеты они были примерно так же, как и любой из сотен подростков, мимо которых она прошла, в общем, совсем не выделялись из общей массы. Но теперь, когда Хиггинс присмотрелся, то понял, что их лица сияют интеллектом выше среднего. Это была типичная гордость студентов, с веками отшлифованным цинизмом. Что весьма сильно расходилось с хрипотцой их голосов. Но Хиггинс так и не мог понять, что привлекло к ним интерес Хардинг.

— Что, черт побери, они говорят? — спросил она, посмотрев на них через плечо, когда они уже прошли мимо.

Хиггинс напрягся, услышав только какой-то бред. Он увидел, как Маклафлин ухмыльнулся.

— Они дурачатся, — сказал ориентатор.

– Прошу прощения?

– Потешаются. Последний писк моды в области тонкого юмора.

Лицо Хардинг все еще было полно любопытства.

– Ну, это пошло еще от «Огненного театра»* семидесятых. Их выступления заложили фундамент для бессмертного Спивака, который и создал то, или как он это называл – разговор с приподнятым языком. Служит, чтобы общаться уклончивыми фразами, хотя и придуман, чтобы вообще-то передавать информацию, несмотря на то, что выглядит прямо противоположно. Смысл в том, чтобы говорить *почти* понятно, выражать свою точку зрения, избегая прямых и понятных фраз.

Хиггинс, испугавшись, фыркнул.

– Не уверена, что понимаю, – сказала Хардинг.

– Ну, например, если Спивак хотел публично оклеветать, скажем, президента, он бы подурачился так. Ну... – Маклафлин изменил голос так, что стал очень походить на проигравшего боксера, пытающегося говорить важно, – вон тот парень, видите, в юности мы его называли парнем с бумажной задницей. Как вы назовете того, кто сосет чернику через трубочку, а? Такой парень с радостью бы свистнул в дверную ручку, понимаете, к чему я клоню? У него не все большие пальцы на месте.

Хардинг захихикала. Хиггинс весь покрылся потом.

– Я вам говорю, самая большая слива у него под ухом, понятно? Если бы бакенбарды были огурцами, у него была бы коза. Первый признак навьюченных животных, и он уже под своими штанами. Если бы я был на вашем месте, то держал бы палец подальше от *его* носа, и можете забыть, что я так говорил. Спокойной ночи.

Хардинг уже хохотала вовсю.

– Это просто чудесно! – Ее аж трясло от смеха. – Это самая... замечательная вещь, которую я когда-либо готовила.

Маклафлин засмеялся.

– Меня никогда так не узнавали во всей моей обуви.

Теперь они оба смеялись, и у Хиггинса оказалось примерно четыре секунды, за которые ему нужно было выхватить из-за спины персональный телефон и набрать свой собственный номер прежде, чем они смогли бы заметить, что он стоит все там же, понять, что бросили его, и начать вежливо извиняться, и ему это удалось, но, даже за такое короткое время, он успел поразмышлять о том, что совместный искренний смех может быть столь же интимным, как и занятие любовью. *Возможно, он даже является предпосылкой к интиму*, подумал он, когда телефон уже заиграл свою стандартную мелодию.

Пока он включал наушники и вертел телефон в руках, у него появилось время, необходимое для того, чтобы изобрести причину, требующую

* «Огненный театр» – американская комедийная труппа.

его немедленного возвращения, и Хиггинс удивился своей поразительной изобретательности, хотя при этом так и не сумел придумать ни единой шутки. Он действительно пытался сделать это, пока разговаривал с несуществующим собеседником, удлиняя беседу нечленораздельными звуками, чтобы выиграть побольше времени. Когда он был готов положить трубку, и, своим лучшим голосом а-ля У.К. Филдс*, произнес: «Кажется, что один из моих клиентов приобрел фарфалонис для горла», и, к полнейшему ужасу Хиггинса, они враз сказали: «Что?» и только потом до них дошло, но в эту секунду он возненавидел Маклафлина больше, чем все, что когда-либо ненавидел, даже больше, чем рак, проникнувший в организм Вирджинии. *Сохраняй спокойное лицо*, яростно приказал он себе. Она глядит на тебя.

И за долю секунду до того, как Хиггинс потерял бы над собой контроль, Маклафлин спас положение, продолжив пародию на боксера.

— О, Боже, Том, это же крепкий сидр. Если это не одно, то сразу два. Продолжай, мы согреем твои ноги.

— Алло, Вирджиния, — кивнул Хиггинс.

— Здравствуйте, доктор, — ни с того, ни с сего по-немецки сказала она.

Он повернулся, чтобы подойти к ней, и увидел, как самый высокий из группы подростков согнулся, схватился за живот, шагнул четыре шага назад и растянулся на земле, как в стельку пьяный. *Но у пьяных из живота не хлещет красное*, безумно подумал Хиггинс и тут же его ушей достиг грохот выстрела.

Вот черт!!!

Глаза доложили ему: черный мужчина средних лет с трехдневной щетиной на щеках в сотне метров в сторонке и в двадцати над землей на украденном летающем ведре с кровью на корпусе. Стрелял из полицейской винтовки с оптическим прицелом очень большого калибра. Очевидно, обезумевший от горя или потерявший над собой контроль, он не использовал оптику, а стрелял от бедра. Его лоб и щека были в крови, а глаз выбит: какой-то полицейский дорого отдал свою вертушку.

Память подсказала: прошло уже шестнадцать недель с тех пор, как Филадельфийский договор «окончил» вторую гражданскую войну. Тем не менее, ближайшим родственникам продолжали сообщать о новых жертвах. Конверт, торчащий из его нагрудного кармана, не походит на официальное письмо.

Уши добавили: произошло еще два выстрела. Несмотря на стрельбу «на глазок», точность была дьявольской, — каждая пуля в кого-нибудь да попала. Но ни одна — в Вирджинию.

* Уильям Клод Дукенфилд (Филдс) — американский комик, актер, фокусник и писатель (прим. перев.)

Нос пояснил: у всех троих раненых не выдержал сфинктер. Смерть тоже имеет свой запах, как и кровь. А другой запах – это запах страха? Руки действовали сами собой: пистолет найден, вытащен из кобуры... почти. Предохранитель снят, ствол быстро поднимается.

БЕЛАЯ МГЛА!

Пуля врезалась Хиггину в бок и дважды развернула его на месте, прежде чем уронить на землю возле тропинки. Мозг продолжал фиксировать всю поступающую от органов чувств информацию, так что, с одной стороны, он остался в сознании, но позже много дней не мог вспомнить ничего из этого, так что, с другой стороны, частично, его, все-таки, потерял. Его голова легла так, что Хиггинс видел, как Вирджиния Хардинг, пригнувшись, двигалась боком, целясь и стреляя с максимальной сосредоточенностью. Маклафлин загораживал ей обзор и быстро стрелял от бедра, и ее выстрел оторвал ему мочку уха. Маклафлин вскрикнул и опустился на колено.

Она не обратила на него внимания и помчалась к Хиггину.

– Выглядит хорошо, Том, – убедительно соврала Хардинг.

Со знанием дела, она щупала ему пульс, параллельно возясь с одеждой.

– Вызовите скорую, – выкрикнула она кому-то вне поля зрения.

Кто бы это ни был, он, очевидно, не смог понять устаревшую фразу, поскольку она добавила: «врача, черт побери, живо», разрезав воздух кнутом приказа. Когда она снова повернулась к Хиггину, Маклафлин подошел с прижатой к уху салфеткой.

– Ты грохнула его.

– Знаю, – сказала она, закончила расстегивать рубашку Хиггина и добавила, – *какого черта ты стоял передо мной?*

– Я... я, – ошарашенный, заикался он. – Пытался тебя защитить.

– От такой винтовки? – вспыхнула она. – Если бы ты оказался между мной и такой пулей, то, в результате, пуля начала бы кувыряться. Палил от бедра, как ковбой...

– Я пытался помешать ему прицелиться, – продолжал нелепо оправдываться Маклафлин.

– Чертов идиот, нельзя испугать камикадзе! Единственное, что можно сделать, это уложить его поскорее.

– Извини.

– Я чуть не отстрелила тебе чертову башку!

Маклафлин начал гневно возражать, но где-то в ту минуту несдающееся сознание Хиггина стало его покидать. Последним ощущением, которое он запомнил, были нежные руки Хардинг, касающиеся его лица. В целом, это создало отличную последовательность воспоминаний, и, когда Хиггинс позже ее пересматривал, то жалел лишь о том, что слишком быстро ушел в небытие.

С учетом всех обстоятельств, Маклафлину, можно сказать, повезло. У него ушло всего три дня довольно обычного смятения, чтобы осознать свою проблему, получить несколько вариантов решения, выбрать наименее радикальный и убедить хорошенькую медсестру помочь ему провести решение в жизнь. Но уже после этого они пошли к нему на квартиру, завалились в постель, и тут ему сильно повезло: его агрегат напрочь отказался приходить в рабочее состояние.

Маклафлин, конечно, тогда, не подумал об этом, как об удаче. Он не знал Дебору Маннинг. Вообще, он даже не знал ее фамилии. Она просто прошла мимо в нужный момент – смутно запомненное лицо, обрамленное рыжими волосами, и голубые глаза, настолько невероятные, чтобы крепко засесть в голове. С пошло-оно-все-к-черту настроением, Маклафлин храбро сделал ей непристойное предложение, словно это все еще были распушенные семидесятые, и сильно удивился, когда она согласилась. Он не знал Дебби Маннинг.

В обычных обстоятельствах, Маклафлин бы счел происшествие незначительным, сделал бы то, что подобает джентльмену и на утро попробовал бы снова. Но, находясь в той форме, в которой был, он чуть не закричал от отчаяния. Даже тогда он попытался поступить достойно, но она притянула его к себе с нежной твердостью и внимательно на него посмотрела. У Маклафлина появилось странное, необъяснимое чувство, что она была... готова к такому повороту событий.

Он редко смотрел людям в глаза, – распространенное мнение и литературные традиции утверждают обратное, – но считал, что губы лучше выражают внутренний мир. Но что-то в глазах Деборы притягивало его взгляд. Возможно, потому, что ее глаза пытались не задерживать взоры. Они пристально глядели только, чтобы собирать информацию, чтобы лучше понимать... вздрогнув, Маклафлин понял, что Дебора смотрела на его губы. На секунду, он *отвел* взгляд, разглядывая ее светлые щеки и мягкие губы, и начал искренне интересоваться ею, когда Дебора, вдруг спросила: «Она знает?» с правильным сочетанием чуткости и холодности, чтобы вскрыть его, как устрицу.

– Нет, – выпалил Маклафлин, и его боль снова потребовала внимания.

– Ну, тебе нужно все рассказать ей, – настоятельно сказал Дебора, и он заплакал.

– Не могу, – всхлипнул он, – не могу.

Она прониклась его словами. Лицо погрузнело. Она приобняла Маклафлина, и его руки легли на ее теплые лопатки.

– Это ужасно. Как ее зовут, и как до этого дошло?

Насколько этично было то, что он рассказывает Деборе все подробности, его волновало не больше того, как ей удалось понять его боль, и

почему она решила в это вмешаться. Голова Маклафлина лежала у нее на плече, а их ноги были спутаны, и он рассказал все, что отягощало его сердце. Она говорила только, чтобы подталкивать его продолжать изливать душу, стараясь не мешать, и, тем не менее, он был с ней более честен, чем с собой.

— Хиггинс пролежал в больнице три дня, — заключил он, — и она посещала его дважды в день... отпрашивалась с наших ориентирующих прогулок каждый чертов день. Передавала просьбы с главной медсестрой.

— Ты все равно пытался искать встречи с ней? После работы?

— Нет. Я и так все понимаю.

— А сердце свое ты понимаешь? Ты не кажешься тем, кто останавливается на полпути, Билл.

— Черт побери, — вскричал Маклафлин, — я не *хочу* ее любить, я пытался не любить, но не могу выкинуть ее из головы.

Дебора издала нежнейшее из фырканья.

— Тебе дадут миллион долларов, если за следующие десять секунд ты ни разу не подумаешь о зеленой лошади. — Пауза. — Ты и сам знаешь, что это невозможно.

— Ну, а как тогда можно выкинуть кого-то из головы?

— Почему ты этого хочешь?

— Почему? Потому что... — запнулся Маклафлин. — Ну, это звучит глупо, но... у меня нет на нее права. Я хочу сказать, Том буквально посвятил ей десять лет своей жизни. Он не просто мой начальник, — он мой друг, и если она ему так сильно нужна, то должна ему и достаться.

— Получается, она предмет, что ли? Награда? Он сбил больше жестяных банок, значит, и выиграл ее?

— Конечно, нет. Я имею в виду, он должен получить возможность быть с ней, по-честному, не спотыкаясь о самого себя в образе молодого жеребца. Том заслужил это. Черт возьми... это прозвучит эгоистично, но я — нечестный соперник. Кто может соревноваться с более молодым собой?

— Любой, кто не только повзрослел, но еще и вырос, — с уверенностью сказала Дебора.

Маклафлин приподнял голову — так, что смог разглядеть ее лицо.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Маклафлин чуть ли не раздраженно.

Она убрала с лица волосы, освободив несколько прядей, зажатых между телами.

— Почему доктор Хиггинс вообще втянул тебя в это?

Маклафлин открыл рот, но сказать ничего не смог.

— Он, может, и сам не знает, — сказала она, — но подсознание направляет его. Твое тоже, иначе бы ты не рассказывал эту глупость, что чувствуешь за собой вину.

— Ты вообще о чем?

– Если ты нечестный соперник, то он не заслуживает ее, и мне плевать, сколько лет он ей посвятил. Определись уже: ты плачешь потому, что не можешь с ней быть или потому, что можешь? – голос Деборы внезапно смягчился – перешел на тон, который подсознание Маклафлина могло ассоциировать только с тем, что говорил отец-настоятель из его католической юности. – Ты, правда, всем сердцем веришь, что мог бы отнять ее у него, если бы попытался?

Эти слова точно должны были ужалить, но, каким-то образом, даже не задели Маклафлина. Повисло молчание, лицо Деборы и ее взгляд выражали безграничное сочувствие, сказавшее ему, что он обязан ответить, причем ответить правду.

– Не знаю, – вскричал он и начал вставать с кровати.

Но ее нежные руки имели стальную хватку, – ему некуда было деться. Маклафлин сел на краю постели, и она пододвинулась к нему. С той же феноменальной силой, Дебора взяла его подбородок и развернула его голову к себе. Увидев ее лицо, Маклафлина словно молнией ударило. Оно, казалось, светилось само себе и стало больше, а его черты были такими нежными, что не верилось в их земное происхождение. Мышцы ее шеи от напряжения сильно выделялись, лицо и губы были полностью расслаблены, а притягивающие внимание глаза – двумя лучами рентгена невиданной силы, заглядывающими прямо в душу.

– Тогда ты должен это выяснить, не так ли? – сказала она самым естественным голосом в мире.

Затем, продолжая сидеть, смотрела, как лицо Маклафлина несколько раз заметно изменялось, и, через какое-то время, снова сказала: «не так ли» очень мягким голосом.

– Том – мой друг, – безрадостно прошептал он.

Дебора выключила свой взгляд-рентген, поднялась и начала одеваться. Маклафлин где-то в глубине души почувствовал, что должен ее остановить, но так и не смог справиться с мыслями. Одеваясь, она в первый раз заговорила о себе:

– всю жизнь люди приходят ко мне со своими проблемами, – холодно сказала Дебора. – Не знаю, почему. Иногда я думаю, что притягиваю боль. Они рассказывают мне истории, словно у меня для каждого есть мудрый совет, и, когда они пересказывают мне, в чем дело, в третий раз, то говорят, что хотят от меня услышать, и я всегда, подождав еще несколько предложений, повторяю им то, что они сказали мне. Затем их лица озаряются светом, и они уходят, восхваляя мое имя. Я к этому привыкла.

Что я хочу услышать? – спросил он себя и честно не смог найти ответ.

– Был один мужчина... как-то ко мне пришел мужчина, который был обручен уже шесть лет, еще со школьных лет. Они зашли так далеко, что уже выбрали обои для своего дома. И в один прекрасный день она сказала,

что нашла свое призвание. Бог сказал ей, что она должна стать монахиней. — Дебби вытащила рыжие волосы из-под воротника и, смотрясь в зеркало, висящее над комодом, обеими руками откинула их назад. — Сам он был убежденным католиком. По его собственным правилам, *он даже не мог расстраиваться*. Наоборот, должен был, радоваться. — Она вытерла следы от помады у основания горла. — Для этого даже есть слово, и меня удивляет, что его знает так мало людей, хотя оно и означает самое ужасное, что человек только может почувствовать. «Антиномия». Что можно объяснить, как «противоречие между двумя устремлениями, оба из которых кажутся одинаково важными и безотлагательными». — Она взяла сумочку, достала оттуда пачку сигарет с марихуаной и выбрала одну. — Я понятия не имела, что, черт побери, посоветовать ему, — задумчиво сказала она и положила сигарету на место.

Внезапно Дебора повернулась и встала лицом к лицу с Маклафлином.

— Не знаю, Билл. Я все еще не знаю, кого из вас двоих Вирджиния выберет в честном соревновании, и не знаю, что станет с доктором Хиггинсом, если ему придется ее потерять. Факел, горящий десять лет, должен быть чертовски горячим. — Она содрогнулась. — Возможно, он уже давно поджарил Хиггинса. Но, с другой стороны, ты... я бы сказала, что ты более-менее полностью выкинешь ее из головы месяцев через шесть. Максимум восемь. Если ты решишь так поступить, я вернусь за тобой через... ну, пару недель. Ты как раз будешь готов. — Дебора мило улынулась и вытянула руку, чтобы погладить Маклафлина по щеке. — Конечно... если ты решишь именно так... но ты же и сам еще не знаешь, правда? — И она ушла.

Спустя пять минут он вскочил с кровати и сказал: «Эй, подожди!» и затем точно ощутил себя глупцом.

Вирджиния Хардинг сняла наушники, выключила звук и раздраженно вздохнула. Смычок Понти* уже действительно начал дымиться, но образы, вызываемые музыкой, были невыносимо насыщенные, Хардинг непроизвольно открыла глаза... и увидела часы на дальней стене. Перерыв, который она себе позволила, закончился.

Вот я, подумала она, настоящее медицинское чудо, еще недели не прошло, как меня достали из холодильника, а уже по самое горло в работе. Боже, как я ненавижу деньги.

Хардинг, конечно, буквально могла делать, что захочет: потребуй она этого, президент совета директоров больницы с радостью бросил бы то, чем занимался, чтобы стоять рядом с ее кроватью и переворачивать за нее страницы. Но она боялась, что, имея такую свободу, не сможет себя контролировать.

* Жан-Люк Понти (англ. Jean-Luc Ponty; род. 29 сентября 1942 года, Аврани) — французский джазовый скрипач и композитор

Только бедняки могут позволить себе так бездельничать. У меня даже нет времени, чтобы прогуляться с Биллом. Черт, я все еще должна перед ним извиниться. Ее бы ничего так не обрадовало, как отлично провести целый час с молодым, красивым ориентатором, узнавая, как идти в ногу с новым обществом. Но, как правило, работа прежде развлечений, и у Хардинг были более важные дела. Состояние такого размера, как у нее, состоит из жизненной энергии многих людей, и, пока оно считается принадлежащим ей, она несет за него личную ответственность. Хардинг потеряла управление над своим капиталом на целых десять лет, а за это время заметно изменился даже сам финансовый мир. Она пыталась впитать потерянные десять лет за раз... и намеревалась не потратить ни одной секунды. В ее палате был установлен подключенный к электросети стол с доступом к управлению счетами, а слева от него стоял еще один стол, буквально вмещавший сотни флоппи-дискет, разложенных в хронологическом порядке в восемь картонных коробок, согласно названиям на каждой. А на столе справа стояла полузаполненная коробка с дискетами, содержание которых Хардинг сумела просмотреть за последние пять дней. Ей понадобилось три часовых лекций серьезного, опытного специалиста, чтобы понять хотя бы столько. Она рассчитывала столкнуться с поразительным прогрессом и множеством изменений, но реальность превзошла все ожидания.

Еще полтора часа на акт Деланье-Гарсии, решила Хардинг, полчаса на упражнения, обед и эти чертовы таблетки, урвать минут десять, чтобы навестить Тома, и затем чертовы врачи будут ставить уколы, делать анализы и проводить тесты весь оставшийся день. Поужинать, если будет аппетит, увидеться с Томом снова, и вернуться к работе. При некоторой удаче, я успею закончить 1987-ой год до того, как усну. Приступим.

Хардинг уже была на ногах, халат подпоясан, шлепанцы надеты. Она заказала по внутренней связи кофе, прошла в другой конец комнаты и села за стол, который тихо загудел. Включила экран, перевела диктофон в режим готовности и стала копаться в ближайшей коробке в поисках следующей дискеты, когда ей в голову пришла радостная мысль. Возможно, последняя дискета в коробке будет содержать краткое изложение остального содержимого. Она достала дискету, скормила ее столу, и, слава Богу, — там оказалось отличное и подробное изложение информации с остальных дискет коробки. *Считаешь, спросила она себя, на последней дискете последней коробки будут выжимки всех десяти лет? Неужели «Чарльзворси и Кавано» такие заботливые? Стоит попробовать. Боже, мне нужен более быстрый способ.* Хардинг выбрала эту дискету и отложила предыдущие, оставив их на потом.

Скрипнула и открылась дверь, впуская одного из медработников, — того, кто был отвратительно безвкусен в выборе теней для век. Он держал стакан с, как показалось Хардинг, молоком и лимонным соком в пропорции пятьдесят на пятьдесят, в котором были размешаны желтые хлопья. Пахло ужасно даже с другого конца комнаты.

— Извините, — мрачно сказала она. — Но даже в больнице вы не можете сказать, что это — чашка кофе.

— Краска для кровавых тещ, мисс Хардинг, — радостно сказал медбрат. — Распоряжение врача.

— Намекните ему, что я буду очень обязана, если он ректально вставит себе большой палец до первого сустава, поднимет себя и будет так держать на вытянутой руке, пока я не выпью эту дрянь. Посоветуйте для начала надеть пальто, поскольку ад со временем замерзнет. И, говоря об аде, *где мой кофе?*

— Извините, мисс Хардинг. Никакого кофе. Разбавляет краску... вы же не хотите, чтобы у вас были нездоровые клетки крови.

— *Черт возьми...*

— Давайте, выпейте. На вкус это гораздо лучше, чем на запах. Ну, немного.

— А что, нельзя мне это принимать внутривенно или как-нибудь еще? О, Боже, дайте мне стакан. — Она осушила его одним глотком и задрожала, от отвращения стуча кулаками по столу. — Боже! Боже! Боже! Черт! Нельзя мне просто вернуть обратно лейкемию?

Лицо медбрата стало серьезным.

— Мисс Хардинг... слушайте, это не мое дело, но на вашем месте я был бы чуть более благодарен. Парни из лаборатории старались изо всех сил, чтобы вас спасти. Вас практически вернули с того света. Почему вы не потерпите, пока мы не убедимся, что вам уже ничто не угрожает?

Посидев секунд пять совершенно неподвижно, Хардинг прочитала на его лице, что он думает, будто уже вылетел с работы.

— О, Мануэль, извини. Я не злюсь. Я... поражена. Ты прав, я была не очень благодарна за то, что для меня сделали. Просто, с моей точки зрения, насколько помню я, у меня никогда не было лейкемии. Кажется, я обижалась на врачей, пытающихся мне сказать, что когда-то я находилась на грани смерти. Постараюсь стать, и стану, хорошим пациентом. — Она скорчила гримасу отвращения. — Но, Боже, эта дрянь на вкус просто ужасная.

Мануэль улыбнулся и повернулся, чтобы уйти, но Хардинг окликнула его.

— Передадите Биллу Маклафлину, что я не смогу с ним увидеться до завтра?

— Его сегодня не было, — сообщил медбрат. — Но я передам.

Он ушел, держа стакан большим и указательными пальцами.

Хардинг вернулась к столу и вставила новую дискету, но запускать не стала. Вместо этого она закусила губу и забеспокоилась. *Я что, и правда, была такой безразличной последний раз? Когда мне сказали, что у меня был рак. Эти воспоминания исчезли потому, что я так захотела?*

Хардинг прекрасно знала, что они никуда не делись. Но все, что напоминало ей о пропавших шести месяцах, расстраивало ее. У нее не было ни одной причины жалеть об ее решении подвергнуться заморозке, но она почти это сделала. Кража воспоминаний казалась ей самым ужасным вторжением в частную жизнь, от этой мысли по ее коже пробегали мурашки, и то, что она знала об этом с самого начала и все равно согласилась, совсем не помогало думать иначе. С ее точки зрения, процедуру провели, не спросив ее, с разрешения какого-то другого человека, который когда-то занимал ее тело, совершившего самоубийство. Жизнь, скованная огромным состоянием, научила Хардинг, что воспоминания — *единственное*, что отличает ее от других, и ей не хватало их, хороших, плохих и любых других. Скучала по ним больше, чем по десяти годам, проведенным в заморозке, которых даже не чувствовала.

Хардинг снова и снова пыталась понять, что было последним перед тем, как легла в пластиковый гроб, и обнаружила, что эта задача безумно трудная. В ее памяти было как минимум шесть кандидатов на последний-запомненный-день, но ни один из них не был прочно связан с конкретной датой или со временем, и, к тому же, один-два кандидата казались ложными воспоминаниями, крионическими снами. У Хардинг было ощущение, что, если бы она попыталась сразу после пробуждения, у нее бы получилось, так же, как иногда можно вспомнить, что снилось последним, если попробовать только что проснувшись. Но, как и всегда, в те минуты она действовала рационально, используя всю свою энергию, чтобы приспособиться к новым условиям.

Черт побери, я хочу вернуть эти воспоминания! Знаю, что обменяла шесть месяцев на целую жизнь, но, с такой скоростью, пройдет еще пять месяцев и двадцать пять дней прежде, чем я сравняю счет. Думаю, я поставила бы какой-нибудь рекорд... если бы только додумалась вести дневник!

Она скорчила гримасу отвращения, посетовав на недостаток предусмотрительности мертвой Вирджинии Хардинг, и, рассержено ударив по клавише, запустила дискету с данными. А затем у нее отвалилась челюсть, и она воскликнула:

— Иисус Христос на летающем ведре!

Первый кадр гласил: «ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК ВИРДЖИНИИ ХАРДИНГ».

Если вам никогда не делали серьезные операции, вы, вероятно, не знакомы с последствиями трех дней приема морфия и еще дня димедрола. Довольно похожие симптомы можно получить, приняв большую дозу ЛСД-25 будучи в стельку пьяным. Часть сознания разбивается на куски... а другая – расширяется. Ощущение времени и восприятие длительности идет ко всем чертям, как и координация, моторика и концентрация... и, тем не менее, частенько пациент, заглянув внутрь себя, совершает квантовый скачок на новую плоскость самопонимания и проницательности. Все, вдруг становится ясным: пирамиды лжи рушатся, маски лицемерия снимаются, годы рациональных объяснений разваливаются, как картонные чайники, расплескивая повсюду воду. Возможно, сознание, реагируя на мощное потрясение, с беспощадной честностью пересматривает все, что привело его туда, где оно сейчас находится. Даже святой Павел, наверное, был близок чему-то, когда очнулся на земле рядом со своей лошадью, и Хиггинс воспользовался преимуществом своего положения.

Пока кто-то, то ставя на паузу, то возобновляя процесс, показывал ему идущий с разной скоростью фильм, состоящий из докторов, медсестер, упаковок с четвертой группой крови, уток и блаженных уколов в руку, глаз его сознания посмотрел на себя самого и назвал Хиггинса дураком. Его глупость, при взгляде в прошлое, казалась такой большой, такой очевидной, что его наполняло не тревога и не отчаяние, а только лишь удивление.

Боже мой, это же так очевидно! Как мои глаза могли быть так плотно закрыты? Замолчать, когда они начали дурачиться, Бога ради – мне что, нужен неоновый знак? Раньше у меня было чувство юмора, – если между мной и Джинни было что-то общее, так это остроумие, – и после десять лет «самоотверженной преданности» ей, лейкемии и зарабатывания денег, именно этого у меня больше не стало, и я, черт побери, прекрасно об этом знаю. Я засох, как изюм, забыл, что значит быть человеком.

На десять ужасных лет я превратился в зомби, говоря себе, что эта болезненная мономания – великая и трагическая любовь, и пытался громко плакать, чтобы получить желаемое. Единственный друг, которого я завел за все десять лет – это Билл, и я не постеснялся использовать его, когда узнал, что наши личностные характеристики совпадают. Я чертовски хорошо знал, что деградировал вместо того, чтобы повзростеть, с тех пор, когда она меня любила, и Билл стал идеальным оправданием для моего эго. Играть в игры с его разумом, чтобы не перенапрягать свой. Я проигрывал, знал, что проигрывал, и затем собирался случайно «позволить» ей узнать правду и провести следующие десять лет, купаясь в чьей-нибудь жалости вместо своей. Что за невероятным, невозможным, лицемерным дураком я был, словно невротичный ребенок, говорящий: «если ты не дашь мне конфетку, я разможжу себе руку молотком».

Если бы только она не была нужна мне так сильно, когда я встретил ее. О, я обязан найти способ все исправить и чем быстрее, тем лучше!

Глаза Хиггинса сфокусировались, и оказалось, что на его постели, в светло-коричневом халате, тепло улыбаясь, сидит Вирджиния Хардинг. Он почувствовал, что его глаза округлились.

– Стали больше, чтобы увидеть тебя, – выпалил он и захихикал.

Ее улыбка исчезла.

– Что?

– Извини. Димедрол впервые был синтезирован, чтобы Гитлер отвык от морфия, следовательно, я сейчас по-немецки депрессивен.

Видишь? Способность шутить еще есть. Спящая, атрофированная, но есть.

Улыбка вернулась.

– Вижу, тебе уже лучше.

– Откуда ты знаешь?

Улыбка снова пропала.

– О чем ты?

– Знаю, что ты, наверное, сильно занята, но ожидал, что ты наведишь меня раньше.

Легкомысленный, общительный – продолжай в том же духе, парень.

– Том Хиггинс, с тех пор, как тебя перевели из операционной, я тебя навещала дважды в день.

– Что?

– Ты разговаривал со мной, подолгу и доходчиво, рассказывал забавные истории и обсуждал современную политику с отличной проницательностью, насколько я могу судить. Ты не помнишь?

– Вообще ничего. – Хиггинс пьяно помотал головой.

Что я говорил? Что я ей сказал?

– Это невероятно. Это просто невероятно. Ты была тут...

– Шесть раз. Это – седьмой.

– Боже мой. Интересно, а где был я. Это потрясающе.

– Том, можешь мне не верить, но я прекрасно понимаю, как ты себя чувствуешь.

– Да? – *Это заставило тебя подпрыгнуть.* – О, да, твои пропавшие шесть месяцев. – *Наверное, в эти три дня мы согласились любить друг друга вечно, – будет это связывать нас сейчас?* – Боже, что за странное ощущение.

– Да, оно и правда странное, – согласилась Хардинг, и что-то в ее голосе заставило Хиггинса резко на нее взглянуть.

Она покраснела, встала с прикроватного кресла и начала нервно расхаживать по палате.

– Возможно, было бы не так плохо, если бы воспоминания пропали полностью...

– *Что ты хочешь сказать?*

Казалось, она не расслышала настойчивости в его голосе.

– Ну, я не могу восстановить полную картину. Я... я начала размышлять. Интересоваться, почему я навещаю тебя так регулярно. Да, ты мне нравишься... но я так чертовски занята, что нет времени даже почесаться, я мало сплю и пропускаю обед, но каждый раз, когда начинаются часы приема, выкрадываю десять минут, чтобы прийти и увидеть тебя. Сначала я списывала это на необоснованное чувство, что в долгу перед тобой – не только потому, что ты меня разморозил, ничего не повредив, но и из-за того, что ты получил пулю, пытаюсь тебя защитить. Рядом с тобой лежал камень, за которым можно было прекрасно укрыться.

– Я... я... – пролепетал Хиггинс.

– Это казалось правильным, – упорно продолжала она, – но не совсем. Я чувствовала... чувствовала к тебе что-то еще, нечто, чего не понимаю. Иногда, когда смотрела на тебя, возникало ощущение... ощущение, похожее на дежавю, смутное чувство, что между нами есть что-то, чего я не знаю. Да, звучит безумно, – ты бы точно мне так и сказал, – но я тебя знала раньше? До этого?

Вот оно, обвязанное розовой ленточкой на серебряном подносе. Ты – чертов дурак, если не протянешь руку и не возьмешь его. Через пару дней она покинет этот мавзолей и вернется к друзьям и знакомым. Какой-нибудь навязчивый придурок уболтает ее рано или поздно – сделай это сейчас, пока еще есть возможность. Ты все еще можешь справиться, ты увидел свою ошибку, – теперь, когда ты сбросил ее с чертова пьедестала, можешь дать ей взрослую любовь, можешь снова стать для нее хорошим мужчиной, сделай же это прямо сейчас.

Все, что нужно – это вырасти на десять лет за одну ночь.

– Мисс Хардинг, насколько я знаю, до этой недели я никогда вас не встречал.

И это, черт побери, самая настоящая правда.

Она перестала ходить туда-сюда, плечи ее распрямились.

– Я же сказала, что это была безумная мысль. Кажется, я не хотела признавать, что те воспоминания исчезли насовсем. Просто нужно какое-то время, чтобы с этим свыкнуться.

– Похоже на то. – *Нам обоим нужно.* – Мисс Хардинг?

– Да?

– Каковы бы ни были причины, я очень ценю, что вы навещали меня, и мне жаль, что я не помню других визитов, но в эту секунду моя рана просто убивает меня. Можете зайти в другой раз? И, пожалуйста, попросите сделать мне еще один укол?

Хиггинс не заметил рвение, с которым она согласилась. Когда она ушла, и дверь закрылась, он закрыл лицо руками и заплакал.

Ее стол обладал устройством для сжигания конфиденциальных отчетов, и Хардинг обнаружила, что оно принимает и нестираемые дискеты. Она только закрыла дверку камеры, как скрипнула дверь, и вошел выглядывавший усталым Маклафлин.

— Надеюсь, я не помешал, — сказал он.

— Вовсе нет, заходи, — машинально ответила она, нажав на кнопку, отвечающую за *сжигание*, почувствовала короткую вспышку жары и убрала руки. — Заходи, Билл, я рада, что ты пришел.

— Они передали мне твоё сообщение, но я... — казалось, он искал нужные слова.

— Все в порядке, правда. Я изменила свои планы. Сегодня твоя смена, Билл? Или ты занят чем-то еще?

— Нет, — с озадаченным видом ответил он.

— Я собиралась провести вечер, читая эти чертовы отчеты, но, ни с того, ни с сего, почувствовала непреодолимую нужду напиться с кем-нибудь... нет... — Хардинг осеклась и внимательно посмотрела на Билла, словно увидела его в первый раз. — Боже, нет, напиться с *тобой*. Что думаешь?

Он долгое время не мог выдать из себя ни слова.

— Схожу за бутылкой, — наконец, сказал он.

— Тут есть в шкафу. Бурбон пойдет?

Когда скрипнула дверь, Хиггинс чуть не закричал. Несмотря на это, он почти решил притвориться спящим, но в последний момент вздохнул, вытер рукавом лицо и произнес:

– Входите.

В дверном проеме показалась молодая медсестра с пухлыми щеками и губами, ярко-рыжими волосами и невероятно голубыми глазами.

– Здравствуйте, сестра, – сказал Хиггинс.

Ее он тоже не знал.

– Боюсь, что мне нужно какое-нибудь средство, чтобы унять боль.

– Знаю, – нежно сказала она и подошла ближе.

Antinomy, (Destinies, 1978 №№ 11-12). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.

СПАЙДЕР РОБИНСОН

ЗМЕИНЫЕ ЗУБЫ

«ПРИЯТНОГО ОТДЫХА!

Правила Дома для детей 16-ти лет и старше

ЕСЛИ БИФСТЕКСЫ ПОКАЖУТСЯ ВАМ НЕВКУСНЫМИ – ЭТО ВАШИ ПРОБЛЕМЫ. ЕСЛИ ЧТО-НИБУДЬ ПОЛОМАЕТЕ, ОПЛАТИТЕ СТОИМОСТЬ ПЛЮС НАЛОГ И УСТАНОВКУ НОВОГО ОБОРУДОВАНИЯ. НАРКОТИКИ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ. ЕСЛИ ПОПЫТАЕТЕСЬ ВЫВЕСТИ КОГО-НИБУДЬ ИЗ ПОМЕЩЕНИЯ, СИЛОЙ ИЛИ ДРУГИМИ ВИДАМИ ПРИНУЖДЕНИЯ, КОТОРЫЕ УСТАНОВИТ ДОМ, ВАС СДАДУТ В ПОЛИЦИЮ НЕ В ЛУЧШЕМ ВНЕШНЕМ ВИДЕ. РЕШЕНИЯ БАРМЕНА ОКОНЧАТЕЛЬНЫ И ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖАТ. АДМИНИСТРАЦИЯ НЕ ГОРИТ ЖЕЛАНИЕМ ВСТРЕЧАТЬСЯ С ВАМИ. ЕСЛИ ВЫ ВПЕРВЫЕ В ДОМЕ, ЖЕЛАЕМ ПРИЯТНО ПРОВЕСТИ ДОСУГ».

Тедди и Фредди прочитали все это, слегка подняв брови. В любом баре могли быть такие же – правда, неофициальные, – правила. Но их маленький городок не был настолько извращен, чтобы напечатать их и уверенно вывесить у всех на виду.

«В НАШЕМ БАРЕ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ПРЕКРАСНУЮ ВЫПИСКУ, – оповестила табличка на последней двери. – УДАЧИ ВАМ».

– Спасибо, – тихонько сказал Фредди.

Тедди ничего не добавила.

Заиграла тихая музыка, дверь легко отворилась. Изнутри вырвалась уже новая, современная музыка, процессор какой-то модной группы работал в низком регистре, освобождая более высокие частоты для общего гула голосов. Помещение переполняли разнообразные запахи: запах пива смешивался с ароматами табака, пота, прокисшей рвоты, подгоревшего кофе и дешевого, консервированного воздуха. Здесь царил полумрак, так что Тедди и Фредди не сразу смогли сориентироваться. Они обменялись взглядами, на губах обоих промелькнула быстрая, нервная усмешка.

– Самое подходящее местечко для детей, – сказала Тедди и вразвалочку перешагнула порог.

Фредди последовал за ней.

На первый взгляд, внутри было то, чего они и ожидали. Для этих ночных часов толпа была изрядной, четыре-пять десятков душ, резко разделенных на охотников и дичь. И хотя общее настроение казалось веселым

и доброжелательным, в любом направлении можно было заметить тихое отчаяние, неизменное на лицах охотников.

Тедди и Фредди, конечно, сразу же были замечены, еще пока дверь закрывалась за ними, но к тому времени, как их глаза привыкли к тусклому свету, на них уже никто не обращал внимания. Они нашарили взглядом стойку и направились к ней, двигаясь синхронно, дополняя друг друга, словно были давнишними партнерами по танцам или жили вместе так долго, что уже угадывали мысли друг друга. По сути дела, все так и было, но этого нельзя было утверждать, наблюдая за ними сейчас.

Бармен, жилистый, сухощавый старик с рыжими волосами и ленивым взглядом, вероятно, родился еще в прошлом веке. Он оскалил зубы в гримасе, которая, очевидно, должна была обозначать приветливую улыбку.

– Добро пожаловать в наш город.

Фредди приподнял брови.

– Откуда вы знаете, что мы не из Нью-Йорка?

– Я сразу же понял это. Что будете заказывать?

Тедди и Фредди ощущали потребность выпить. Старик принялся за дело, одним пальцем пробил на кассе заказ и принес им две порции напитка с розоватым оттенком. Протягивая стаканы, он конфиденциально подался вперед.

– Разумеется, это не мое дело, но... но вы можете все устроить сегодня же ночью. Сейчас у нас как раз хороший выбор, по крайней мере, есть парочка, не меньше. Только не торопите ход событий. Не пытайтесь вести себя с ними сурово. Вы меня понимаете?

Они пристально поглядели на него.

– Спасибо, э-э...

– Папаша, все зовут меня так. Дайте им выговориться.

– Хорошо, – сказал Фредди. – Благодарю, Папаша.

– Вот и отлично! – Он повернулся и бросил быстрый взгляд на дальний конец стойки, где посетитель уже собирался свалиться со своего табурета. Папаша вовремя подхватил его. Тедди могла бы поклясться, что папаша не сводил с них глаз, еще когда они входили в бар. Она тайком пронесла сюда оружие, в основном, для защиты своей чести, но теперь решила не применять его к Папаше даже в самом крайнем случае.

– Идем, Фредди.

Тедди выбрала столик у воздушного вентилятора, откуда было хорошо видно все помещение.

– Ради Бога, Фредди, перестань пялиться! – сказала она. – Ты слышал, что сказал старик? Легче на подъеме.

– Тедди!..

– Я тоже согласна с ним и пытаюсь обратить на это твое внимание. У тебя такой вид, словно жмут ботинки, понимаешь?

– А что ты думаешь вон о том?

– Где?

– Вон там, – кивнул Фредди.

Тедди с видимым усилием придала лицу спокойное выражение.

– Послушай, милый, наверное, у нас на лбу большими черными буквами написано: «КОП». Так что все в порядке. Давай не будем исправлять эту надпись на «ГЛУПЫЙ КОП», ладно? Ради Бога, просто сиди и смотри себе на руки.

Кандидат Фредди был в очень поношенной безрукавке, чего коп не мог не отметить.

– Говорю же тебе, отведи глаза, – опять прошипела Тедди. – Послушай, давай договоримся! Мы не станем никого выбирать в первый же час, ладно? Мы будем лишь пить и тихонько беседовать.

– Понятно. Мы потратили триста шестьдесят семь долларов новыми и приехали в Нью-Йорк, чтобы немного выпить.

Тедди улыбнулась, словно Фредди сказал что-то трогательное и забавное, и пробормотала:

– Прекрати, Фредди, ты же обещал.

– Ладно, хорошо, но погляди на того в желтом и розовом слева от тебя.

Тедди поправила волосы, взглянула сначала украдкой, а потом более откровенно.

– О-о, этот мне нравится больше. Брюнет, который танцует?

– Да.

Новым избранником Фредди был золотоволосый юноша, одетый, на их взгляд, дерзко, но не шокирующе. У него были выступающие скулы, тонкие руки и стройные ноги. Глаза светились умом, губы слегка изогнулись в скужающей улыбке.

– Он слишком красив, чтобы что-нибудь получилось, – печально вздохнула Тедди. – Многие приходят сюда регулярно, а мы здесь в первый раз и сразу хотим выиграть его?

– Мне бы хотелось так думать, – заметил Фредди. – Это как стрелять навскидку, надеясь куда-нибудь да попасть.

– А тебе хотелось бы поселиться здесь навсегда, – усмехнулась Тедди. – Я сюда пришла не за такими, как тот рыжий в углу, в рваных ботинках.

Фредди проследовал за ее взглядом, поморщился и жалостливо вздохнул.

– А он ничего...

– Он? Я работала четыре года подряд, только чтобы приехать сюда, а теперь буду сидеть здесь ради всяких... – Тедди понизила голос, так как музыка сделала перерыв.

– Я люблю тебя и не хочу, чтобы ты нравилась всяким, – сказал Фредди. – Но он выглядит умным.

– А ты нет, – отрезала Тедди. – Кстати, выпивка здесь ужасна.

– Да, верно.

Внезапно сбоку от них раздался поразительно громкий голос:

– Эй, перебирайтесь-ка за мой столик, Атласы!

За соседним столиком сидел тот самый ошеломительно золотоволосый юноша. Он был один.

Фредди зашевелился и хотел было что-то сказать, но Тедди больно легнула его по лодыжке, и он заглох.

– Нет, спасибо, – твердо сказала Тедди.

В глазах юноши не появилось никакого неудовольствия, но и никакой покорности.

– Я уже сидел у вентилятора, но мне не понравилось глотать пыль, – сказал он.

Тедди не могла свести с него глаз.

– Нам будет приятно, если вы присоединитесь к нам, – сказала она.

– Хорошо, принято!

Прежде, чем Тедди успела вмешаться, Фредди поднялся со стула. Юноша небрежно кивнул, не глядя больше на зал, чем на них, и сел, не спросив разрешения.

– Рад с вами познакомиться, – пробормотал Фредди, неуклюже опускаясь обратно на стул.

Тедди подавила усмешку. Когда она держала себя в руках, ее лицо ничего не отражало, но только сейчас она начала понимать, что намеренно пользуется этим.

Юноша, наконец, взглянул на Фредди.

– Заметано, – равнодушно сказал он.

– Заказать что-нибудь выпить? – спросила Тедди.

– Разумеется. Пива.

Тедди махнула рукой официанту.

– Скажи Папаше, что мы задержимся здесь на пару часов, – сказала она, наблюдая за юношей.

Мексиканский «Дос Эквис» оказался очень дорогим, но это не отразилось на его крепости. Тедди опустил взгляд в свой стакан.

– И принесите еще три порции пива, – добавила она.

– И всегда-то вы знаете, как это делать, – сказал блондин, когда официант ушел. – Добиться, чтобы официант подошел так быстро – это надо уметь. Как это у вас получается?

– Ну, – сказал Фредди, – я...

– Кстати, кто из вас кто?

– Меня зовут Фредди.

– О, Боже! А вас, случайно, не Тедди? – вздохнул юноша. – Надеюсь, я умру от старости раньше, чем пойму, в чем тут юмор. Дэви Пенкборн.

Тедди удивилась бы, если бы это оказалось его настоящим именем, но ничего не спросила. Это было бы не политкорректно, ведь Дэви ни о чем не расспрашивал их.

– Привет, Дэви, – только и сказала она.

– Вы давно в городе?

Тедди широко улыбнулась, чувствуя досаду.

– У меня в волосах сено, что ли? Великий Боже, я прямо-таки чувствую, что это написано у меня на лбу.

– Да, – коротко бросил Дэви и снова принялся оглядывать зал.

Тедди и Фредди обменялись взглядами. Тедди пожала плечами.

– Сколько вам лет, Дэви? – спросил Фредди.

Дэви повернулся и нагло усталился на Фредди.

– А сколько раз в неделю вы вместе ложитесь в постель? – спросил он.

Тедди сохранила спокойствие с некоторым усилием.

– Послушайте, мы всего лишь хотели узнать дату вашего рождения, но если вы будете задавать нам интимные вопросы, мы начнем делать то же самое.

– Вы и так это делаете.

Тедди задумалась.

– О'кей, – сказала она, наконец. – Думаю, я поняла. Мы здесь новички.

– И что из того, – с отвращением сказал, словно выплюнул, Дэви и опять повернулся к залу.

– Мы занимаемся любовью примерно три раза в неделю, – примирительно сказал Фредди.

– А я девять, – не поворачиваясь, бросил Дэви.

Принесли пиво вместе с тарелкой соевых бобов в качестве бесплатного гарнира.

– За счет заведения, – сказал официант и укатился.

Тедди подняла голову и вытянула шею, глядя через толпу на стойку бара. Папаша, казалось, ждал этого. Он чуть покачал головой, кивнул и отвернулся. Все это не заняло и секунды, и Тедди не была уверена, что ей все это не показалось. Она взглянула на Фредди, но по выражению его лица нельзя было понять, заметил ли он то же самое.

Тогда, очень осторожно, Тедди стала рассматривать Дэви. У него явно был быстрый, сообразительный ум, словарный запас и грамматика превосходны, воспитание не слишком запущено. Он был ухожен, одежда экзотическая, но опрятная и в хорошем состоянии. Он не выглядел неблагополучным, и Тедди не удивилась бы, если бы он уже имел какую-либо должность. Он вел себя нагло, но Тедди решила, что в таком положении он вряд ли мог бы вести себя иначе. Он был неотразимо красив и знал об этом. Тедди была уверена, что он не продавался и никогда продаваться не будет, не таким он выглядел.

Но, похоже, Папаша знал что-то, чего не знает она? Насколько чист Дэви? Сколько шрамов в глубине его души, сколько мусора навалило об-

щество в его подсознание? Каким он вырастет: Работягой, Хапугой или Жуликом? Все в этом зале изранены, но насколько серьезные раны у Дэви?

– Вы давно одиноки, Дэви?

Он все еще рассматривал зал, полный охотников и дичи, с бесстрастным лицом.

– А давно ваш ребенок покинул вас?

– Почему вы решили, что было именно так? – спросила Тедди.

Дэви сделал большой глоток пива и повернулся к ней лицом.

– Ладно, давайте, оставим это. Вы не бесплодны, а если и так, то лишь из-за послеродовых осложнений. Кто-то когда-то называл вас мамой, это несомненно. А здесь вы потому, что ребенок ушел от вас.

– Или умер, – тихонько сказала Тедди. – Или уехал по распределению колледжа.

– Нет, – покачал он головой. – Вам плохо, но не настолько.

– Олл райт, – улыбнулась Тедди. – Мы расстались год назад. А вы?

– Три года.

Тедди заморгала. Если Дэви говорит правду – а гадать ему, вроде бы, ни к чему, – то за это время у него была масса возможностей выбрать, и значит, он не торопится. Ну, с такими-то данными он может позволить себе быть независимым.

С другой стороны...

Тедди оглядела зал, обращая внимание только на охотников – взрослых, – и не увидела никого, кто показался бы ей лучше их с Фредди. *Он никогда прежде не встречал такую пару, как мы*, подумала она и дала себе обещание не предлагать ему заключить нотариальный договор, а также показывать документы о доходах, если (пока) он сам не предложит им это.

– Что же не хватало вашему ребенку, Атласы? – Дэви отхлебнул пиво и поглядел на них сквозь стакан.

– Почему вы зовете нас так? – спросил Фредди.

Тедди нахмурилась.

– Это же совершенно ясно, дорогой. Атлас был титаном, гигантом...

Дэви ухмыльнулся по другую сторону стакана.

– Это лишь половина ответа. Менее важная половина. Расскажите мне о своем ребенке – экс-ребенке – и я скажу вам другую половину.

Тедди кивнула.

– Ладно. Ну, его зовут Эдди, и он...

– Эдди? – рассмеялся юноша. – О, мой Бог, это уж слишком! – Он помотал головой. – А если бы у вас родилась девочка, она была бы Хедди, верно?

Тедди покраснела, но сдержала негодование. Она подождала, пока он закончит смеяться, затем продолжила:

– У него темно-каштановые волосы и мечтательные глаза. Невысокий для своего возраста, он, вероятно, станет коренастым. У него... прекрас-

ные руки. Характер он получил от меня, а руки – от Фредди. Он умен и сообразителен, как и вы. Он далеко пойдет. Что же касается разрыва... – Тедди сделала паузу.

Они с Фредди репетировали последующую часть рассказа так долго, что она стала звучать совершенно естественно. Но у Дэви мог быть с собой Детектор Баллехида высокой чувствительности. Поэтому Тедди выбросила из головы ненужные мысли и только затем позволила себе продолжать:

– Мы... Я думаю, мы несколько медленно повышали свою сознательность. Быстрее некоторых, но все же медленнее большинства. Мы... мы не понимали, что отсталая сознательность ввела нас в заблуждение... пока не стало слишком поздно. Пока нас не ткнули в это носом. – Тедди сделала большой глоток пива и даже не почувствовала его вкуса.

Хотя Дэви пока что молчал, Фредди решил дополнить ее:

– Мне кажется, просто наше внимание было сосредоточено на другом. Не хочу сказать, что мы впали в излишнее *родительство*. Мы думали, что все из-за этого, – прежде чем поняли. Просто некоторые наши действия были неверны. Мы... – Он помолчал и затем брякнул, не подумав: – У нас были свои планы для Эдди.

– Заткнитесь! – рявкнул Дэви.

Фредди заморгал. Тедди нахмурилась, внимательно глядя в лицо Дэви. Он долго, медленно пил пиво, растягивая молчание. Затем поставил стакан, положил руки на стол и усмехнулся. Эта усмешка поразила Тедди: никогда, ни при расставании с сыном, ни на работе, она не видела столь неприкрытой злобы, как на этом юном лице. С усилием она осталась бесстрастной и сжала под столом руку Фредди.

– Теперь дайте сказать мне, это экономит время, – сказал Дэви. – И все же я скажу вам, почему вы Атласы. – Он поднял глаза на обоих, но тут же опустил взгляд. – Слушайте, вы... Вы. Конечно же, добросовестные работники. Вы преданы, очень заботливы. Вы наверняка слышали все это от Эдди. Хотите теперь послушать меня?

– Раз уж вы начали, – сказала Тедди сквозь зубы.

– В «Декрете о неограничении» сказано: «Концентрация Мыслей, Сдержанность Характера и Авторитетность». Но самое главное не в этом. «Заблуждение Относительно Права Собственности».

Они не дрогнули перед первыми тремя обвинениями, но четвертое подавило обоих. Дэви зло усмехнулся.

– Могу теперь сообщить вам, что ключевое слово для вас обоих, слово, которое отопрет вас, это: *будущее*. Я даже могу сказать, почему. Вы оба из тех, что хотя *изменять*, делать мир лучше. Вы представляете себе это так: прошлое ушло, оно неизменно. Настоящее длится *прямо сейчас*, его

менять слишком поздно. Значит, вы можете изменить только будущее. Вы оба разбираетесь в политике, ведь я прав? Прав?

Он знал, какой удар нанес обоим. Усмешка его стала шире, а Тедди и Фредди прямо-таки застыли на стульях.

— Итак, однажды, — продолжал юноша, — вы поняли, что лучший способ изменить будущее — это колонизировать его. Конечно, одним из первых условий колонизации является наличие колонистов и гарантии их лояльности. Потому что колонист должен дать вам то, чего хотите *вы*, чтобы имел *он*. Причем предполагается, что за это он должен быть вам еще и благодарен. Вы не дадите ему право на любые изменения его собственной судьбы, возможности заниматься своими делами. — Он бросил в рот гость соевых бобов. — По вашему мнению, мир нуждается в Спасителе, и на эту роль был избран Эдди. Нравилось ему это или нет. — Он разжевал и проглотил бобы, запил пивом. — Послушайте, не говорите ничего. Я прекрасно знаю основы программы этого пути: сперва повышение знаний в области математики, истории и изучение языков — для начала, думаю, японского. За ним последует французский. Затем, по окончании колледжа, продвижение вперед. Потом какая-нибудь служба, может быть, даже в полиции, и, наконец, юриспруденция, если он доживет до того времени. В случае удачи старина Эдди станет мэром в какой-нибудь дыре, где вы живете — где-то в Дакоте, не так ли? — и к тому времени ему уже стукнет тридцать пять. Потом сенатором в сорок или чуть позже...

— Боже, — хрипло пробормотала Тедди.

— Я даже знаю, кем хотел быть Эдди вместо всего этого. Музыкантом. И даже не respectable музыкантов, пианистом там или электро-гитаристом, верно? И не легкой музыкой он хотел заниматься, а участвовать в прецессионной группе, я угадал? Я заметил, как вы посмотрели на оркестр, когда входили сюда. Не много же наберется того, что станут использовать в будущем меньше, чем это. И всему этому не было места в *ваших* планах. Ведь это все для *настоящего*. Я бы удивился, если бы Эдди был счастлив после всего этого.

— Что вы пытаетесь нам доказать? — с трудом произнесла Тедди.

— А сейчас о том, почему я назвал вас Атласами, — не слушая ее, продолжал Дэви. — Атлас не только гигант. Он наихудший из гигантов. Он сторонится всяких издержек, потому что несет на плечах тяжесть всего мира. И он хочет, чтобы вы заменили его, как только достаточно подрастете. — Внезапно усмешка исчезла с его лица. — Да вы просто дрянь, Атласы! И вы даже сейчас еще не успокоились. Вы все еще ищите Вашего прелестного Ребенка, Который Хочет Стать Кем-нибудь. Вы все еще хотите найти проклятого добровольца! Внезапно вы остались бездетными и так ужасающе одинокими, что сказали друг другу: мы пойдем на все, чтобы в доме снова появился ребенок. Но в глубине души у вас по-прежнему таится надежда, что вы найдете кого-нибудь с *честолобием*! С *вашим* честолобием, не так

ли? – Он помолчал. – Ну, – сказал он внезапно совершенно другим тоном, – и как я вас?

И начал есть.

Тедди и Фредди долго молчали. Кровь отлила у них от лица, сверкающие, разноцветные огни бара сделали их похожими на восковые манекены, за тем лишь исключением, что Тедди тихонько покачивалась из стороны в сторону. Она до боли сжимала руку Фредди под столом, даже не замечая этого.

Она первой и обрела голос, который, к ее ужасу, задрожал, и Тедди не сумела прекратить эту дрожь.

– Ты прав, чертовски прав. Только две незначительные поправки. После японского должен был пойти суахили, а не французский.

– И?..

– Наша работа. Вы вынесли ее за скобки, но не попали в цель.

– Даже так? Ну что ж, удивите меня? – усмехнулся Дэви.

– Мы копы.

Теперь уже Дэви лишился дара речи. Ему потребовалось какое-то время, чтобы прийти в себя.

– Вот же *свиньи*! – выкрикнул он.

Тедди уже не пыталась сдержать в голосе дрожь.

– Дэви, что ты почувствуешь, если Атлас назовет тебя «ребенок» или «бэбби»?

Глаза Дэви сверкнули.

Дрожь в голосе становилась все сильнее. Вскоре ее голос станет неразборчивым, а потом – Тедди прекрасно это знала, – она не сможет уже ничего говорить и просто заплачет. Так что нужно спешить.

– Ну, а что почувствовали мы, когда этот «ребенок», «бэбби» назвал нас свиньями?

Дэви поднял брови. Казалось, впервые на него произвели впечатление ее слова.

– Удачный выстрел. Справедливость за справедливость. Если не считать то, что вы сами захотели стать свиньями.

– Не сразу. Какое-то время мы строили планы, делили мир на черное и белое. Потом попались на крючок, угодили в колею и понеслись по ней во весь опор.

– Угу. И вы работали в юности?

Тедди кивнула.

– Я год. Фредди – три.

Дэви задумался.

– Ну что ж, иногда молодые копы бывают ничего. А провинциальные, наверное, вообще не так плохи, как нью-йоркские. – Он кивнул. – Ладно, дарю вам временный статус человеческих существ. Давайте ближе к

делу. Я буду не прочь, скажем, провести пару выходных в сельской местности. Если окажется, что мы совместимы, если мне понравится ваш дом и все остальное, тогда, может быть, мы поговорим о чем-нибудь более существенном. *Может быть.* Какие у вас предложения?

— Предложения? — опешила Тедди.

— Какие условия вы предлагаете? Не считая нашего рождения, мы должны начать с того, что могут дать нам родители.

Она смущенно взглянула на него.

— Бог мой! — воскликнул Дэви. — Не хотите же вы сказать, что пришли сюда, чтобы найти кого-нибудь постоянного? С первой же попытки? О, люди — это настоящая черная дыра! — расхохотался он. — Держу пари, вы заключили друг с другом постоянный контракт. Даже не десятилетний. — Тут смех его сделался по-настоящему жестоким. — Невероятно! — Внезапно он перестал смеяться. — О, мамочка. Ты еще узнаешь, что такое жизнь. Так как насчет условий?

— Заткнись, — тихо сказал Фредди.

Дэви устался на него.

— *Что ты сказал?*

Тедди тоже поглядела на него.

Голос Фредди не стал громче, но внезапно в нем прорезались железные нотки.

— Ты наградил нас временным статусом человеческих существ. Чего мы не сделаем взамен. Ты жесток, и мы не возьмем тебя в наш город, а тем более, в наш дом. А теперь убирайся отсюда.

На несколько секунд Дэви лишился дара речи от оскорбления, но быстро обрел его.

— А как тебе понравится очнуться в аллее с разбитой мордой, старик? Ты читал правила заведения. Твой значок здесь недействителен. Я дам тебе в глаз правой, а левой довершу остальное.

Фредди имел привычку сидеть, неуклюже сгорбившись. Теперь он выпрямился впервые за все это время, и Дэви вдруг осознал, что разговаривает с человеком ста восьмидесяти пяти сантиметров роста и весом свыше девяносто килограмм. Плечи Фредди раздвинулись, глаза вспыхнули холодным огнем. Тедди в изумлении глядела на него. Внезапно Дэви заметил, что ее руки тоже лежат на столе, как и руки Фредди.

— Нас отведут в какую-нибудь Кризисную Комнату, — мечтательно сказал Фредди. — Ты, может, и моложе меня. Но я еще крепок. Убирайся от нашего столика.

Дэви почувствовал, как застыло его лицо, и поспешно навесил на него кривую усмешку.

— Ладно. — Он встал. — С удовольствием. — Он стоял рядом с ними, и его глаза были почти на одном уровне с сидящим Фредди. — Еще одна парочка глупых Атласов, — буркнул он и поспешно ушел.

Фредди повернулся к жене и увидел, как изумленно она глядит на него. Огоньки в его глазах потухли, он снова сгорбился на стуле.

— Побудь здесь, дорогая, — сказал он обычным, тихим голосом. — Я принесу нам что-нибудь выпить.

Тедди смотрела, как он идет к стойке бара.

Папаша, поджидая его, налил две большие кружки пива.

— Спасибо за сою, Папаша, — сказал Фредди. — И за то, что подмигнул.

— Пожалуйста, — улыбаясь, ответил Папаша.

— Папаша, могу я попросить вас выпить со мной?

Старик широко улыбнулся.

— Благодарю, — сказал он и налил себе абрикосового сока. — Вы хорошо заткнули этого кровососика.

Взгляд Фредди остановился на надписи, нанесенной на стену пульверизатором. Надпись гласила: «ВЫБИРАЙТЕ ИЗ СОБСТВЕННЫХ ОТБРОСОВ». На противоположной стене чья-то рука задумчиво начертила: «ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ОСТРЕЕ ЗМЕИНЫХ ЗУБОВ НЕБЛАГОДАРНОГО РЕБЕНКА?»

— И почему это слова «еще одна» самые жестокие во всем языке, а, Папаша? — проворчал он.

— Как это понять?

— Ну, наедине с собой человек может быть достаточно честным, чтобы понять — и признать, — что он дурак. Но никто не хочет быть всего лишь «еще одним дураком». «Еще одна пара глупых Атласов», так он назвал нас, и из всего им сказанного именно это было больнее всего.

— Возьмите себя в руки. Вот вам платок, приведите себя в порядок прямо здесь.

Пока Фредди вытирал внезапно заслезившиеся глаза, Папаша быстро наполнил кружки ожидающим посетителям. Когда он вернулся, Фредди уже пришел в себя и привел в порядок лицо, воспользовавшись карманным зеркальцем.

— Послушайте, — сказал Папаша, — если вы провалились в дерьмо, то, может, сумеете выкарабкаться. Но если вы увидите, что все остальные люди сидят там же, то вряд ли станете карабкаться, а, скорее всего, пойдете ко дну. Как видите, все это оптическая иллюзия. Все зависит от того, насколько вы хотите вылезти из дерьма и какую найдете опору для ног.

Фредди выпил еще кружку пива и вздохнул.

— Спасибо, папаша. Наверное, в чем-то вы правы.

— Конечно. Не позволяйте ребенку уйти от вас. Разве он когда-нибудь признается, что не родители бросили его? Такова жестокость юности.

Фредди подмигнул, затем рассмеялся.

— А теперь берите пиво и несите вашей жене. У нее вид, как у контуженной. А, еще, я бы рекомендовал вам вон того рыжего в углу. Прекрасный

мальчишка в дырявых ботинках. Он заслуживает того, чтобы его узнали получше.

Фредди пристально взглянул на рыжего, затем взял кружку и сделал большой глоток.

– Еще раз спасибо, Папаша.

– Всегда пожалуйста, сынок, – с облегчением сказал старик и пошел к кассе пробить два скотча и шоколадное мороженое с крем-содой.

Serpents' teeth, (The Best Science Fiction of the Year №11. Editors: Terry Carr, 1982). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.

192
PAGES

APRIL 1990
\$2.50 U.S. / \$2.95 CAN

ISAAC ASIMOV's SCIENCE FICTION MAGAZINE

**JOE
HALDEMAN**
The Hemingway
Hoax

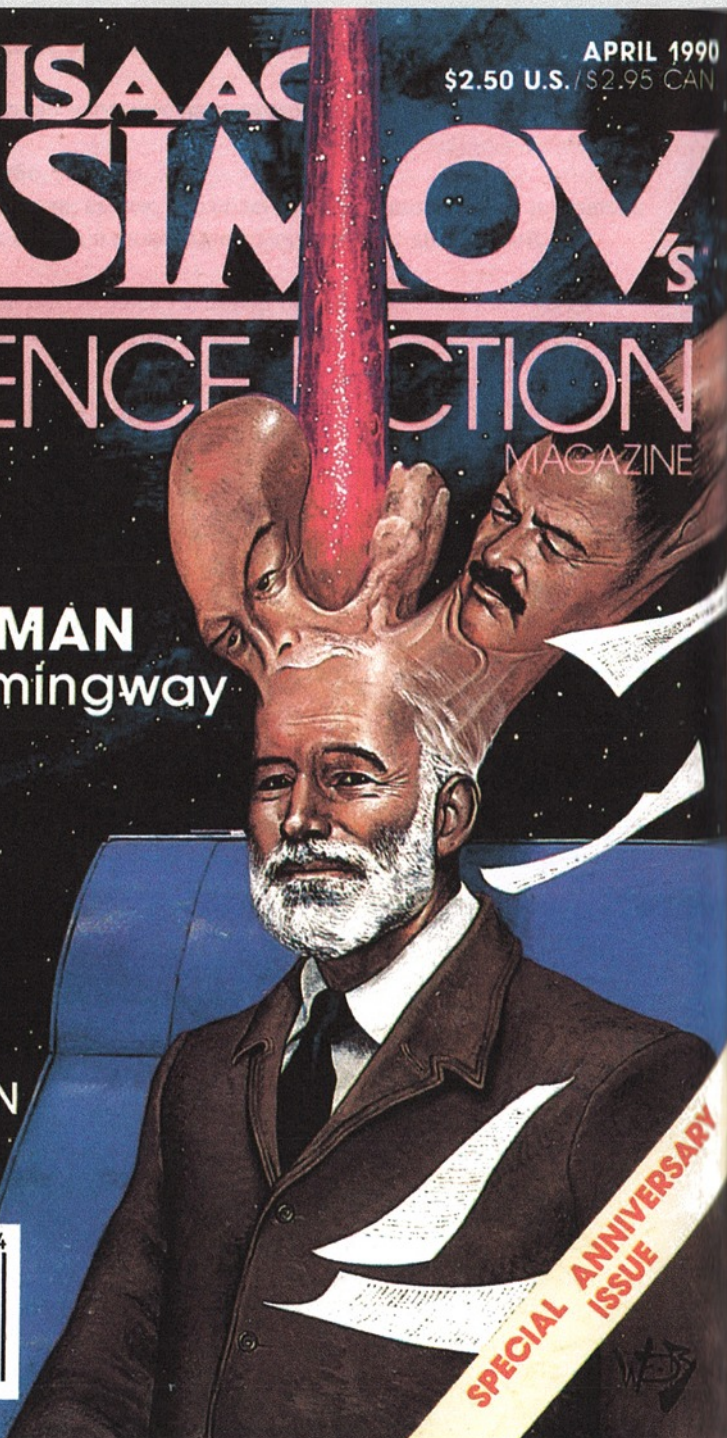
S.P.
SOMTOW

JOHN
BARNES

KIM
STANLEY
ROBINSON

**SPECIAL ANNIVERSARY
ISSUE**

НАШ ГОРОД

Я нашел своего друга, Десмонда Кина, в северо-западном углу крыши пентхауса. Он собирал телескоп, чтобы взглянуть на мир внизу. Он взял металлический цилиндр с линзами, прикрутил его к телескопу и приложил глаз к окуляру – картина абсолютной сосредоточенности. Сколько раз в последние месяцы я наблюдал его за этим занятием! Меня даже пробрала легкая дрожь, – его новая одержимость, гораздо более сильная, чем сборка часов собственными руками, набивание чучел птиц или поиск доказательств теорем геометрии, казалась мне серьезным расстройством.

Я нарочно прокашлялся, чтобы привлечь его внимание, но тщетно, так что осмелился заговорить:

– Десмонд, тебя ждут внутри.

– Посмотри, – ответил он. – Ты только посмотри!

Он отошел, и я приложил глаз к окуляру.

Я никогда не понимал, как наблюдение через два куска изогнутого стекла может зрительно приближать объекты, разве на первую линзу попадает не то же количество света, что попало бы на плоское стекло такого же размера? И если все именно так, что же происходит с этим светом между двумя линзами, чтобы заставить его показать гораздо больше? Озадаченный, я взглянул вниз, на пышную зелень Туниса. В мерцающем стеклянном круге была мешанина из дерева и соломенных крыш на рисовых полях, бледно-коричневое на светло-зеленом.

– Изумительно, – сказал я.

Я направил телескоп на север. В некоторые дни, как Десмонд мне однажды объяснял, когда разница температур между слоями атмосферы достигает определенных значений, и свет искривляется, проходя через воздух (вот и расскажите мне, как это работает) так, что можно заглянуть за горизонт. Сегодня был один из таких дней, и в окуляре маячила черная точка, покоящаяся на кончике серебристой булавки, торчащей над горизонтом. Черная точка была Римом, а булавка – вершиной изящного шпилья, держащего Вечный Город на весу. Мое сердце подпрыгнуло, когда я понял, что наблюдаю Рим из Карфагена.

– Как красиво, – сказал я.

– Нет, нет, – сердито воскликнул Десмонд. – Смотри вниз! Смотри, что под ним!

Я сделал, как он велел, даже слегка перегнувшись через перила. В нашем новом Карфагене тоже стоял шпиль, точь-в-точь, как в Риме или любым другим великом городе мира. Невооруженному глазу шпиль казался серебристой веревкой, нитью, струей газа. Но через телескоп, я видел

массивное основание шпиля — гигантский бетонный куб, похожий на крепость без единой бойницы.

— Ошеломительно, — сказал я.

— Нет! — Он выхватил телескоп у меня из рук. — Смотри на людей, стоящих лагерем у основания шпиля! Смотри, чем они занимаются!

Через стекло, я посмотрел, куда показывал Десмонд. Дымящиеся костры, хижины из картона, ребра, отчетливо выделяющиеся под натянутой коричневой кожей...

— Видишь, — прошипел он. — Там, где разведены костры. Они поддерживают их целыми днями, а затем льют на бетон воду, чтобы по нему пошли трещины, видишь?

На поверхности изогнутого стекла я увидел именно то, что он и описал.

— С такими успехами, у них это займет десятки тысяч лет, — с горечью сказал Десмонд.

Я отошел от перил.

— Пожалуйста, Десмонд. Мир превратился в жалкое зрелище, и это очень печально, но что можно исправить в одиночку?

Он завладел телескопом и снова посмотрел в него. Какое-то время, я думал, что он не ответит. Но затем он сказал:

— Я... я не уверен, друг Роарик. Это хороший вопрос, не так ли? Но мне кажется, что кто-нибудь, со знанием, с опытом, может как-то повлиять. Излечить больных, или... научить, как вести сельское хозяйство. Я довольно долго за ними наблюдал. Они приводят почву в негодность. Или... или просто помочь им в том, что они уже делают! Еще одни руки, чтобы поддерживать костер!.. Не знаю. Не знаю! Мы вообще когда-нибудь что-нибудь знаем до того, как начинаем действовать?

— Десмонд, — сказал я. — Ты говоришь про то, что происходит там, внизу?

Он взглянул на меня.

— Конечно.

Я снова задрожал. На нашей высоте, воздух всегда остается прохладным, даже если светит солнце.

— Пойдем внутрь, Десмонд, — пожалев его, сказал я.

Эти одержимости...

— Выставка вот-вот откроется, и если тебя там не будет, Клео назначит санкции по полной программе.

— Просто весь дрожу от страха, — язвительно сказал он.

— Пойдем. Не давай ей такой возможности. Вернешься сюда потом.

С отвращением на лице, Десмонд сложил телескоп в большую спортивную сумку, повесил ее на плечо и пошел за мной.

За стеклянной стеной, тропические деревья под названием джакаранда засыпали весь пол гигантской изогнутой теплицы-галереи фиолетовыми цветками. Все живые картины все еще были закрыты шафрановыми простынями, но, вскоре после того, как мы вошли, их одновременно сняли. Фигура человека отображала все наше разнообразие и красоту, застыв-

шая, но, тем не менее, пульсирующая жизнью. Я отметил человека, бегущего вприпрыжку, пару дерущихся женщин, ныряльщика, уже летящего в воздухе, четырех пьяниц, играющих в карты, и пару, навсегда слившуюся в оргазме. Я почувствовал знакомую дрожь от премьерного волнения, частично вызванного силовыми полями экспонатов, остановивших жизнь на каком-то моменте, но, по большей части, от восторга, физической реакции на искусство и естественной красоты.

— На первый взгляд, кажется, нынче хороший год, — сказал я. — Я уже видел как минимум три-четыре достойных произведения.

— Жалкие пародии, — отозвался Десмонд.

— Нет, нет, они совсем не такие плохие. Есть некоторое сходство с прошлым годом, да, но не больше, чем обычно.

Мы пошли дальше по залу, чтобы посмотреть, где поставили мою работу. Как и Десмонда, до того, как он бросил заниматься скульптурой, меня интересовал поиск и запечатление моментов танца, которые сами по себе раскрывают грацию всего процесса. В этом году я выбрал пару танцоров, находящихся в заключительной части парного танца: балерина в непосредственной близости от края сцены, а партнер крепко, но деликатно пытается вернуть ее на середину. Как долго я работал, чтобы вдохнуть жизнь в стройные тела! Сколько часов потратил, чтобы просчитать их бессознательное образование, обучение и хореографию в короткие часы бодрствования! И, в конце концов, сколько раз они танцевали у основания живой картины и останавливались в силовом поле прежде, чем я успевал поймать определенный момент, который рисовал в своем воображении! И вот теперь моя статуя стоит перед нами, как олицетворение изящества человеческого духа. Что меня очень порадовало, картина была выставлена под правильным углом и нужным светом. На лицах танцоров было такое выражение, словно для них не существовало ничего, кроме танца, что в данном случае являлось почти чистой правдой. Да, меня это очень порадовало.

Десмонд лишь покачал головой.

— Нет, Роарик. Пойми. Мы больше не можем заниматься всем этим...

— Десмонд! — Клео прорывалась через толпу скульпторов и гостей.

Улыбка у нее была широкой, а глаза злобно сверкали.

— Пошли, взглянешь на мою последнюю прекрасную статую!

Не сказав ни слова, Десмонд последовал за ней, а его лицо было настолько лишено эмоций, что все его мысли читались ясно. Толпа благодарно последовала за нами, поскольку неприязнь Десмонда и Клео была легендарной. С чего она началась, никто не помнит, хотя некоторые говорят, что они когда-то встречались. Если и так, то это было до того, как я с ними познакомился. Другие считают, что Десмонд ненавидит Клео за ее успех в соревнованиях скульпторов, а самые острые на язык сплетники говорят, что эта зависть объясняет новый нездоровый интерес Десмонда к миру внизу — виноград зелен, знаете ли. Но Десмонда всегда интересовали вещи, на которые другим было наплевать, — открытие научных истин, которые уже давно открыты, и тому подобное, — для меня было

очевидно, что его одержимость подобными вещами всего лишь следствие темперамента и того, что недавно открыл ему телескоп. Нет, ненависть между ним и Клео была гораздо более фундаментальной, столкновением противоположностей.

Теперь Десмонд усталился на новую статую Клео. Невозможно отрицать, что Клео необычайно талантлива, особенно в выражениях лиц, невероятно сложных отображениях уникальных сочетаний эмоций, и этому произведению тоже присуща ее привычная гениальность при работе с самым сложным материалом. Там была лишь одна фигура: рыжеволосая молодая женщина, оглядывающаяся через плечо с выражением чувственной уязвимости и смятения, пронизанного острой меланхолией. Как изысканно!

Вид этой скульптуры надломил последнюю опору самообладания Десмонда Каина, — это было заметно невооруженным глазом. Его глаза наполнились жалостью и отвращением, губы искривились:

— Как тебе это удалось, Клео? Что ты сделала с ней в своем мирке, чтобы получить такое выражение у нее на лице?

Такие вопросы никто не задает. Аркология каждого творца — неприкосновенная территория, физическое воплощение работы подсознания скульптора — полностью закрытая вселенная. Что делает творец со своим материалом, касается только его одного.

Но правда в том, что никто не забыл бедного Артура Мэджистера, кто годами предлагал на суд публики все более и более странные и ужасающие статуи, остановившись на девушке, чье лицо было так искажено, что смотреть на него казалось просто невыносимо. Несмотря на то, что правило о неприкосновенности было соблюдено, оставались вопросы, и никто не нашел бы на них ответов, если бы Артур не взорвал себя самого и свою мастерскую, где, помимо прочих вещей, обнаружилось приличное число искалеченных клонов.

Так что это было щекотливой темой, и когда Десмонд задал Клео свой бесстыжий вопрос с его мрачным подтекстом, она побелела, а затем покраснела от гнева. Презрительно (хотя я чувствовал, что она еще и испугалась) она отказалась отвечать. Десмонд окинул всех нас яростным взглядом, — будь он клоном, я бы тут же его остановил.

— Тоже мне, маленькие боги, — прорычал он и покинул помещение.

Это будет стоить ему если не санкций, то репутации уж точно. Но большинство уже забыло о его выходке, обрадованное тем, что можно приступить к открытию выставки. Тем временем, за столами, пробки от бутылок из-под шампанского уже вызвали новый дождь из цветков джакаранды.

Пару часов спустя, когда выставка превратилась в буйную вечеринку, я услышал новость, со скоростью молнии перелетающую от одной группы к другой, что кто-то сломал замки живых картин (считалось, что это невозможно) и выключил силовые поля, позволив большинству статуй сбежать. Именно тогда, когда мы рванулись к дальнему концу теплицы-галереи, мчась по длинной кривой периметра пентхауса, я услышал, что кто-то за-

метил, как из галереи выходил Десмонд Кин вместе с рыжеволосой девушкой, статуей Клео.

Невообразимый скандал. Это будет стоить Десмонду не только денег: изгонят его в какой-нибудь скучный сектор города, чтобы он там вместе с роботами чистил стены или обучал детей, или занимался еще чем-то подобным, его заставят заплатить временем. И Клео! Я простонал, – конца ее гневу не будет никогда.

В такой ситуации, для друга почти ничего нельзя сделать, но, пока остальные разыскивали и умиротворяли сбитых с толку клонов (среди которых, увы, были и мои съездившиеся друг у друга в объятиях танцоры), я пошел разыскать Десмонда и предупредить его, что их видели вместе. Я хорошо знал его укрытия, поскольку уже бывал в большинстве из них, и поспешил через полупустые, смутно напоминающие парижские, бульвары северной части пентхауса.

Первой моей попыткой был разрушенный планетарий неподалеку от бань. Я отпер дверь ключом, который мы втихаря скопировали несколько лет назад. И – что за неосторожность! – Десмонд и молодая девушка-клон занимались любовью на возвышении посреди комнаты, Десмонд лежал на спине, а девушка сидела на нем верхом, изогнувшись, словно в нее входила вся энергия огромного городского шпиля... Похоже, Десмонд собирался этой ночью нарушить все табу. Я тут же закрыл дверь, но, с учетом ситуации, нашел уместным громко в нее постучать.

– Десмонд! Это Роарик! Вас заметили, тебе нужно уходить!

Молчание. Что делать в подобной ситуации?! Я никогда с таким не сталкивался. После добрых тридцати секунд размышлений, я снова открыл дверь. Ни Десмонда, ни девушки.

Однако, именно я вместе с Десмондом обнаружил потайной выход из планетария, так что я подбежал к центральному шару из оптоволокну, который не смог починить даже Десмонд и поднял находящуюся рядом с шаром крышку люка. Вниз по лестнице и дальше по коридору, я пробежал в другое сооружение пентхауса.

Не стану описывать ни подробности моих долгих поисков, ни отчаянные и нелепые попытки ускользнуть от соперничающих поисковых групп. Несмотря на хорошее знание укрытий Десмонда и мою встревоженную дотошность, я не нашел его, пока не подумал о месте, где должен был посмотреть в первую очередь. Я вернулся на северо-западный угол террасы, сразу за стеклянной стеной теплицы-галереи, откуда (поскольку уже наступили сумерки), если бы скульпторы могли видеть сквозь собственные отражения, они бы смотрели прямо на Десмонда.

Он и рыжая стояли рядом с телескопом, а их локти опирались на поручни, пока они, стоя бок-о-бок, вглядывались вниз. Спортивная сумка Десмонда лежала у его ног. Что-то в их позе удержало меня от выхода из темноты. Они выглядели так, словно только что закончили обыденную, но очень личную беседу... разговор о простых незначительных вещах, тот, что ведут любовники после многих лет совместной жизни. Такой спокой-

ный, умиротворяющий... Я лишь смотрел, на то, что казалось нерушимой, вечной живой картиной.

Десмонд вздохнул и повернулся, чтобы взглянуть на нее. Двумя пальцами он взял прядь ее волос и стал любоваться золотистыми блеском полоски, идущей посередине пряди.

— Есть три типа рыжих волос, — печально сказал он. — Темно-рыжий, коричнево-рыжий и золотисто-рыжий. И самый прекрасный из них — это...

— Темный, — сказала девушка.

— Золотистый, — сказал Десмонд и покрутил прядь пальцами...

— Что там внизу? — спросила она.

Темный мир, окутанный ночью: огромная черная Африка, листва, точно темный мех, сверкающий закопченными огнями тысяч костров, ниточки света, похожего на блеск желтых звезд.

— Там — мир, — сказал Десмонд, его голос был настолько напряжен, что он начал картавить. — Наверное, ты ничего о нем не знаешь. Вокруг тех огней суетятся люди. Они — рабы, их жизнь, возможно, даже хуже твоей.

Но его слова, казалось, совсем не заделли девушку. Она отвернулась, оставив пустой фужер на перилах. На ее лицо было выражение, такое потерянное, — внезапный отголосок выражения лица статуи, которую из нее сделала Клео, — что я задрожал от внезапного озноба. У нее не было ни малейшего понятия, что происходит вокруг.

— Черт, — сказала она. — Жаль, что я забыла взять еще один фужер.

Беседа продолжалась в каком-то ином измерении. Затем я увидел лицо Десмонда Кина и понял, что сейчас самое время нарушить молчание.

— Десмонд! — Я выскочил из тени и схватил его за руку. — Уже нет времени, тебе нужно срочно добраться до одной из наших тайных комнат и спрятаться! Не думаю, что ты хочешь узнать, какой тебя ждет приговор за то, что ты сделал!

Молчание тянулось долгое мгновение: я содрогнулся от мысли, какую скульптуру мы сейчас собой представляем. Мир — жестокий творец.

— Все хорошо, — сказал, наконец, Десмонд. — Давай, Роарик, бери ее, и уходите отсюда. — Он нагнулся и принялся копаться в сумке. — Если они ее поймают, то убьют.

— Но... но куда нам идти? — запинаясь, спросил я.

— Ты знаешь город не хуже меня! Попробуйте добраться до служебного лифта галереи и спуститься в подвал, — ты же знаешь, — принялся объяснять он, но, как только раскрыл рот, чтобы выдать дальнейшие указания, распахнулась дальняя дверь оранжереи, и оттуда на террасу начала высыпать разъяренная толпа. Нам пришлось уносить ноги, я схватил девушку за руку и побежал к ближайшей двери в оранжерею. Последний раз, когда я видел Десмонда Кина, он перелезал через перила. Боже мой, подумал я, он собирается убить себя... но потом заметил у него на спине прямоугольный рюкзаки вполне понятного назначения.

Our Town, (Omni, 1986 № 11). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.

КИМ СТЕНЛИ РОБИНСОН

ПРЕЖДЕ, ЧЕМ Я ПРОСНУСЬ

Затем он проснулся, и все оказалось сном.

Во сне Абернати стоял на высоком горном хребте. Крутой осыпающийся склон вел к ледниковой котловине, в которой лежало небольшое озерцо. В середине озеро было темно-синим, а ближе к берегам – аквамариновым. За скалами повсюду виднелись обширные луга, словно лужайки перед поместьями сурков. Деревьев там не было. В горле першил холодный, разреженный воздух. Обзор открывался на много километров во все стороны, и, хотя все просто застыло, казалось, что движется пейзаж целиком, словно порыв ветра задел ткань всего сущего.

– Просыпайся, черт тебя побери, – сказал голос.

Его толкнули в спину, и Абернати начал падать по склону, увлекая за собой небольшую лавину.

Он оказался в большой белой комнате. Повсюду стояли стеклянные ящики разных размеров, по четыре-пять друг на друге, и в каждом ящике было спящее животное: обезьяна, собака, кошка, свинья, дельфин, черепаха.

– Нет, – пяťясь, сказал он. – Пожалуйста, нет.

В комнату вошел бородатый человек.

– Давай, просыпайся, – грубо сказал он. – Пора возвращаться к работе, Фред. Наша надежда состоит в том, чтобы работать как можно усерднее. Когда начинаешь ускользать, нужно сопротивляться!

Он взял Абернати под руки и усадил на ящик с белками.

– Слушай! – закричал он. – Мы спим! Мы во сне!

– Слава Богу, – сказал Абернати.

– Не так быстро! Мы также и бодрствуем.

– Не верю.

– Еще как веришь!

Он стукнул Абернати в грудь большим свертком миллиметровой бумаги, и листы, разворачиваясь, полетели на пол. Их покрывали черные закорючки.

– Похоже на нотные листы, – рассеянно сказал Абернати.

– Да! Да! Это симфония нашего мозга, очень точная! Скрипки затишают... то, что было нашим, Фред, нашим сознанием, – прокричал бородач.

Со страдающим видом, он сильно дернул себя за бороду обеими руками.

– Внезапный переход на басы сменяют игру на скрипке, благословенный сон, да, да! И по ночам призрачные инструменты: рог, гобой и виола, наигрывающие тонкие мелодии на фоне общих басов, все громче и громче, пока скрипки не зазвучат снова, да, Фред, она абсолютно точная!

– Спасибо, – сказал Абернати. – Но можешь не орать. Я рядом.

– Тогда очнись, – резко сказал человек. – Не можешь, не можешь! Застрел, не так ли? Играешь новую мелодию, как и все мы. Смотри сюда – фаза быстрого сна, без всякого разбора связанная с сознанием и глубоким сном, превращающая нас в лунатиков. В лунатиков, видящих кошмары наяву.

Заглянув в глубину бороды человека, Абернати увидел, что у него все зубы были резцами. Абернати медленно пробирался к двери, а затем рванулся и побежал. Человек прыгнул на него, схватил, и они повалились на пол.

Абернати проснулся.

– Ага! – сказал кто-то.

Это оказался Уинстон, заведующий лабораторией.

– Значит, теперь ты мне веришь, – кисло сказал он, потирая локоть. – Думаю, нам нужно написать это на стене. Если мы все начнем ускользать, то даже не вспомним, что было раньше. И тогда все закончится.

– Где мы? – спросил Абернати.

– В лаборатории, – ответил Уинстон голосом полным упрямого терпения. – Теперь мы живем тут, Фред. Вспомнил?

Абернати осмотрелся. Лаборатория была большой, хорошо освещенной. Листы миллиметровки с записанными на них ЭЭГ валялись на полу. Черные столешницы, заваленные различными приборами, торчали из стен. В углу стояла клетка с двумя крысами.

Абернати яростно помотал головой. Все возвращалось. Теперь он проснулся, но сон был реален. Он простонал, подошел к маленькому окошку помещения и увидел, как из города внизу поднимается дым.

– Где Джилл?

Уинстон пожал плечами. Они выбежали через дверь в конце лаборатории и ворвались в маленькую комнату, набитую кроватями и одеялами. Никого.

– Она, наверное, снова вернулась в дом, – сказал Абернати.

Уинстон прошипел от раздражения и беспокойства.

– Я проверю участок, – сказал он. – А ты лучше займись домом. Будь осторожен!

Но Фред уже вышел из комнаты.

Во многих местах улицы были практически перегорожены разбитыми машинами, но с тех пор, как Абернати последний раз ездил домой, изменилось немного, и он двигался быстро. Пригороды задыхались от тумана, пахнущего дымом, образующимся при сгорании мусора. Работник заправочной станции, держащий заливочный шланг, изумленно поглядел на проезжающую машину Абернати, а затем помахал рукой. Абернати не

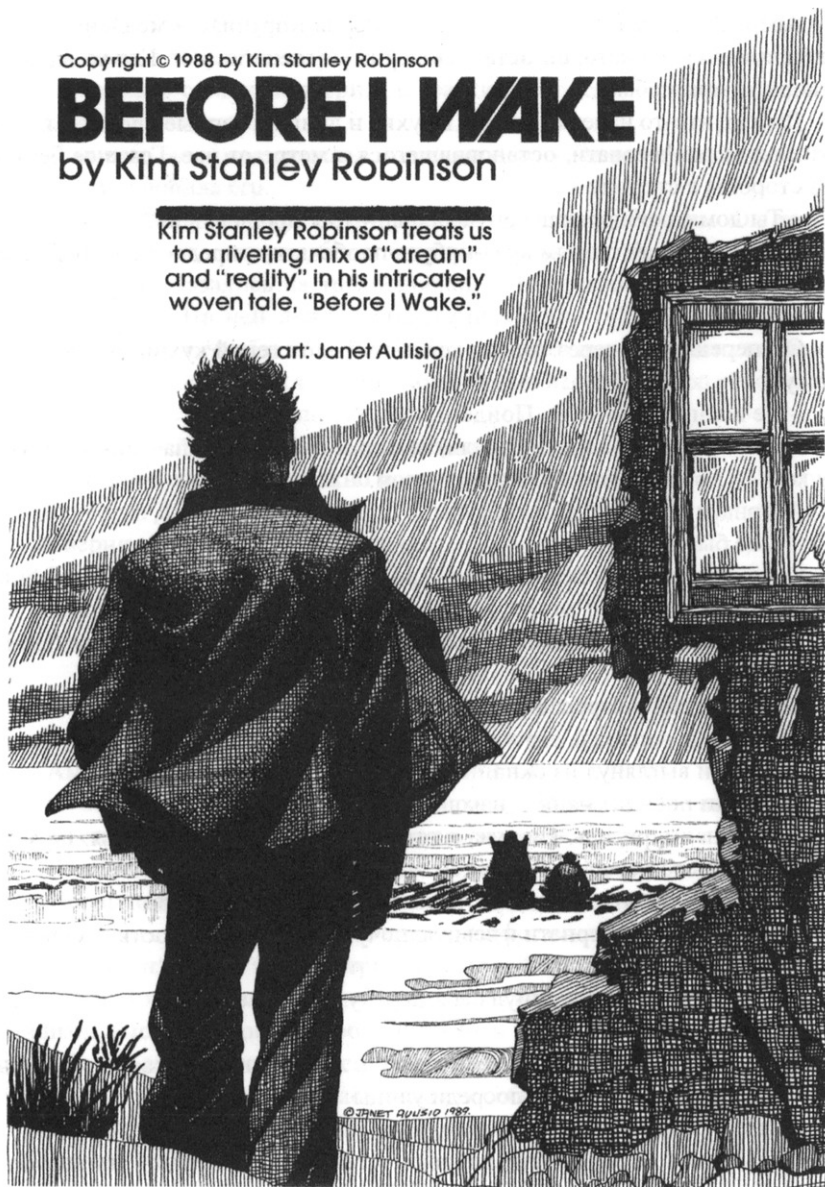
Copyright © 1988 by Kim Stanley Robinson

BEFORE I WAKE

by Kim Stanley Robinson

Kim Stanley Robinson treats us to a riveting mix of "dream" and "reality" in his intricately woven tale, "Before I Wake."

art: Janet Aulisio

обратил на него внимания. Во время одной из таких экспедиций он наблюдал поножовщину, и теперь старался не смотреть по сторонам.

Он остановил машину у тротуара рядом со своим домом. Тем, что от него осталось. Дом сгорел почти до основания. Дымоход был единственным, что торчало выше, чем полтора метра над землей.

Абернати вылез из своего старого «Форда Кортина» и медленно перешел лужайку, на которой остались черные отпечатки ног. Где-то вдалеке упорно лаяла собака.

Джилл, что-то напевая, стояла в кухне и двигала черные предметы. Она взглянула на Абернати, остановившегося в метре от нее. Глаза ее бегали из стороны в сторону.

– Ты дома, – ободряюще сказала она. – Как прошел день?

– Джилл, давай сходим куда-нибудь пообедать, – предложил Абернати.

– Но я ведь уже готовлю!

– Вижу.

Он перешагнул через то, что когда-то было стеной кухни, и взял ее за руку.

– Не волнуйся об этом. Пойдем.

– Ты такой... – начала Джилл, вытирая его лицо запачканной сажей рукой, – ...романтичный нынче вечером.

Абернати широко растянул губы.

– Еще бы. Давай.

Он осторожно вывел ее из дома, провел по лужайке и усадил в старенький «форд».

– Настоящий джентльмен, – заметила она, а ее взгляд продолжал бегать по сторонам.

Абернати сел на кресло водителя и завел двигатель.

– Но Фред, – сказала его жена, – как насчет Джеффа и Френ?

Абернати выглянул из окна.

– С ними посидит няня, – наконец, сказал он.

Джилл нахмурилась, кивнула и откинулась на спинку сиденья. Ее круглое лицо было перепачкано сажей.

– А, – сказала она, – тогда я с радостью пообедаю вне дома.

– Ага, – сказал Абернати и зевнул, почувствовав сонливость. – О нет! – вскричал он. – Нет!

Он закусил губу и ущипнул себя за руку. Снова зевнул.

– Нет! – закричал снова.

Джилл от удивления дернулась к двери. Абернати резко свернул, чтобы не сбить азиатку, сидящую посреди улицы.

– Мне нужно попасть в лабораторию, – прокричал он.

Он опустил козырек над лобовым стеклом, взял ручку из кармана куртки и нацарапал «в лабораторию». Джилл уставилась на него.

– Это была не моя вина, – прошептала она.

Абернати свернул на магистраль. Все тридцать полос были пусты, и он сильнее придавил педаль газа.

– В лабораторию, – приговаривал он, – в лабораторию, в лабораторию.

Летающий полицейский автомобиль сел на шоссе перед ним и помчался по асфальту. Абернати пытался следовать за ним, но магистраль

сужалась и извивалась, и вскоре они снова оказались на улицах города. Разочарованно закричав, он укусил себя за большой палец. Джилл, заплакав, прижалась спиной к двери. Ее зрачки сузились и словно пытались вырваться на свободу.

— Я ничего не могла сделать, — сказала она. — Он любил меня, ты же знаешь. А я любила его.

Абернати ехал дальше. Некоторые улицы поглотил огонь. Он хотел поехать на запад... нужно было свернуть на запад. Машина вела себя странно. Они оказались на трехполосной дороге, на которой стояло несколько домов. На ней лежал гигантский «Бойнг-747» со сложенными вперед крыльями. Чтобы по дороге можно было ездить, в фюзеляже самолета прорезали огромный туннель. Коп в белых перчатках и со свистком в зубах регулировал проезд по туннелю.

На приборной панели вспыхнул сигнал тревоги. В лабораторию.

— Я не знаю, как! — судорожно всхлипнул Абернати.

Его сестра Джилл села прямо.

— Сверни налево, — тихо сказала она.

Абернати двинул переключатель направления, и машина сама съехала на дорогу, уходящую налево. Добираясь до других развилки, Джилл каждый раз говорила, куда ехать. В зеркале заднего вида показался дым.

Затем он проснулся. Уинстон тер его руку кусочком ваты, убирая капельку крови.

— Амфетамины и боль, — прошептал Уинстон.

Они были в лаборатории. Около десятка сотрудников, аспиранты и студенты, сидели за столами, над чем-то сосредоточенно работая.

— Как Джилл? — спросил Абернати.

— Хорошо, хорошо. Она сейчас спит. Слушай, Фред. Я нашел способ, как не впадать в сон более долгое время. Амфетамины и боль. Регулярные инъекции бензедрина плюс острые вспышки боли каждый час или около того, причиняемой наиболее удобным способом. Метаболизм остается на слишком высоком уровне, чтобы позволить разуму погрузиться в сон. Я попробовал сам и продержался в сознании и здравом уме целых шесть часов. Теперь мы все пользуемся этим способом.

Абернати смотрел, как мечутся сотрудники лаборатории.

— Да уж, я вижу.

Он чувствовал, как его сердце победно стучало.

— Ну, давай за дело, — энергично сказал Уинстон. — Не будем тратить время зря.

Абернати встал. Уинстон собрал совещание. Чувствуя, что на него направлены взгляды, Абернати собрался с мыслями.

— Мозг состоит из электрохимических реакций. Поскольку заболевание затронуло всех нас, мне кажется, мы можем не обращать внимание

на химию и сфокусироваться на электрической части. Если окружающие нас поля изменились... Кто-нибудь знает, сколько гауссов составляет напряженность магнитного поля Земли сейчас? Или какова интенсивность космического излучения?

Все глядели на него.

— Мы можем подключиться к датчикам космической станции, — сказал Абернати. — А остальную работу проделать здесь.

Итак, он принялся за дело, остальные занялись тем же. Ежечасно улыбающийся Уинстон подходил со шприцом в руке, распевая: «Скорость, скорость, ско-орость!» Он убедил Абернати капать себе на внутреннюю часть предплечья соляную кислоту.

Это позволяло Абернати бодрствовать дольше остальных. Целый день, а затем и второй, он работал без перерыва, поедая крекеры, запивая водой и, когда Уинстона не оказывалось рядом, вводя себе инъекции.

После первых нескольких часов, его помощники начинали погружаться в сон, несмотря на уколы и кислоту. Задания, которые выдавал Абернати, никогда не выполнялись. Один из его техников показал ему удачный эксперимент: две крысы, сросшиеся лапками. Абернати тщетно пытался привести его в чувства.

В конце концов, он закончил все сам. Шли дни. Пока все его техники спали или бездумно бродили вокруг, он переходил с одного рабочего места на другое, искося поглядывая заполненными песком глазами на осциллограф и компьютерные экраны. Абернати еще никогда не чувствовал себя таким усталым. Казалось, он сдавал тесты по предмету, в котором он не разбирался, и более того, очень сильно отставал.

Но он все равно продолжал работать. ЭЭГ показывали разницу между бодрствованием и фазой быстрого сна, которую он прежде не видел. Между ЭЭГ и изменениями магнитного поля обнаружилась взаимосвязь.

У некоторых людей были открыты поблескивающие глаза, они сидели на полу, разговаривая друг с другом или с Абернати. Один раз ему пришлось успокоить Уинстона, расхаживающего взад-вперед, хнычущего и беспрестанно повторяющего: «Мы больше никогда не проснемся, Фред, никогда». Абернати сделал ему укол, но он не подействовал.

Абернати продолжал работать. Он сидел за накрытым столом вместе со своими однокурсниками, но, тем не менее, продолжал работать. Делал себе уколы всякий раз, когда вспоминал об этом. Он очень, очень устал.

Со временем Абернати показалось, что он понял столько, сколько и собирался. Все остальные лежали вместе с Джилл в комнате с кроватями, либо просто валялись на полу. Их глаза и веки дергались.

— Земля летит сквозь пространство, заполненное пылью, газом, полями и силой. Теперь все постоянные изменились. Данные с космической станции это подтверждают, показывают признаки сильного электромагнитного поля, навстречу которому мы движемся. Больше пыли, космических

излучений и гравитационных приливов. Возможно, это ударная волна от взрыва сверхновой, находящейся где-то поблизости, которую мы только что заметили. Кто-нибудь, в последнее время, поднимал глаза в небо? В любом случае, было что-то. Изменившееся поле повлияло на электрическую схему у нас в мозгу, вызывая то, что мы называем фазой быстрого сна. Наш мозг сопротивляется и борется, чтобы оставаться в сознании, но поле вынуждает отступить. Итак, мы начинаем пребывать в промежуточном состоянии между сном и бодрствованием.

Абернати слабо усмехнулся и забрался на одну из столешниц, чтобы поспать.

Он проснулся и стряхнул пыль с лабораторного халата, служившего ему одеялом. Пыльная дорога, на которой он спал, оказалась пустой. Он пошел. Было облачно и уже почти стемнело.

Абернати прошел мимо небольшой группы хижин, построенных в тропическом стиле, с открытыми стенами и крышами из пальмовых листьев. Они были пусты. Темный свет наполнял небо.

Затем он подошел к берегу моря. Перед ним простирался плоский мыс, усеянный тысячами деревянных стульев, поломанных и сваленных в одну кучу. На кончике мыса виднелась человеческая фигура, сидящая в большом кресле, у которого все еще было сиденье, спинка и один подлокотник.

Абернати осторожно шел, наступая на деревянные рейки и ребра, подлокотники и фанерные сидения. Серый океан был удивительно спокоен, гладкие воды беззвучно окатывали скользкое дерево на самом берегу. Клочки тумана, самые нижние области больших облаков, медленно проплывали над берегом. Воздух был соленый и влажный. Абернати задрожал и наступил на следующий кусок выветренной древесины.

Сидящий человек обернулся и посмотрел на Абернати. Это оказался Уинстон.

— Фред, — позвал он, и в закатной тишине его голос прозвучал очень громко.

Абернати подошел, взял стул, аккуратно его поставил и сел.

— Как ты? — спросил Уинстон.

— Хорошо, — кивнув, сказал Абернати.

От воды доносились шлепки воды о берег. Волны стали немного больше, и, когда подкатывали к берегу, Абернати видел поднимающуюся от них легкую дымку.

— Уинстон, — прохрипел он и прокашлялся. — Что случилось?

— Мы спали.

— Но что это значит?

Уинстон расхохотался.

– Фаза засыпания, переходный сон, быстрый сон, сон ромбовидного мозга, мостовой сон, фаза активного сна, парадоксальный сон. – Он иронично улыбнулся. – Но никто не знает, что это такое.

– Но все эти исследования.

– Да, эти исследования. А как я раньше в них верил, как работал над ними, всеми этими жалкими догадками, варьирующимися от нелепости до абсурда. Мы видим сны, чтобы преобразовать опыт в память, обострить чувства в темноте, подготовиться к будущему, и Бог знает, зачем тренировать глубины нашего восприятия! Хочу сказать, мы и понятия не имеем, что это такое, не так ли, Фред? Мы не знаем, что значит видеть сны, не знаем, что такое сон, и если чуть-чуть подумать, что такое сознание, мы тоже не знаем. Что значит бодрствовать? Мы вообще когда-нибудь поймем это? Мы живем, спим, видим сны, и все три процесса – одинаково неразрешимые загадки. И теперь, когда мы делаем все три вещи сразу, стала ли загадка хоть чуточку сложнее?

Абернати поднял с земли деревянную ножку кресла.

– В основном, я чувствую себя нормально, – сказал он. – Просто продолжают происходить непонятные вещи.

– Твои ЭЭГ довольно необычны, – сказал Уинстон, подражая научному тону. – Больше альфа и бета волн, чем у любого из нас. Словно тебе очень тяжело проснуться.

– Да. Весьма на это похоже.

Некоторое время они сидели в тишине, наблюдая, как волны шлифуют мокрое дерево. Прибой ослабевал. В море, почти на границе видимости, Абернати увидел большой катер, дрейфующий по течению.

– Так Расскажи, что обнаружил, – сказал Уинстон.

Абернати сначала описал данные, полученные космической станцией, а затем и свои опыты.

Уинстон кивнул.

– То есть, мы застряли надолго.

– Только если не минуем это поле. Или... у меня есть проект устройства, которое можно носить на голове, чтобы восстановить старое поле.

– Решение, увиденное во сне?

– Да.

Уинстон засмеялся.

– Я раньше верил в наш разум, Фред. Сны – это некий вид электромагнитной активности нервной системы, беспорядочной активности, вот как разумно это звучит! Нужно дать проявиться глубинному восприятию! Боже, как это было глупо. Почему мы не поверили, что сны – это великие путешествия в будущее, в другие вселенные, в мир, более реальный, чем наш! Иногда, в последнюю секунду перед пробуждением, так и казалось, что мы жили в мире, настолько полным смысла, что он мог лопнуть... И теперь мы вот где. Мы здесь, Фред, вот, что важно, и больше ничего,

и не имеет значения, как мы это назовем. Мы здесь. От замысла до, возможно, образа. Люди приспособятся. Это одна из наших отличительных способностей.

– Мне это не нравится, – сказал Абернати. – Мне никогда не нравились мои сны.

Уинстон слегка усмехнулся.

– Говорят, что сознание само по себе было одним из таких скачков, люди бегали на четырех ногах, и затем, в один день, может быть, потому что Земля пролетела через ударную волну какого-нибудь отдаленного взрыва, кто-то из них выпрямился, удивленно осматрел окружающий мир и сказал: «Я существую».

– Это было бы удивительно, – сказал Абернати.

– И сейчас, в одно прекрасное утро, все проснулись, находясь еще во сне, огляделись вокруг и спросили «Кто я?» – Уинстон засмеялся. – Да, мы тут застряли. Но я смогу приспособиться. – Внезапно он указал в море. – Смотри, тот катер тонет.

Они смотрели, как несколько людей на борту судна пытались опустить на воду резиновый плот. Спустя множество неудачных попыток, им, наконец, это удалось, и они перебрались на плот. Затем стали грести от берега, постепенно скрываясь в тумане.

– Мне страшно, – сказал Абернати.

Затем он проснулся. И снова оказался в лаборатории. Она выглядела хуже некуда. С пары столешниц смахнули все оборудование, чтобы освободить место под шахматные доски, и несколько сотрудников играли вслепую, споря о том, кому принадлежала та или иная доска.

Абернати пошел в кабинет Уинстона, чтобы взять еще бензедрина. Препарат закончился. Он вцепился в одного аспиранта и спросил:

– Сколько я проспал?

Глаза аспиранта судорожно метались, и он пропел свой ответ:

– Шестнадцать человек на сундук мертвеца, йо-хо-хо и бутылка рома.

Абернати зашел в комнату с кроватями. Там была Джилл, голая, не считая светло-голубого нижнего белья, и курила сигарету. Другой аспирант шекотал ей пером грудь.

– О, привет, Фред, – сказала она, глядя Абернати прямо в глаза. – Где ты был?

– Разговаривал с Уинстоном, – с трудом ответил он. – Ты его видела?

– Да! Впрочем, не знаю, когда...

Абернати снова принялся за работу один. Никто не хотел помогать. Он освободил комнатку неподалеку от основной лаборатории и притащил туда необходимое оборудование. В шкаф он положил три большие коробки с крекерами, и пытался запирать себя в комнате всякий раз, когда чувствовал сонливость. Однажды он провел шесть недель в Китае, затем

проснулся. Иногда он просыпался в своей старой «кортине», обнимая рулевое колесо, как единственного друга. Все друзья куда-то подевались. Каждый раз Абернати возвращался и снова принимался за работу. Он мог часами оставаться в сознании. Он многое сделал. Магниты работали хорошо, и он получил поле, которое хотел. Устройство для головы, – странно выглядящий шлем с проводами, – было готово к использованию.

Абернати устал. Моргать стало больно. Всякий раз, чувствуя сонливость, он капал на руку кислоту. Рука покрылась ожогами, но ни один из них больше не болел. Когда он просыпался, ему казалось, что он не спал несколько дней. Дважды ему помогали аспиранты, и он был этому несказанно рад. Время от времени заходил Уинстон, но только затем, чтобы посмеяться. Абернати слишком устал, все его движения стали неуклюжими. Один раз он добрался до телефона в лаборатории и пытался позвонить своим родителям, но все линии оказались заняты. Радио просто шипело на всех частотах, кроме той радиостанции, что крутила только серии «Одинокого рэйнджера» и больше ничего. Абернати вернулся к работе. Поел крекеров - и снова за дело. Все трудился и трудился.

Как-то раз, поздно вечером, он вышел на балкон лабораторной столовой, чтобы сделать перерыв. Солнце висело низко, дул прохладный ветер. Абернати видел воздух, наполненный янтарным светом, и стал яростно им дышать. Под ним дымился город, свистел ветер, и он знал, что жив, осознавал это, и нечто важное попадало в мир, проникая во все сущее...

Джилл вышла на балкон, все еще ничего не надев поверх голубого белья. Она шагала на цыпочках, странно улыбаясь. Абернати видел, что она покрылась гусиной кожей, похожей на следы мокрых кошачьих лапок, и энергия ее присутствия - отдаленная, женская и загадочная, - наполнила его страхом.

Они стояли в паре метров друг от друга и смотрели вниз, на город, туда, где когда-то был их дом. Там бушевал огонь.

Джилл указала на то место.

– Как жаль, что нашей смелости хватает только на то, чтобы жить лишь во сне.

– Я думал, у нас все хорошо, – сказал Абернати. – Думал, что мы используем нашу жизнь по максимуму, каждую секунду бодрствования.

Она уставилась на него с все той же улыбкой.

– И ты действительно так думал, правда?

– Да, – грозно сказал он, – еще как думал.

Он вошел внутрь, чтобы отделаться от нее.

Затем он проснулся. Он снова оказался высоко в горах, в амфитеатре среди скал. Теперь он был еще выше и видел еще два озера, крошечные гранитные бассейны, расположенные над темно-сине-аквамариновым водоемом. Абернати забирался по крошащимся камням, направляясь к пе-

ревалу. Лишайник покрывал камни. Ветер, испаряя пот с лица, приносил прохладу. Было тихо и безмятежно, так тихо, так спокойно...

– Проснись!

Это был Уинстон. Абернати оказался в маленькой комнате (высокие горы вдали, пыльная зелень лесов внизу), устроившись в углу. Он встал, подошел к шкафу с крекерами и накачался бензедрином, который нашел в шприцах на полу. (Снег и лишайник).

Абернати вошел в главную лабораторию и включил пожарную тревогу. Это привлекло всеобщее внимание. Потребовалась пара минут, чтобы выключить сигнализацию. Когда он, наконец, это сделал, в ушах звенело.

– Устройство готово к использованию, – сказал он группе.

Там было около двадцати человек. Некоторые выглядели так опрятно, будто собирались в церковь, другие же были перепачканы и в лохмотьях. Джилл стояла в стороне.

Уинстон выбежал в передний ряд.

– Что готово? – прокричал он.

– Прибор, который поможет нам перестать видеть сны, – устало сказал Абернати. – Он готов к испытаниям.

– Ну, тогда давай попробуем, ладно, Фред? – медленно сказал Уинстон.

Абернати перенес шлемы и оборудование из комнаты в лабораторию. Подключил передатчики и подал питание на магниты и генераторы поля. Когда все было готово, он выпрямился и вытер лоб.

– Это все? – спросил Уинстон.

Абернати кивнул. Уинстон взял один шлем из проводов.

– Что-то он мне не нравится! – сказал он и кинул шлем в стену.

Абернати от удивления раскрыл рот. Один из техников спихнул электромагниты на пол, и во внезапной вспышке ярости, Абернати схватил деревянную биты и ударил того, кто это сделал. Некоторые из помощников Абернати подскочили, чтобы помочь, а остальные ломанулись вперед и начали крушить оборудование, разламывая его на мелкие части. Развязалась ужасная драка. Абернати изо всех сил махал куском дерева направо и налево, чувствуя огромное удовлетворение каждый раз, когда бита попадала в цель. По воздуху летали брызги крови. Они ломали плоды его трудов! Джилл схватила один шлем и бросила в него с криком:

– Это ты виноват, ты!

Абернати сбил с ног человека, находившегося рядом с электромагнитами. Замахнулся битой, чтобы добить, как вдруг, в руке Уинстона что-то блеснуло. Скальпель. Замахнувшись, как бейсболист, Уинстон всадил его глубоко в живот Абернати. Тот отшатнулся, попытался сделать вдох, обнаружил, что у него получилось, что он был в порядке и его не зарезали. Тогда Абернати развернулся и побежал.

Он вырвался на террасу, а Уинстон, Джилл и остальные, спотыкаясь и падая, бежали за ним. Внутренний дворик оказался на гораздо большей

высоте, чем раньше, высоко над горящим и дымящимся городом. Там, прямо в сердце города, спускалась длинная, широкая лестница. Абернати слышал крики, наступила ночь и дул ветер, но он не видел звезд. Он оказался на краю террасы, повернулся и увидел, что преследователи наступают ему на пятки, а их лица перекошены от ярости.

— Нет! — закричал он, размахивая битой во все стороны, когда они набросились на него.

Затем Абернати развернулся, чтобы побежать вниз по лестнице, но, так и не поняв, как у него получилось, споткнулся, и полетел вниз головой по каменной лестничной клетке, все вниз, вниз и вниз.

Затем он проснулся. И увидел, что падает.

Before I Wake, (Isaac Asimov's Science Fiction Magazine, 1990 № 4). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.

WORLDS OF

SCIENCE FICTION

SEPTEMBER 1966

50¢

EDGE OF NIGHT

by **A. BERTRAM CHANDLER**

Man battles against mutated beasts!

ENEMIES OF GREE by **C. C. MAC APP**

ARENA

by **MACK REYNOLDS** and stories by Blish, Saberhagen, and many others!

ПИРС ЭНТОНИ

ОТ РАЗОЧАРОВАНИЯ ДО САМОДОВОЛЬСТВА

— Я хочу пегаса, папочка, — приветствовал его у двери младший, чьи волнистые светлые волосы шевелились от трепетного ожидания. — Маленького, с белыми порхающими крыльями и развевающимся хвостом, и...

— Ты его получишь, сынок, — тепло сказал папочка, привычными автоматическими движениями снимая пиджак и галстук.

На следующей неделе шестое день рождение Брэдли Ньютона-младшего, и Брэдли-старший обещал ему книжку «Теперь нам шесть»*, и завести домашнего питомца. Ньютон был человеком слова, так что это были не пустые обещания. Он чувствовал, что должен это сделать, чтобы хоть как-то возместить безвременный уход миссис Н.

Ньютон расположился в кресле с мягкой обивкой, немного порадовавшись, что его сын проявил такое воображение. Другой ребенок потребовал бы что-нибудь банальное, как дворняжка или шотландское пони. Но никак не пегаса...

— Ты говоришь про крылатую лошадь, сынок? — спросил Ньютон, а тонкая иголочка сомнения начала покалывать его самодовольство.

— Верно, папочка, — радостно подтвердил младший. — Но это должна быть очень маленькая лошадь, потому что я хочу пегаса, который, и правда, сможет летать. Крылья взрослого животного неработоспособны, потому что их площадь слишком мала по отношению к массе тела, чтобы поднять его в воздух.

— Понял, сынок, — быстро сказал Ньютон. — Маленький.

Над ним смеялись, когда он настоял, чтобы у няни младшего было научное образование. К счастью, он сумел добиться своего недорого, и нанял няню, буквально оторвав ее от школьной доски. Ньютон пожалел, что сегодня у нее выходной: младший может быть очень настойчивым.

— Послушай, сынок, — попытался умерить его пыл Ньютон. — Я понятия не имею, где можно купить такую лошадь. И тебе нужно знать, чем ее кормить и как о ней заботиться, а иначе она заболеет и умрет. Ты же не хочешь, чтобы так случилось, правда?

Мальчишка обдумал услышанное.

— Ты прав, папочка, — наконец, сказал он. — Нам нужно будет внимательно об этом прочитать.

— Прочитать?

* «Теперь нам шесть» — книга Алана Милна (прим.перев.)

– В энциклопедии, папочка. Разве не ты мне всегда говорил, что это хороший источник знаний?

Забрезжил рассвет. Младший поверил в энциклопедию.

– Все верно, сын. Давай посмотрим, что там говорится... так... вот «От организма до пуделя»... должно быть в этом томе. Точно. – Ньютон нашел нужные слова и прочитал их вслух, – «Пегас – лошадь с крыльями, возникшая из крови Медузы Горгоны после того, как Персей отсек ей голову.

Маленькая челюсть младшего отвалилась.

– Это, наверное, просто легенда, – произнес он. – Лошади же произошли не от...

– ...создания из греческой мифологии, – победно закончил Ньютон.

Младший переварил это.

– Хочешь сказать, пегасов не существует, – удрученно сказал он, но затем просиял. – Папочка, если попрошу то, что существует, можно держать его в качестве домашнего животного?

– Конечно, сынок. Мы только посмотрим в энциклопедии, и если в книге написано, что он реален, мы сходим и купим его.

– Единорог, – сказал младший.

Ньютон едва сдержал улыбку. Он взял том с названием «От доверия до ежевики» и стал переворачивать страницы.

– Единорог – мифологическое создание, похожее на лошадь... – начал он.

Младший подозрительно на него посмотрел.

– В следующем году я пойду в школу и сам научусь читать, – пробормотал он. – Ты утверждаешь, что такого животного нет?

– Так говорится в книге, сынок... честно.

Мальчишка сомневался, но решил не спорить.

– Хорошо... а как насчет зебры? – Он смотрел, как Ньютон доставал «От затылка до индекса». – Но только хочу тебя предупредить, папочка, – мрачно сказал он, – что на одной из последних страниц букваря есть картинка с ее изображением.

– Я зачитываю именно то, что говорится в книге, сынок, – сказал Ньютон в свою защиту. – Вот оно: «Зебра – полосатое животное, похожее на лошадь, предположительно, жившее в Африке. Широко распространенное в европейском и американском фольклоре, хотя и полностью вымышленное...

– А вот теперь ты точно меня обманываешь, – сердито обвинил младший. – У меня есть картинка.

– Но сын... я тоже думал, что зебра существует. Никогда не видел, но считал, что она действительно живет в Африке... Смотри – у тебя ведь и привидения картинка тоже есть. Но ты же знаешь, что они ненастоящие?

Челюсть младшего замерла в открытом положении.

– Это совсем не то же самое. Привидения сверхъестественны...

– Почему бы нам не попробовать другое животное? – перебил сына Ньютон. – Вернемся к зебре позже.

*The bald eagle and the
whooping crane are vanishing.
Songbirds are dying by
the millions.*

*In Africa, the herds
thin out each year.
And have you been to
the zoo lately?*

Possible to Rue

By PIERS ANTHONY

— Мул, — угрюмо предложил младший.

Ньютон покраснел, но затем понял, что мальчишка делал это не специально. Он молча вытащил том, содержащий все слова от морфия до опиатов. Ньютон оказался слегка потрясен тем, какой оборот приняли события. Представил, какого это провести всю жизнь, веря в животное, которого, на самом деле, не существует. Тем не менее, конечно, это было глупо — молиться на лошадь с тюремными полосами.

— Мул, — прочитал Ньютон, — помесь осла и кобылы. Большой и сильный гибрид, отличающийся сообразительностью. Вымышленное создание, хотя, как единорог и зебра, доверчивыми людьми часто принимается...

Его сын посмотрел на него.

— Лошадь, — сказал он.

Ньютон с осторожностью открыл «От лопаты до мистификации». Он порадовался, что сам не был доверчивым.

— Правильно, сын. «Лошадь — сказочное животное с копытами, распространённое в мифологии. Быстрое четвероногое существо с развевающейся гривой, покрытым шерстью хвостом и добрым нравом. Металлические подковы, которые, предположительно, были на копытах лошади, считаются талисманами, приносящими удачу, как и рог единорога...

Младший опасно помрачнел.

— Минутку, сынок, — пролепетал Ньютон. — Я знаю, что это неправда. Я сам видел лошадей. Да их даже показывают по телевизору, в вестернах...

— Звучит правдоподобно, — пробормотал младший, но его сердце в это верить отказывалось.

— Слушай, сынок — я докажу это. Я позвоню на ипподром. Я раньше делал... хочу сказать, я раньше ходил туда, чтобы смотреть на лошадей. Может быть, они разрешат нам зайти в конюшни.

Ньютон набрал номер дрожащим пальцем и начал разговор. Спустя короткий неудачно окончившийся обмен словами, он с силой положил трубку.

— Теперь они устраивают собачьи бега, — сказал Ньютон.

Листая телефонный справочник, он отказывался разрешить себе думать. Книга предательски перелистнулась с приютов на больницы. Ньютон позвонил в справочную и потребовал его соединить с ближайшей лошадиной фермой, затем сердито набрал: «О», и после некоторого замешательства оказалось, что он разговаривает с ОАО «Лошадиная сила», продающей трактора.

Младший наблюдал за действиями отца с глубоким отвращением.

— Мне кажется, кое-кто слишком много болтает, — добродушно заметил он.

В отчаянии Ньютон позвонил соседу.

— Слушай, Сэм... знаешь кого-нибудь неподалеку, у кого есть лошадь? Я пообещал своему парню показать ее сегодня...

С того конца провода раздался смех.

— Ну, ты и чудак, Брэд. Лошади, говоришь. Ты его и в фей научил верить? Ньютон неохотно признал поражение.

— Кажется, я ошибался насчет лошади, сынок, — неловко сказал он. — Я мог бы поклясться, что они существуют... но неважно. Просто еще одно доказательство, что все совершают ошибки, вне зависимости от возраста. Почему ты не выберешь какое-нибудь другое животное? Говорю тебе — кого бы ты ни выбрал, я его достану.

Младший немного приободрился. Он всегда быстро распознавал беспроигрышные ситуации.

— Как насчет птицы?

Ньютон улыбнулся с искренним облегчением.

— Отлично, сын, просто отлично. Какая птица у тебя на уме?

— Ну, — задумчиво произнес младший. — Думаю, что хочу большую. Очень большую, такую, как рух, или, может быть, гарпию...

Ньютон достал «От разочарования до самодовольства».

Possible to rue, (Fantastic Stories of Imagination, 1963 № 4).

Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.

ПИРС ЭНТОНИ

ПРИЗРАЧНЫЕ ГАЛАКТИКИ

I

— Восемь точка восемь один, — отсчитал голос пилота по внутренней связи, и через тридцать секунд добавил: — восемь точка восемь два.

Взгляд капитана Шетланда смерил сначала сгорбившегося человека, сидящего с другой стороны каюты, а затем перешел к иллюминатору. Красное смещение или нечто похожее уже искажало вид космоса.

Что за анахронизм? — подумал капитан. Обычный иллюминатор на корабле, двигающемся со сверхсветовой скоростью. «Мег II» лишь недавно покинул сборочный док и теоретически был разработан для путешествий именно с такой скоростью...

— Скорость света, — объявила внутренняя связь, и в иллюминаторе возникла пустота. — Восемь точка восемь три.

— Спасибо, Джонс, — сказал капитан.

В его голосе не чувствовалось внутреннего напряжения.

Шетланд преодолевал световой барьер уже много раз, но с комфортом — ни разу. Световой барьер — не просто высокая скорость. Ограничения обычной физики нельзя обойти безнаказанно. В голове капитана крутилось четыре основных страха, и когда он закрывал глаза, в его голове всплывал блокнот со старомодным пружинным переплетом. На обложке блокнота было изображено маленькое лохматое пони и написано два слова: ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. Книжечка открывалась, выставляя напоказ бледно-розовые листы, и тут на сцене появлялся движущийся карандаш, остро заточенный, со следами зубов на конце. Карандаш двигался и писал:

ЧЕТЫРЕ СМЕРТЕЛЬНЫЕ СТРАХА КАПИТАНА ШЕТЛАНДА:

1. Двигатель, отказ
2. Личность, искажение
3. Маяк, отказ
4. Неизвестное.

Капитану понравилось, что, как обычно, список был выстроен в алфавитном порядке, сам процесс мысленного перечисления успокаивал его. Страхи, которые можно выразить на бумаге, теряли часть своей силы. Это оказалось очень кстати, поскольку сила их была велика. Один из них, спустя тридцать часов, забрал «Мег I».

Кончай! скомандовал себе капитан. На такой скорости даже беспечные размышления были чрезвычайно опасны.

Взгляд Шетланда вернулся к сидящему человеку. Это был Сомнанда, оператор маяка.

Сомнанда сидел неподвижно и не выражал никаких эмоций. Лоб у него был высокий, а волосы над ним — черные, но редкие. Его длинные уши, казалось, напряженно вслушивались в что-то за пределами каюты корабля. Полузакрытые глаза были любопытными, посережшими, и их цвет говорил о наличии мигательной перепонки. Губы и рот были гораздо изыснее, чем можно ожидать от такого крупного человека. Сомнанда создавал впечатление благородства, почти что святости.

Перед ним на столе лежала коробочка с горящей свечой над ней. Неподвижный взгляд Сомнанды сосредоточился на огоньке. Две мощные руки покоились на столе, а синие хребты вен обертывались вокруг выступающих сухожилий. Пальцы легонько касались пламени с обеих сторон свечи.

Сомнанда зашевелился. Его голова плавно повернулась подобно башне и навелась на Шетланда.

— Все работает, как надо, капитан, — сказал он голосом таким низким и мощным, что казался эхом, идущим от окружающих стен.

Шетланд, наконец, расслабился. Перед его глазами снова появился и раскрылся блокнот. Карандаш провел ровную линию через страх номер три.

Маяк работал исправно... по крайней мере, пока.

Когда корабль переходит световой барьер, обычная Вселенная практически перестает существовать. По отношению к кораблю, его команде и множеству механизмов, планеты и даже звезды становятся призраками, видимыми, но ненастоящими. Свет извне и гравитация регистрируются только как показания приборов. Но внутри корабля законы физики работают как обычно: «Мег II» требуется энергия для освещения, поддержания нужной температуры, работы механизмов и быстрого вращения, создающего искусственную гравитацию. Но физическое общение с Землей, — а любой электронный или световой сигнал относится к таковому, — было невозможно, поскольку корабль больше не находился в той же Вселенной, что и Земля.

В стол под конусообразно сложенными пальцами Сомнанды была встроена сложная схема. Псионическая схема, непостижимая для обычной науки. Сам механизм коммуникации по большей части находился в сознании оператора и никаких доказательств его существования не было — кроме того, что он работал.

Свет насмехающейся, мерцающей свечи был подтверждением того, что маяк работает. Он освещал путь к Земле. Никакой прибор не мог отследить курс «Мег II» с необходимой точностью, чтобы вернуть корабль на Землю. Не тогда, когда расстояние измерялось мегапарсеками. Не тогда, когда сама Вселенная была нечеткой. Только этот устойчивый маяк, только метафизическая гибкая связь могла указать им путь к нужному галактическому скоплению. Только Сомнанда.

— Капитан.

Вздвогнув, Шетланд пришел в себя.

— Извини, Сомнанда. Я опять беспокоился?

Тот медленно улыбнулся.

— Нет, капитан. Вы не потревожили маяк. Просто хотел напомнить, что сейчас ваш ход.

Шетланд забыл, что они играют в шахматы. Находясь многие часы в одиночестве космоса, нужно было себя чем-нибудь занимать.

— Конечно. — Капитан закрыл глаза и увидел клетчатую доску, а его король находился под шахом. — Белые, двадцать три. Король на король два. Каламбур ненамеренный.

Сомнанда кивнул. Пройдет еще час прежде, чем он сделает ход, поскольку, как и капитан, он был очень неторопливым. Бывали времена, когда каждое решение нужно было тщательно взвешивать.

— Сомнанда, — сказал капитан, и угрюмая голова приподнялась. — Ты знаешь цель нашей экспедиции?

— Галактика Млечный Путь имеет в диаметре всего лишь тридцать тысяч парсеков, — серьезно ответил Сомнанда. — Слишком мало, чтобы проверить маяк должным образом. Поэтому мы летим гораздо дальше.

Это нужно добавить в блокнот, подумал Шетланд. Преуменьшение возраста космоса. Маршрут «Мег II» должен был довести корабль буквально до края Вселенной. Как и первый «Мег»...

— Капитан.

Почему их разговор всегда заканчивается так быстро?

— Да, Сомнанда?

— В маяке... нестабильность.

Шетланд почувствовал, как холод сковал его желудок. Пламя свечи желтоватой вспышкой тут же взметнулось вверх.

Страх был губителен для маяка, — в этом нет никаких сомнений! Что за ирония — естественная реакция человека на сигналы опасности маяка тушит его же пламя! Капитан приложил усилия, чтобы обрести контроль над своими эмоциями, и стал смотреть, как маленькое пламя стихает и успокаивается.

Это была лишь временная мера. Сомнанда, как человек вежливого консерватизма, дал предупреждение. Что-то мешало маяку выполнять свою работу. Пока это не было серьезной проблемой, но на скорости выше световой такое редко разрешается само собой. Возмущение будет увеличиваться вместе с ростом скорости «Мег II» до тех пор, пока желательное действие не станет обязательным.

Но в чем причина возмущения? Это должен быть человек, который знает или подозревает истинное предназначение их путешествия, и сильно этим напуган. Подавляющее большинство членов экипажа ничего об этом не знают и никак не смогут понять, что «Мег» устанавливает рекорды скорости.

Появился блокнот. Карандаш развернулся другим концом, стер первый страх и написал его снова, но уже без линии, зачеркивающей слова. Затем, карандаш нарисовал стрелку, ведущую от только что написанной фразы к пункту два: *Личность, искажение*. Связанные угрозы.

Карандаш помедлил и сделал под пунктом два подзаголовок, оставляя после каждого свободное место: *А. Сомнанда, Б. Шетланд, В. Джонс, Г. Битон*. Капитан заметил, что фамилии шли не в алфавитном порядке, но оставил все, как есть. Карандаш вернулся к подпункту А, снова помедлил и написал:

А. Сомнанда — самый опытный и надежный космический связист. Спокойный нрав. Друг.

Он позволял дружбе влиять на себя? Этого нельзя было допускать. Карандаш вернулся и зачеркнул последнее слово.

Тем не менее, Сомнанда был самым маловероятным кандидатом. Если он потерял над собой контроль, им уже ничего не поможет. Никто, кроме него, не знает, как управлять маяком.

Б. Шетланд — капитан, опытный. Знает об опасности. Может контролировать эмоции.

Как можно судить самого себя? Записывая фразу, он зачеркнул слово, сделав исправление: он только подозревал о различных угрозах и не мог заявлять о том, что в курсе всех возможных опасностей. Тем не менее, его положение было особенным. Он один располагал достаточным количеством информации, чтобы успешно завершить миссию. Ему нужно было каким-то образом справиться со страхом неудачи или признать поражение с самого начала. Рациональное объяснение?

В. Джонс – пилот (механик двигателя).

Карандаш остановился. В записях говорилось, что Джонс компетентен, но Шетланд прежде с ним не летал. Как он мог быть уверен в этом человеке? Или он позволял себе предвзятость потому, что Джонс заменил еще одного его друга?

Объективность – ключ ко всему. Капитану придется поговорить с Джонсом... но не прямо сейчас. Пилот, как Шетланду сказала расписание, собирался покинуть пост и вернуться только на восемнадцатый час. Отложить разговор стоило еще по одной причине... было важным не нарушать режим сна. Его недостаток являлся одной из самых распространенных причин эмоциональной неустойчивости.

Г. Битон – картограф, стажер.

Карандаш снова медлил. Стажер. Это значит, что раньше ему не приходилось летать на сверхсветовой скорости. Шетланд еще даже ни разу с ним не встречался. Молодой, неопытный и на должности, на которой вполне можно было понять суть миссии и сулящие опасности. Очень вероятный подозреваемый. Но опять же, время не совсем подходило. Нужно было выбрать правильный момент, потому что от результата этой беседы может зависеть успех всей миссии.

Шетланд развернулся и направился к своей каюте. Он не устал, но намеревался поспать.

II

Корабельные часы показывали «19». Шетланд вошел в каюту пилота и остановился перед ним.

– Джонс, – позвал он.

Пилот вскочил.

– Сэр.

Он был низким, можно сказать, коренастым, чьи редкие светлые волосы придавали голове не по годам лысый вид. Черты его лица были ничем не примечательны, за исключением слегка покатога подбородка. Из исчерпывающего досье Шетланд знал, что Джонс был отличным пилотом, идеально подходящим для этой работы. Шетланд знал... и пытался подавить ничем не объяснимую неприязнь к этому человеку.

– Вижу, что мы остановились на девятнадцати, – сказал капитан и сам понял, насколько глупо это прозвучало. – Это, конечно же, наша скорость, несмотря на то, что мы составляем расписание корабля по этим часам. Можете перевести это число во что-нибудь более ясное?

Джонс пытался сдержать покровительственную улыбку.

– Как вы, наверное, знаете, сэр, двигатель разработан, чтобы показывать скорость в километрах в час, экспоненциально изменяющуюся с течением времени. Наша скорость показывается на логарифмической шкале корабельных часов. Таким образом, на данный момент, она равняется, относительно галактики ...

— Можешь считать, что я совсем идиот, — сказал Шетланд.

— Да, *сэр*! — И Джонс попробовал еще раз. — Когда часы показывают один, значит, корабль движется со скоростью десять в первой степени, или десять километров в час. При двойке, скорость равняется десяти в квадрате, или ста километрам в час. Три на часах — это тысяча километров в час, четыре — десять тысяч, и так далее. Девять — это уже больше скорости света.

— Очень хорошо. Тогда почему это называется «часами»?

— Потому что это и есть часы, *сэр*. Одновременно они показывают, сколько часов прошло с тех пор, как запустили двигатель. Так они были придуманы. Мы движемся уже... — Джонс взглянул на часы — ... 19.12 часов, и соответственно наша текущая скорость... — секундная пауза на манипуляции с логарифмической линейкой — ... приблизительно двенадцать миллиардов скоростей света.

Джон уставился в потолок, пораженный собственными словами.

— Двенадцать мил... !

— Мы летим быстро, — сказал Шетланд. — Ничего удивительного, с учетом цели нашего полета.

Джонс потрясенно кивнул.

— Да. Тестирование возможностей двигателя и защиты на больших скоростях — это необычный приказ. Выводит нас за пределы нашей галактики. И мы уже почти это сделали. 19.283 это почти целый мегапарсек в час. Один мп/ч. Более трех миллионов световых лет за каких-то шестьдесят минут...

Шетланд нахмурился, а его пальцы выстукивали отрывистый ритм на панели под часами. Для Сомнанды путешествие представляло собой проверку маяка, Джонс видел его, как испытание двигателя. А что думает на этот счет Битон?

Неправильно поняв реакцию капитана, пилот бросился в дальнейшие объяснения.

— Нам нужно все проверить, прежде чем использовать такие двигатели на частных лайнерах. Мы так мало знаем о двигателе и том, что называем щитом. Тем не менее, невозможно путешествовать на сверхсветовой скорости без какой-либо защиты. Часть энергии двигателя используется для создания щита, отделяющего нас от обычного космоса. Вообще-то, это форма известного нам излучения Черенкова...

Настало время удивиться.

— Ты предполагал, что «Мег II» не разгонится свыше одного мп/ч?

— А что, мы *продолжаем* набирать скорость, *сэр*?

Ожила внутренняя связь. Это был Сомнанда.

— Капитан, подойдите к маяку, как только сможете.

Шетланд кивнул сам себе. Пламя маяка колыхалось. Но, тем не менее, все было не так однозначно. Он сам сделал так, что маяк реагирует, когда пойман врасплох. У всех бывают такие моменты.

– Тебя пугает скорость, Джонс?

Джонс облизнул губы.

– Смотря какая...

– Тридцать.

Джонс уставился на часы.

– Тридцать? Сэр, вы представляете, насколько это быстро? – Он схватился за свою логарифмическую линейку. – Мы несемся со скоростью в двенадцать миллиардов раз превышающей скорость света... и скоро она увеличится в квадрате, капитан. – Пилот отрицательно покачал головой. – Отвечая на ваш вопрос, сэр... нет, меня этим не напугать. Я привык к большим числам, и для меня они ничего не значат. Я не могу их представить. Как же тогда я могу быть напуган? Но, в тоже время, я знаю, что двигатель *может* разогнать нас до такой степени, и я хочу это попробовать.

Шетланд не согласился с аргументацией пилота: большинство боится именно того, чего не может представить. Но, казалось, Джонс пережил напряженный момент и пришел с ним к соглашению. Его явно нельзя считать главным подозреваемым.

Им должен был быть Битон. Шетланд пойдет и сделает свой ход в партии против Сомнанды, а затем соберется с мыслями для самого тяжелого «допроса».

– Но почему тридцать? – спросил Джонс. – ...Сэр.

Потому что там нас ждет Смерть, подумал Шетланд.

– Такой приказ, пилот.

Смертоносный приказ?

Каюта Битона представляла собой именно то, что можно было ожидать от каюты молодого космонавта: аккуратная армейская койка, прикроватный ящик с вещами, настенные плакаты с изображениями фигуристых девиц.

Шетланд не обратил на них никакого внимания. Он знал, что любой мужчина до тридцати лет развешивает такие плакаты на стенах, словно соблюдая негласное правило. Но, если мысленно убрать эту показуху, мужская комната становится довольно точным отображением личности хозяина.

Ничего. Необычного тут ничего не оказалось, никаких приметных деталей. Битон был слишком осторожным, чтобы выразить свою индивидуальность в оформлении каюты. Только одно кое о чем говорило: шахматная доска в углу стола с игрой в самом разгаре. Но даже это не являлось каким-то откровением. В космосе скука рано или поздно одолевала всех.

Шетланд тщательно осмотрел происходящее на поле, отмечая, что черные находятся в более выгодной позиции. Игра скоро закончится.

И тут до него вдруг дошло. Это была не обычная игра, а воспроизведение матча капитана с Сомнандой вплоть до последнего хода. И Сомнанда играл черными.

— Чем могу помочь, капитан? — неожиданно спросил картограф.

Битон был высоким светловолосым парнем. Его лицо имело вид «недавний школьник»: жизнерадостное и гладкое, а глаза — поразительно голубые, невинные. Но в досье говорилось, что ему двадцать четыре.

— Я восхищался твоей игрой, — сказал Шетланд.

Битону хватило приличия покраснеть.

— Можно назвать шахматы зрелищным видом спорта, сэр.

— Как зритель, как ты думаешь, у кого более выгодная позиция?

— Ну, сэр, я уверен, что смог бы выиграть белыми.

Капитан едва заметно улыбнулся.

— Ты должен знать, что те, кто летают на сверхсветовых кораблях, известны совсем не памятью или умом, и они не питают многих иллюзий.

— Извините, сэр. Должен признаться, ваша защита, логичная с позиционной точки зрения, в данной ситуации не обоснована. Но я, правда, восхищаюсь вашей способностью играть без доски. У меня так никогда не выйдет.

Шетланд пытался не воспринимать этот комплимент, но получалось не совсем успешно. Он пришел сюда составить мнение, а не затем, чтобы мнение составляли о нем. Трудненькая будет задача. Этот парень, как говорилось в досье, самый настоящий гений.

— Возможно, когда-нибудь ты мне покажешь, как выиграть белыми, — сказал капитан. — Так вышло, что я вижу доску и фигуры, даже если их физически не существует. Так же, как могу читать книгу, мысленно перелистывая страницы. Это одно из требований ведомства.

Битон сел на койку, не желая напрямую спрашивать капитана о причине его неожиданного визита. Шетланд так и не просветил его.

– Собираешься заняться исследованиями после путешествия?

Битон выразил удивление.

– Вы знаете? – спросил он и затем печально улыбнулся. – Ну да, вы, конечно, читали досье. Да. Изначально, лекции о небесной механике и всем таком наводили на меня скуку. Я сидел в переднем ряду, уставившись на коробочку с резинками, шевелящимися на столе профессора, как черви, пока он рассказывал о последних, еще неопубликованных открытиях. Раньше он любил об этом говорить... но все изменилось. Я собираюсь где-нибудь осесть, жениться...

– Уверен, что Элис – хорошая девушка. Да, наши сведения исчерпывающие.

Нарушают личную неприкосновенность... но это необходимо.

Битон с любопытством взглянул на него, а затем сделал то, что можно было расценить, как пожатие плечами.

– Женщина, – сказал Битон. – Это слово в английском языке стоит между «оборотнем» и «вомбатом».

Шетланд мысленно открыл большой словарь и бегло его пролистал. Оказалось, что так и есть.

– И хочу вас заверить, капитан, этот экземпляр с большими дынями на стене – не Элис.

Шетланд снова порывлся в толковом словаре и улыбнулся, найдя значение этой фразы. Битон играл с ним в игру, вынуждая отступать.

– Знаете, как мы познакомились, капитан? Я сидел в общественной библиотеке и читал статью по психологии, когда услышал какое-то цоканье, приближающееся ко мне со спины. Страшно удивившись, я на секунду подумал, что это лошадь. Знаете, такой звук, который создает это примитивное животное, когда какой-нибудь богатый выскочка выводит его на заасфальтированную улицу, и подкованные металлом копыта стучат, как кастаньеты. Я не мог не обернуться, чтобы узнать, откуда этот звук появился в библиотеке. Конечно, оказалось, что это совсем не лошадь, а всего лишь две девушки на каблуках. Но лошадь все еще была у меня в голове, и знаете, их ноги, *правда*, напоминали копыта, в хорошем смысле слова. Эти ноги были гладкие и изящные, как у чистокровных лошадей. Я громко засмеялся. «Теперь я знаю, почему их называют *кобылками*», сказал я. Одна из девушек услышала мои слова и подошла выяснить, о чем это я говорю. Ее тон был очень резким. Вот когда, не считая лодыжек, я рассмотрел ее в первый раз. На ней было зеленое вязаное платье, облегающее отличную фигуру... я вполне могу это признать. Меня поразила ее внешность. Что, в свою очередь, вело к тому...

– Так это была Элис?

— Нет. Так звали вторую девушку. Тогда я не обратил на нее никакого внимания. Она... ну, все довольно сложно. Не думаю, что это есть в ваших записях.

Шетланд уловил смысл. Записи были обманчивы. Они ничего не говорили о том, что могло бы помочь ему понять этого чрезмерно умного молодого человека. Ему тонко намекнули, чтобы он занимался своими делами.

Ох, как же Шетланд хотел, что он мог себе это позволить! Но Битон все еще был главным подозреваемым, и если под говорливым фасадом скрывался страх, капитан должен был это узнать.

— Ты признал, что в начале обучения, твои успехи были не очень-то выдающимися. Что стало причиной такой резкой перемены?

Возможно, где-то здесь и зарыта собака. Перемена была внезапной, и, вместо полного безразличия, Битон вдруг стал проявлять подлинную гениальность. В досье приводились комментарии нескольких инструкторов: «мгновенно приходит к верным выводам», «мыслит интуитивно, но ошибок не совершает», «даже те, кто списывают, «знают» меньше!».

Битон легкомысленно ответил:

— Может быть, я боялся, капитан. Боялся, что вернутся призраки прошлого. В наши дни одного диплома уже недостаточно: за последние десятилетия наштамповали столько докторских степеней, что еще одна ничего уже не меняет. Они, как вы знаете, копаются в твоих записях. Если я бы оставил за собой репутацию небрежного студента...

Продолжал ли парень дразнить капитана, размахивая перед быком красной тряпкой? Или сейчас была подлинная неловкость?

— ... хотя это неудачный способ ответить на ваш вопрос, — продолжал Битон. — Про «призраков», я имею в виду, ну, я всегда боялся сверхъестественного. Иногда даже подозревал, что мой давний страх привидений вызвал интерес к науке. Я словно пытался осветить темные углы, чтобы доказать, что ничто метафизическое не может мне навредить, поскольку ничего такого и в помине нет. Теперь это кажется нелепым.

Детские страхи. Шетланду не казалось это нелепым.

В данную секунду для «Мег II» вся Вселенная словно перестала существовать. Они летели с такой скоростью, что Галактику можно было пересечь менее чем за секунду, и без разницы, проходил корабль рядом с галактикой, или прямо через нее. Как легко это может вызвать чувство нереальности и освежить страхи прошлого.

К тому же, как легко играть на доверчивости навязчивого капитана...

— Академия до сих пор преподает Эйнштейна? — с улыбкой спросил Шетланд.

Битон тоже улыбнулся и показался, что он расслабился.

— До сих пор. Но, конечно, будет ошибкой считать, что сверхсветовая скорость опровергает его работы. Общая Теория никогда не утверждала,

что скорость света нельзя преодолеть. Хотя, сомневаюсь, что старик этого ожидал... Какова сейчас наша скорость?

Шетланд не пропустил волнение, охватившее Битона, легкий страх, заметный на кончиках пальцев. Битон знал, сколько сейчас времени, и мог выполнить нужные преобразования. Его вопрос казался жалобным призывом к подтверждению напугавших его результатов расчетов... или, наоборот, к их опровержению.

Капитан посмотрел на часы. 22.9, по времени двигателя.

— Всего лишь чуть более мегапарсека в секунду. Наше задание требует большей скорости.

Битон клюнул на наживку, определенно начав нервничать.

— Конечно, требует. Наше путешествие изменит всю небесную картографию. Мои инструменты отмечают расположение и форму каждой галактики и скопления, встречающихся на миллиардах парсеков нашего пути... хотя должен признать, что, при нашей скорости, они кажутся крошечными. Уйдет много лет на то, чтобы компьютеры на Земле обработали информацию, которую мы собираем за несколько часов. Но наше путешествие закончится через десять минут.

Шетланд не смог скрыть удивления.

— Через десять минут?

— Совершенно верно. Оно началось с огромным первобытным взрывом, разбросавшим материю и энергию во всех направлениях, заполняя пустой космос. Затем гравитация замедлила стремительное расширение и привела Вселенную в состояние равновесия размерами два миллиарда световых лет в диаметре. Но, когда сформировались галактики, силы отталкивания начали играть заметную роль, и расширение возобновилось. С начала начал уже прошло пять миллиардов лет, и наша Вселенная выросла до шести миллиардов парсеков в диаметре. Сейчас мы стоим на пороге кульминации, миссия закончена: мы достигли края Вселенной.

Для каждого существует свое оправдание путешествия, подумал Шетланд. У каждого свои заблуждения.

— Еще нет, — коротко сказал Шетланд.

Глаза Битона невинно уставились на него.

— Но нам, конечно же, нужно остановиться. Незачем выходить за край Вселенной.

— В соответствии с твоей теорией, приблизительно в 23.1, по корабельным часам, вся материя должна исчезнуть. Я просил, чтобы меня предупредили, когда такое произойдет. Никто ничего не сказал. Нет никакого края. Мы никогда не остановимся.

Битон побледнел. Он начал задыхаться. Глаза, не моргая, пристально смотрели на капитана.

Позади Шетланда с необычайной громкостью проревела внутренняя связь.

— Капитан, вы немедленно нужны у маяка!

Перестав обращать внимание на Битона, Шетланд развернулся и вихрем понесся по коридору, в ушах застучала кровь. Он знал, что его дыхание участилось не только из-за физических усилий.

Шетланд ворвался в каюту Сомнанды и в ужасе остановился. Маленькая свеча, символ связи с Землей, превратилась в колонну огня. Оранжевый свет заполнил комнату, бросая отблески на стены и с демонической яркостью освещая искаженное лицо Сомнанды.

Инстинктивно Шетланд понял, что делать. Страх уничтожал маяк. Капитан стоял, подавляя все признаки захлестывающих эмоций, обуздывая бешено колотившееся сердце гипнотическими волнами спокойствия и уверенности. Команду обуревали другие страхи: беспочвенные, основанные на невежестве. Только у капитана было право знать, и он не боялся. Не боялся.

Не боялся.

Постепенно он распространил вокруг себя льстивое спокойствие. Сомнанда перестал бояться. Никто не боялся. Временное потрясение, не более. Которое скоро забудется.

Пугающий цвет пламени побледнел. Колонна неохотно уменьшалась, становилась все ниже и ниже, пока не вернулась к своему обычному состоянию – огоньку с булавку величиной.

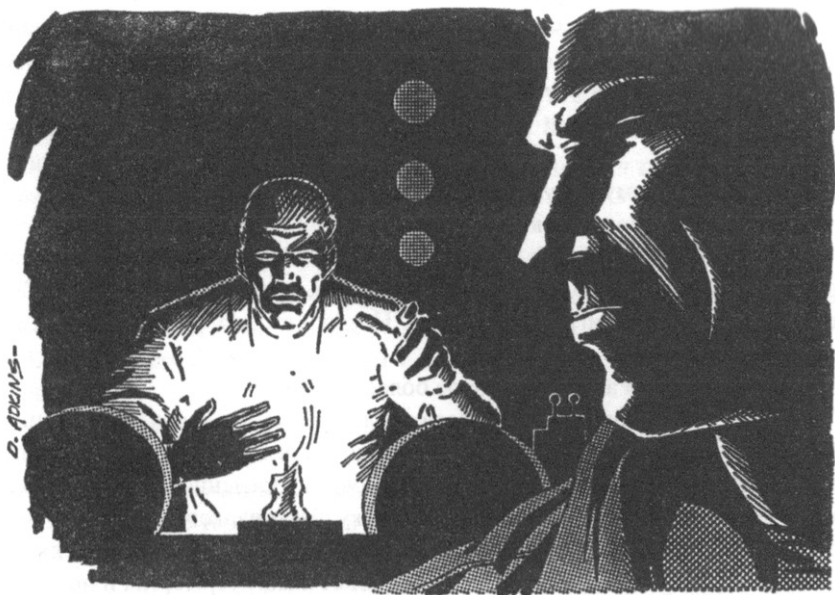
Лицо Сомнанды расслабилось. Видимо, возмущения маяка причиняли ему физическую боль. Его руки висели над столом, пальцы были растопырены, а их тыльная сторона горела ярко-красным цветом. Лоб блестел, по шее текли ручейки пота.

– Мои силы переоценены, – невнятно произнес Сомнанда необычно тонким для него голосом. – Я не смогу защитить маяк снова. От *такого*.

Так официально говорить после того, что произошло, подумал Шетланд. Но я все равно должен узнать подробности. Для человека у свечи я - тоже самое, что и Битон для меня. Внутри меня есть напряжение, и оно должно уйти. И, когда мой мозг переводит себя в нервные импульсы, они становятся колебаниями воздуха – бессмысленными звуками, и, если эти звуки станут менее хаотичными, то, может быть, тогда моя проблема исчезнет?

– Однажды, один фермер потерял много денег, – начал Шетланд. – Он считал, что их украл соседский мальчишка, но доказательств у него не было. Так что фермер стал наблюдать, как тот выполняет свои домашние обязанности, пытаясь понять, верны ли его догадки. Хотя парень делал все, как было положено, кое-что фермеру показалось подозрительным, словно мальчишка пытался скрыть свою вину. Фермер вернулся домой, уверенный в своих подозрениях. Позже он нашел пропавшие деньги в своем доме. Никто их не крал. Он вернулся, чтобы снова взглянуть на мальчишку, и на этот раз не нашел у того виноватого вида.

– Молодой картограф выглядит виновным, – сказал Сомнанда.

— Да, выглядит, — согласился Шетланд. — Он казался почти нормальным, пока я не оспорил эволюционную теорию развития Вселенной. А потом — вот это. Но я не могу осуждать кого-то на основе косвенных улик. Во время последнего анализа я тоже был напуган.

Бровь Сомнанды наморщилась.

— Я не совсем знаком с этой теорией. Там есть что-то, что может повлиять на характер нашего путешествия?

Шетланд улыбнулся про себя. С точки зрения Сомнанды, цель этого путешествия едва ли была связана с проверкой работы маяка. Действительность той или иной теории развития Вселенной на маяк бы никак не повлияла, если, конечно, какая-нибудь теория не сулила бы ему прямой угрозы. Опасность была реальной... но проистекала она из внутренних проблем, а не внешних.

— Эволюционная теория — одна из нескольких сформировавшихся теорий, — опять-таки никакого каламбура, — объясняющих наблюдаемое состояние Вселенная, — растолковывал Шетланд. — С земли видно множество скоплений галактик, каждое отделяется от всех остальных. Происходящее может быть обусловлено общим расширением всего космоса. Но причина этого расширения до сих пор неясна. Конкретно эта теория говорит о том, что пять миллиардов лет назад вся существующая материя заключалась в одном колоссальном ядре. Когда оно взорвалось...

— Теперь я понял, — оборвал Сомнанда капитана. — Это делает все галактики примерно одного возраста. Я предполагал, что самые далекие — более древние.

— Может, так и есть, — заметил Шетланд. — Данные, которые мы собираем, вероятно, прольют свет на этот вопрос, когда мы вернемся на Землю. Лично я считаю, что эта теория неверна, потому что мы уже вышли за пределы предполагаемой этой теорией Вселенной, но ее структура не изменилась.

— Может, поэтому испугался картограф?

Шетланд нервно расхаживал туда-сюда.

— Не пойму, с чего. Вот что удерживает меня. Исключение одной теории должно иметь последствия не большие, чем исключение неверной стратегии во время игры в шахматы. Неудобство, да. Но вряд ли нечто пугающее.

— Конечно, если альтернатива не более опасна.

— Если эволюционная теория не подходит, то самым очевидным вариантом будет теория «стационарного состояния», согласно которой галактики формируются и будут формироваться у границ Вселенной из-за постоянного появления новой материи. Поскольку нет никакого «начала», Вселенная устойчива в пространстве и времени и не изменяется. Отдельные галактики, однако, *развиваются*, и мы откроем как старые, так и новые. А сама Вселенная станет больше.

— Больше?

— Потому что эволюционная Вселенная была бы еще молода, ограничена промежутком времени в пять миллиардов лет с момента взрыва. Но, в среднем, галактика живет в десять раз дольше и, если предположить, что расширение происходит экспоненциально, Вселенная, со временем, может достигнуть радиуса в десять тысяч терапарсек, плюс минус один-два порядка.

Сомнанда переварил услышанное.

— Один терапарсек — это...

— Миллион мегапарсек. Но наш двигатель доставит нас туда через каких-то тридцать часов.

— Это будет размер стационарной Вселенной, поскольку она не... молода?

— Если моя догадка верна. Картограф, вообще-то, должен понимать такие вещи лучше, чем я. Он пытается составить карту Вселенной.

— Возможно, он знает нечто, о чем мы понятия не имеем.

Шетланд снова начал расхаживать по каюте.

— Он никогда не упоминал о стационарном состоянии. Она для него словно не существует.

— Может быть, его страх имеет причины. Нужно это выяснить.

Какое решение принял капитан «Мег I»? Ждал он тридцать часов, чтобы допросить своего «Битона»? Или какая-то невообразимая угроза поглотила их корабль, как только он вышел за пределы стационарной Вселенной?

Решение предыдущего капитана было неверным. Как Шетланд может все улучшить, не зная, что случилось?

V

Когда Битон вошел в каюту с маяком, часы корабля показывали двадцать пять.

— Докладываю, как приказано, сэр.

Шетланд боялся тратить время. Он смотрел на свечу, пока говорил:

— Кажется, ты чего-то боишься, Битон, и мне важно понять, чего. Такие эмоции влияют на маяк.

Битон ответил ему уверенным взглядом, в котором не было и следа страха.

— Могу я говорить откровенно, сэр?

Когда подчиненный почувствует необходимость адресовать этот вопрос капитану, результат может оказаться весьма приятный.

— Приказываю тебе говорить именно так.

— Я хотел бы перефразировать вопрос, — сказал Битон, опустив «сэр».

Он был умен и, вероятно, ожидал подобного.

— Думаю, я боюсь того, чего и вы. Вы признаете это?

— Я боюсь многих вещей. Продолжай.

— Нас пугает очень реальная угроза, и она не имеет ничего общего с маяком. Мы с вами знаем, что на краю Вселенной нас ждет смерть. Один корабль она уже забрала, а, возможно, были и другие.

Сомнанда поднял взгляд, но сохранил молчание.

— Важно понимать, что это был не несчастный случай. Если мы не включим обратную тягу, нас ждет та же судьба.

— Нет, — просто сказал Шетланд.

В дверном проеме показалась голова Джонса.

— Я не помешал? — спросил он. — Мой помощник отсутствует слишком долго, и я уже начал волноваться...

— Ты должен это послушать, — властно сказал Битон.

Сомнанда кивнул.

Шетланд переводил взгляд то на одного, то на другого. Нет ли между ними безмолвного соглашения? Сколько членов его экипажа хотят прервать миссию? Ситуация становилась напряженной.

Джонс, казалось, тоже чувствовал себя неловко.

— Послушайте, если хотите, чтобы я ушел...

Шетланд перехватил инициативу.

— Мистер Битон считает, что наш путь ведет к опасности. Он собирался объяснить, почему «Мег» стоит развернуть преждевременно.

Повисло молчание. Пламя маяка задрожало сильнее, чем раньше? Чье напряжение было за это в ответе?

— Продолжай, Битон, — настойчиво сказал Шетланд.

Картограф сглотнул, — наконец-то в нем проявился нервничающий молодой человек. Пламя *стало* ярче.

— Вы знакомы с теорией стационарного состояния космоса, — быстро сделав верный вывод, как и говорилось в досье, сказал Битон. — Я ожидал, что наши открытия ее исключат... Надеялся на это. — Он посмотрел на растущее пламя и затем отвернул взгляд. — Для большинства людей, между одной теорией развития Вселенной и другой разница невелика. В конце концов, это не оказывает видимого эффекта на повседневную жизнь. Но для тех, кто путешествует на невообразимые расстояния, эта разница может отделять жизнь от смерти.

— Говори, к чему ты клонишь, — прорычал Шетланд.

— В центре, где галактики молодые, мы в безопасности. Но у края Вселенной они старые. А за ними... — Он прервал себя, посмотрев на желтое пламя. — За краем они мертвые.

Битон по очереди посмотрел на всех находящихся в каюте и увидел только озадаченность.

— Неужели вы не понимаете? Они умерли. За краем Вселенной нет ничего, кроме призраков, злобных духов когда-то живших галактик.

Шетланд посмотрел на Сомнанду, который отрицательно покачал головой. Глянул на Джонса, чей рот был открыт.

— Вы сошли с ума! — выпалил Джонс.

Битон подпрыгнул, и пламя повторило его движение.

— Нет, нет, — закричал он, — вы должны понять. Нам нужно остановить корабль, пока еще не слишком поздно.

— Сверхъестественное нам не угроза, — отрезал Шетланд.

— Капитан! — голос Сомнанды не допускал отлагательства.

Шетланд мигом развернулся. Маяк превратился в огненный шар, пожирающий сам себя.

— Остановите корабль! — закричал Битон. — Там призрак...

Внезапно, в руке Шетланда оказался пистолет. Происходящее, казалось, на мгновение застыло: Сомнанда в углу, приподнявшись над стулом, с агонизирующим, потным, подсвеченным оранжевым блеском лицом. Пристально уставился на молодого картографа Джонс, чье лицо было искажено смятением и недоверчивостью, а кожа головы под редкими волосами светилась красным. Битон, чей кулак повис в воздухе, рот был широко открыт, а зубы оскалены.

Одно слово капитана может снять эту угрозу. Ему лишь нужно согласиться остановить корабль. Пренебречь приказом.

Затем Битон начал падать, поглощенный посверкивающим облаком. Газ из капсулы, которой выстрелил Шетланд, уже рассеивался, но Битон пробудет в глубокой коме, по крайней мере, двенадцать часов. За это время они точно минуют переломный момент.

— Капитан, — голос Сомнанды, как это обычно бывает, разрезал его размышления, — почти нет сомнений, что причиной возмущений был страх

молодого человека. Но, согласись вы включить обратную тягу, страх сошел бы на «нет».

Пламя стало нормальным.

— Я не мог этого сделать.

Джонс издал звук.

— Вы знали, как проще всего предотвратить конфликт, и все равно вырубил его?

— Да.

Джонс посмотрел на капитана с таким же выражением, каким он до этого наградил Битона.

— Капитан... я уже не так уверен, что сумасшедший тут Битон. Возможно, он был *прав*. Вы так и не дали ему все объяснить.

Шетланд посмотрел на лежащее без сознания тело, такое спокойное сейчас.

— Если бы его подозрения подтвердились, Пилот, его страх точно уничтожил бы маяк.

— Его подозрения... — поразился Джонс. — Так вы признаете это! Там *есть* призрак!

— Не призрак. Корабль. Корабль, с которым внезапно прервалась связь. Мне приказано провести расследование. Так я и поступлю.

— Попад прямо в ту же ловушку?

— Таков мой приказ.

— Приказ! — Пламя снова начало увеличиваться. — Капитан, я не могу с этим согласиться.

Шетланд кисло посмотрел на Джонса.

— *Ты* не можешь согласиться, Пилот?

— Нет, не могу. Призрак поглотит и нас. Надо разворачиваться.

Голова Сомнанды рядом с растущим пламенем медленно повернулась к Джонсу.

— Теперь мне все ясно, — сказал пилот. — Битон был прав. Когда галактики умирают, то становятся призраками. И они ненавидят все живое. — Оглянувшись, он посмотрел на пламя. — Вы что, не понимаете? *Нам нужно развернуть корабль!*

Вспышка, искры, рассеивающееся облачко — и пилот присоединился к картографу.

Пламя успокоилось. Сомнанда и Шетланд посмотрели друг на друга.

— Ваш ход, капитан.

Шахматы... даже при таком стечении обстоятельств Сомнанда думал об игре!

— Надеюсь, мое положение на корабле лучше, чем у моих фигур, — сказал капитан. — Мне придется хорошенько обдумать следующий ход.

— Ваше положение вполне крепкое, — загадочно сказал Сомнанда.

Шетланд подтащил лежащих без сознания членов экипажа к стене каюты.

– Думаю, будет лучше, если остальные их не увидят, по крайней мере, в ближайшее время, – сказал он и затем, уловив любопытство Сомнанды, добавил, – может показаться неразумным приносить таким образом в жертву двух человек вместо того, чтобы удовлетворить их довольно простое требование. Но, в то время, как я могу кому-нибудь передать их должностные обязанности, я не могу позволить себе проигнорировать их капризы или дать эмоциям разрушить маяк.

Да, капитан чувствовал нужду оправдаться перед Сомнандой и проклинал свою моральную неустойчивость.

– Ты кажешься неблагоразумным.

В устах Сомнанды такие слова были лишь констатацией факта, а не оскорблением.

– Я и есть неблагоразумный. Иногда это единственный выход – нелогичная жертва для того, чтобы выиграть партию.

Шахматные аналогии продолжали лезть в голову капитана. Разве это нормально?

Сомнанда ждал.

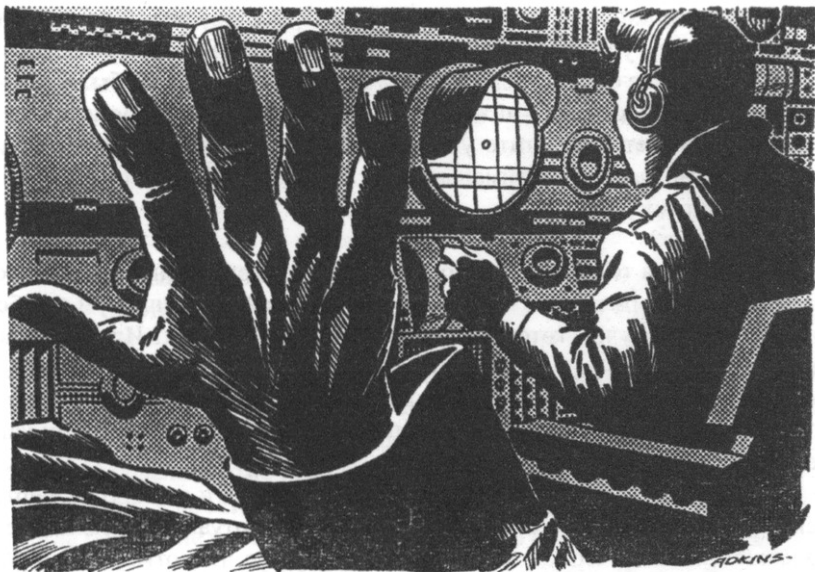
– Долгие путешествия на сверхсветовой скорости были редки, – продолжал Шетланд. Следовательно, улика неубедительная. Но, похоже, что с увеличением скорости у многих возникает определенное... искажение личности. Возможно, это побочный эффект двигателя, или просто реакция психики на изоляцию от обычной Вселенной. Это один из моих страхов, и я всегда за этим слежу. Вот почему я очень осторожно раскрываю суть моих приказов. При движении со сверхсветовой скоростью, нельзя доверять индивидуальным суждениям. Обычные люди часто подвержены такому. Жертвам бессмысленно рассказывать об их заблуждениях. Они, фактически, становятся психически нездоровыми. Думаю, ты сейчас кое-что из этого наблюдал.

– Да.

– Капитан – не исключение, – слабо улыбнувшись, сказал Шетланд. – У меня тоже есть причины для тревоги и внутренние сомнения. Я спрашиваю себя, в чем смысл нашего путешествия, его очевидной одноразовости, отношения определенных членов экипажа, свидетельств сверхъестественного. На данный момент я не верю, что маяк... что он символизирует хоть сколько-нибудь действующую связь с Землей. Но если она существует, то почему нет призраков галактик? Я, правда, ожидаю, что на тридцатом часу мы прекратим свое существование... но я не поверну назад.

– Понимаю.

– Потому что мое собственное мнение тоже субъективно. Только одно я могу считать объективным: данные мне приказы. Я получил их еще до того, как путешествие началось, и они были обоснованными тогда, а значит, и сейчас. Если я хочу изменить их, то лишь потому, что мое нынешнее, а не раннее, понимание ситуации предвзято. Следовательно, я должен

придерживаться того, что сейчас мне может казаться неразумным... я так и поступлю.

VI

Часы показывали 28.8. Один терапарсек в секунду. Скоро путешествие действительно закончится... так или иначе.

Шетланд оказался в каюте Битона и рассматривал расставленные на шахматной доске фигуры. Зачем он пришел? Потому что приближался тридцатый час, и вместе с ним росла неуверенность? Или просто вина за то, что он не принимал во внимание эту неуверенность?

Шетланд вспомнил фотографию Элис, улыбающейся парню, которого, возможно больше не увидит. Станет ли она вдовой еще до брака, потому что для одного капитана приказы оказались важнее здравого смысла?

Это было сверхъестественно, – то, как молодой человек предугадал все ходы и в точности воссоздал игру, о которой капитан никому не рассказывал. Это же была личная игра. Шетланд сложил фигуры в коробку и закрыл доску. Под ней лежал листок, прежде невидимый. Он поднял его и увидел несколько строчек. Казалось, они описывали стратегию идущего матча. Матча капитана?

Шетланд мысленно примерил записи к игре. Они совпадали. Но ходы были совсем не такими, как их сделал бы он. Они начинались от текущей позиции, но стиль был диаметрально противоположный. Битон сказал, что смог бы выиграть белыми, – и, невероятно, но записи доказывали это. Начиная с очень сомнительной жертвы королевы, белые добивались серьезного преимущества на тридцатом ходу. Эти ходы нарушали боль-

шинство принципов хорошей позиционной игры, но, тем не менее, как капитан мог сам убедиться, были вполне действенными.

Конечно, он не стал бы использовать их: заслуга, по праву, была не его. Но он покажет Сомнанде интересный урок: как независимое и храброе мышление может превратить уверенное поражение в победу. Книжная игра не всегда является оптимальной.

К тридцатому ходу.

Совпадение?

Или намеки на то, что его глупость помешала возвращению Битона домой? Было ли нормальным предполагать, что такой блестящий ум ошибся как раз в этом случае, который был действительно важен? Или же ужасный страх картографа основывался на факте, а не плодах воображения, и искажение личности едва ли повлияло на его способность мыслить ясно?

До Джонса тоже, в конце концов, дошел смысл слов Битона, и он увидел, что тот прав?

Для чистоты эксперимента предположим, что так и есть. Что Смерть, действительно, ждет нас на тридцатом часу. Что ситуация оказалась безнадёжной, потому что командир, не смотря ни на что, отказался отклоняться от инструкций, от приказов... неважно, от чего.

В шахматах ответом был бы полный пересмотр стратегии. Инструкции пришлось бы выкинуть. А в жизни...

Изображение шахматной доски в голове капитана превратилось в образную карту Вселенной. Галактики в стационарном состоянии неслись из центра наружу, рождаясь пешками, и умирая королями на краю Вселенной.

А потом фигуры ожили, но все остальное не изменилось. Пешки стали младенцами, короли – стариками. Доска, которая была Вселенной, превратилась в город без зданий. Младенцы хаотично рождались в центре и деловито расползались во всех направлениях. Пробираясь к границам города, они вырастали в детей: у одних были головные уборы в виде слонов, у других – в виде коней. Дальше они становились мужчинами и женщинами: первые изображали ладей, а вторые – ферзей.

Наконец, у края, в ожидании смерти, толпились старики-короли. Размер города управлялся возрастом жителей. Когда они становились слишком старыми, чтобы идти дальше, город заканчивался. Большинство умирало за пятьдесят шагов. Граница города была одной большой могилой. Никого не хоронили: где они падали, там тела лежали и гнили, а белые кости хранили воспоминания умерших.

Затем, благодаря какому-то чуду, на краю Вселенной появилось дитя. Из-за какого-то каприза природы, оно обошло законы жизни и вторглось на территорию смерти задолго до положенного срока. Дитя по имени «Мег».

Древние кости задрожали от ярости. Ни одному живому существу не позволялось осквернять огромное кладбище. Злые духи собрали свои

силы, сконцентрировали призрачную энергию, раскрыли тяжелые челюсти и сказали:

– Капитан! Капитан!

Это был Сомнанда. Шетланд вздрогнул и очнулся в каюте с маяком. Желтый свет бушевал снова и, на этот раз, причиной был он сам.

– Включить обратную тягу! – прокричал капитан в микрофон внутренней связи.

Часы показывали 16.49 – но это была скорость, а не время. Снова капитан «Мег II» стоял перед пилотом, притворяясь, что ничего не произошло.

– Капитан, – сказал Джонс. – Капитан... я хочу кое-что сказать.

Что он может сказать? Что он возмущен, как его усыпили газом, а затем, когда он очнулся, то узнал, что его помощник включил обратную тягу в 29.34, по приказу того самого капитана, который выстрелил в него за требование сделать тоже самое?

– Капитан, я просто хочу извиниться. Не знаю, что на меня нашло. Я никогда раньше не терял так голову. Я не верю в призраков. Просто... почему-то не мог... хочу сказать, вы все сделали правильно, и я вижу, что вы были правы все время. Извините, что забылся.

Джонс извинялся за то, что подвергся искажению, и сейчас, когда корабль замедлился, оно ослабло, и он смог понять, что с ним произошло. Искажение, в котором он не был виноват.

– Мы все были на грани, – сказал Шетланд, поняв, что неприязнь к пилоту прошла.

Был ли какой-нибудь смысл в том, чтобы попытаться объяснить?

16.36. Тринадцать часов торможения, и скорость «Мег II» с каждым часом падает в десять раз. И все еще движется навстречу ужасу с невероятной скоростью. Через двадцать девять часов корабль остановится почти на том же месте, которого он бы достиг после тридцати часов ускорения. Двигатель, работающий по экспоненциальному принципу, был удивительной вещью.

16.34. Только полностью остановившись относительно точки старта, они могли выключить главный двигатель и применить маневровые реактивные двигатели, чтобы развернуть корабль и начать путешествие домой. Затем снова ускоряясь до...

Разверзлись пучины ада.

Корабль сильно потрянуло, и Шетланд отлетел к дальней стене. Острая боль охватила левое плечо, а еще один толчок сбросил капитана на пол. Мучительный крик пронзил уши, а красный туман окутал мозг, загородив весь вид выше горизонтального уровня. Смутно он заметил ноги пилота, запутавшиеся в упавшем на пол стуле, Джонс, будучи более настороженным, чем капитан, удержался на месте. Запахло горелой изоляцией.

– Вырубить двигатель! – проорал Шетланд.

Он попытался встать, но дернувшийся пол смахнул его в сторону. Завопила система оповещения о повреждениях: нарушена целостность корпуса.

— Капитан, — голос Джонса шел откуда-то издалека, — мы на сверхсветовой, нельзя...

— ВЫРУБАЙ!

Джонс шевельнул рукой, и каким-то чудом в корабле стало тихо. Шетланд неуверенно поднялся на ноги, не обращая внимания на боль.

Сигнализация затихла. Кто-то, наверное, уже починил повреждение. Этот человек получит официальную благодарность. Дым клубами поднимался над приборной панелью, а в это время руки Шетланда, действуя по собственной воле, нашарили архаичный, но еще вполне работоспособный, предусмотренный по технике безопасности, огнетушитель. Внезапно это устройство начало выбрасывать ядовитую пену прямо на ботинки капитана. Он повернул его, уже чувствуя укусы холода, — кристаллы льда отлетали, как куски стекла, пока капитан топал к приборной панели.

— Остановитесь, капитан! — кричал Джонс. — Не нужно, не нужно. Питание выключено.

Шетланд опустил огнетушитель. Теперь он нашел время осмотреть свои раны. Боль, на эту минуту, была скрыта, но, на самом деле, никуда не делась и, через некоторое время, возникнет в избытке. Капитан удивился, что не обнаружил крови. Он не чувствовал левой руки и понял, что проблема с огнетушителем возникла потому, что он управлялся с ним одной рукой. Левая была бесполезной, хотя и не сломанной.

— Капитан. — Почему пилот всегда пускался в размышления, даже в самые напряженные моменты? — Капитан... — голос пилота звучал удивленно. — Приборы работают!

— Для этого они и нужны, — коротко пояснил Шетланд.

— Но мы же на сверхсветовой! — Джонс, такой способный в экстренных ситуациях, теперь словно разваливался на части. — Двигатель выключен. Щита нет. Почему мы все еще живы?

Шетланд понял, что произошло, еще в момент сильного толчка. Но он не был уверен, что сумеет без труда объяснить это пилоту. Возможно, Джонс нелегко воспримет правду.

— Ты веришь в призраков? — поинтересовался капитан.

Джонс напрягся. Он уже дал понять, что отрицает их существование. Шетланд посочувствовал, но это было необходимо.

— Нет, сэр, — сказал пилот.

— Посмотри на приборы, — приказал Шетланд. — Скажи, что ты видишь на них.

Джонс подчинился.

— Мы приближаемся к объекту размерами с галактику, движущемуся со скоростью чуть меньше скорости света. Приблизительная масса... — Он замаялся.

– Продолжай, пилот.

– Сэр, кажется, прибор сломан.

Шетланд ответил с намеренной жестокостью.

– Мне что, нужно учить тебя основам навигации? Где предупреждающие световые сигналы? Ты знаешь, что прибор не сломан.

– Но так не может быть...

– Не спорь. Что он говорит?

Джонс, казалось, сжался. Его губы зашевелились, чтобы сказать слова, которые отторгало сознание.

– Говорит... говорит, что у галактики, к которой мы приближаемся, отсутствует масса.

Шетланд мрачно улыбнулся.

– Спрошу тебя снова, ты веришь в призраков?

VII

– Да, тут *есть* призрак, – сказал Шетланд, пока корпус «Мег II» содрогался от действия маневровых реактивных двигателей.

Корабль разворачивался, чтобы лечь на обратный курс.

Все четверо снова находились в комнате с маяком и смотрели на спокойное пламя.

– Мы все были в чем-то правы, – объяснил Шетланд, – но оказались ослеплены разными представлениями о миссии и нашим общим страхом перед неизвестным. Мы пытались исключить сверхъестественное... не осознавая, что, когда мы начинаем понимать его природу, сверхъестественное становится естественным. Картограф Битон был ближе всех...

– Но я эмоционально не мог принять то, что подсказывал мне разум, – сказал Битон. – Это все так невероятно...

– Я все еще не понимаю тебя, – возразил Джонс. – Мы – живые, а там... нечто. Это я признаю. Но во Вселенной нет ничего достаточно твердого, чтобы встряхнуть корабль, несущийся свыше скорости света, а у нас было 16.34 на тот момент. Это один световой год в секунду! Но нас ударило так, что ящик с бобами сорвался со своего места и пробил корпус. Или, по крайней мере, попытался. – Пилот посмеялся. – Не будет ли *это* эпитафией для погибшего корабля: сбит банкой бобов на сверхсветовой скорости!

– Я тоже мало что понимаю, – сказал Сомнанда. – Могу лишь сказать, что потерять щит во время движения на сверхсветовой означает верную гибель. Твердая материя не может существовать при скорости один световой год в секунду.

– Мы «столкнулись» с призраком, – сказал Шетланд. – Битон, теперь многое прояснилось. Закончи свою теорию.

Битон с радостью взял слово.

– Как я пытался объяснить ранее, но каким-то образом не смог подобрать правильные слова: в центре – галактики молодые. Но на протяже-

нии пятидесяти миллиардов лет или около того, они стареют, как и люди. По крайней мере, они набирают вес и становятся неповоротливыми. Галактика ближе к концу своей жизни невероятно массивна — такая плотная и гравитация на ее поверхности такая мощная, что ее не может покинуть даже свет. Внутри, тем не менее, продолжается разрушение, и заключенная энергия... ну, нам не приходилось сталкиваться с подобным. Материя постепенно исчезает... но из-за энергии оттуда все равно не вырваться. Остается галактика, чья материя исчезла, но которая все еще существует, как объект. Призрак.

— Призрак галактики! — воскликнул Джонс. — Но он не должен оказывать никакого эффекта...

— Не забывай, что призрак движется, — напомнил Шетланд. — Эта *не-галактика* перемещается со скоростью, соответствующей краю Вселенной: 16.04 по часам корабля. Поскольку здесь нет ничего другого...

— Это означает, что в этой части пространства скорость отсчитывается от *этой галактики*! — воскликнул Джонс. — В пустоте скорость ничего не значит. Она должна быть привязана к какой-нибудь массе, или...

— Или призраку, — вставил Битон. — Видимо, законы физики тут меняются. Мы обнаружили гораздо больше, чем просто галактику.

— Итак, относительно призрака, мы снизили скорость ниже скорости света, и щит опустился автоматически, оставляя нас в обычном пространстве. Даже у края, эта энергия перегрузила двигатель... — Джонс прервался. — Но что случилось бы, если бы мы оказались *внутри* призрака?

— Или пролетели сквозь него на сверхсветовой, — добавил Сомнанда.

Шетланд поразмыслил.

— Подозреваю, что внутри призрака меняется сама структура пространства. И «Мег I» невольно попал туда...

Пока до экипажа доходил смысл этих слов, повисло молчание. Было ли это окончательным свидетельством того, что, несмотря на безграничные амбиции, человек все-таки способен не на все? Окруженный бесчисленными и смертельно опасными призраками... или само их существование было новым вызовом, самым трудным из всего, с чем люди сталкивались прежде? Что найдут первые исследователи, когда припаркуют свой флот и осторожно проникнуть внутрь этого чудовища?

— Капитан.

Шетланд поднял голову.

— Ваш ход, капитан.

The ghost galaxies, (If, 1966 № 9). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ:

Джин Вулф (1931 -) – прославленный американский фантаст, автор многочисленных романов и произведений малой формы. На русском языке выходили десятки его книг, в том числе знаменитая серия «Книга Нового Солнца».

Джек Данн (1945 -) – американский фантаст, на склоне лет переехавший жить в Австралию. Автор циклов, романов и повестей с рассказами. На русском издавался мало, отрывочно – пара романов из разных серий. Но фантаст разнообразный и очень интересный. Заслуживающий более пристального внимания.

Джон Варли (1947 -) – знаменитый американский фантаст. На русском выходила трилогия «Гей», а также многочисленные повести и рассказы.

Спайдер Робинсон (1948 -) – американский фантаст, известный в первую очередь тем, что написал много произведений в цикле «Бар Галлагена», который начал знаменитый Л. Спрэг де Кап. На русском выходила только повесть «Дети Сатаны» и несколько рассказов.

Ким Стенли Робинсон (1952 -) – прославленный американский фантаст, автор более сотни произведений, из которых изрядную часть занимают романы. Лауреат более двадцати премий по фантастике. Наиболее знаменита его серия «Марс». На русский выходила «Калифорнийская трилогия» и несколько повестей и рассказов.

Пирс Энтони (1934 -) – знаменитейший фантаст. Родился в Англии, но постоянно живет и трудится в Америке. Кто из любителей фантастики не знает Пирса Энтони? Он автор более двух сотен романов, не считая рассказов и повестей. Из-под его пера вышли многочисленные серии. На русском издавался множество раз, в том числе и часть знаменитой (и самой объемистой, более 30-ти романов) серии «Ксанф», а также многих других. И все равно более часть его творчества остается пока что недоступной русскоязычным читателям.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя

ФАНТАСТЫ ПОСЛЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА	3
------------------------------------	---

ДЖИН ВУЛФ

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА КЕНТАВРА ФОЛА	7
The woman who loved the centaur Pholus, (Isaac Asimov's Science Fiction Magazine, 1979 № 12). Перев. Игоря Фудим.	

ДЖИН ВУЛФ

ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ЛЮБИЛ ЕДИНОРОГ	17
The woman the unicorn loved, (Isaac Asimov's Science Fiction Magazine, 1981 № 6). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.	

ДЖЕК ДАНН

(в соавт. с Гарднером Дозойсом)

НЕВЕСТА ИЗ ДРУГОГО ВРЕМЕНИ	37
Time bride, (Isaac Asimov's Science Fiction Magazine, 1983 № 12). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.	

ДЖЕК ДАНН

ЧЕРНАЯ МАГИЯ.....	57
Bad medicine, (Isaac Asimov's Science Fiction Magazine, 1984 № 10). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.	

ДЖОН ВАРЛИ

ПИКНИК НА БЛИЖНЕЙ СТОРОНЕ.....	81
Picnic on Nearside, (Fantasy & Science Fiction, 1974 № 8). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.	

ДЖОН ВАРЛИ

«БАГАТЕЛЬ»	103
Bagatelle, (Galaxy, 1976 № 10). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.	

СПАЙДЕР РОБИНСОН

АНТИНОМИЯ.....	129
Antinomy, (Destinies, 1978 №№ 11-12). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.	

СПАЙДЕР РОБИНСОН
ЗМЕИНЫЕ ЗУБЫ 161
Serpents' teeth, (The Best Science Fiction of the Year №11.
Editors: Terry Carr, 1982). Перев. Андрея Бурцева и Игоря
Фудим.

КИМ СТЕНЛИ РОБИНСОН
НАШ ГОРОД..... 175
Our Town, (Omni, 1986 № 11). Перев. Андрея Бурцева и Иго-
ря Фудим.

КИМ СТЕНЛИ РОБИНСОН
ПРЕЖДЕ, ЧЕМ Я ПРОСНУСЬ..... 181
Before I Wake, (Isaac Asimov's Science Fiction Magazine, 1990
№ 4). Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.

ПИРС ЭНТОНИ
ОТ РАЗОЧАРОВАНИЯ ДО САМОДОВОЛЬСТВА 195
Possible to rue, (Fantastic Stories of Imagination, 1963 № 4).
Перев. Андрея Бурцева и Игоря Фудим.

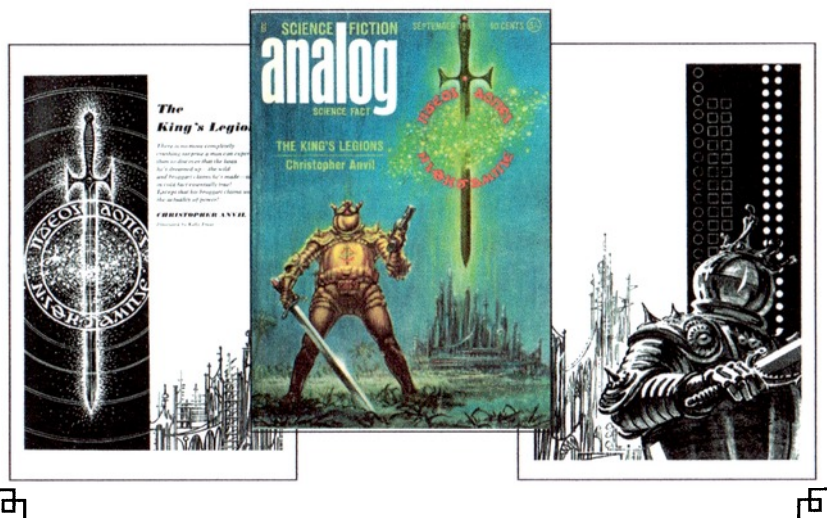
ПИРС ЭНТОНИ
ПРИЗРАЧНЫЕ ГАЛАКТИКИ 199
The ghost galaxies, (If, 1966 № 9). Перев. Андрея Бурцева и
Игоря Фудим.

Читайте в
следующем томе:

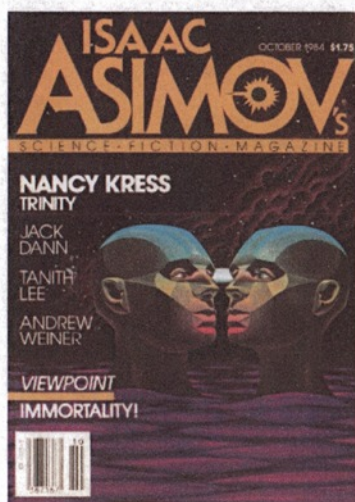
Кристофер Энвил
«МЕЖЗВЕЗДНЫЙ ПАТРУЛЬ»

В 21-м томе будет опубликована первая половина знаменитой серии Кристофера Энвила «Межзвездный патруль». Серия состоит из отдельных повестей и рассказов. На русском из нее была опубликована лишь повесть «Королевская дорога».

БААКФ

ПРИЛОЖЕНИЕ

- ФАНТАСТЫ ПОСЛЕ ЗОЛОТОГО ВЕКА -

Змеинные зубы